

пионерлагерный театр

ИЛИ

**Т е р р и т о р и я
м у с о р а**

УДК 82-2
ББК 84 (2Рос-Рус)6
П32

Батурина А., Букреева А., Ищенко Ю. и др.

П32 Пионерлагерный театр, или Территория мусора.
Пьесы. — СПб.: Новое культурное пространство, 2016. —
384 с.

ISBN 978-5-9904442-3-2

Здесь предлагается выборка пьес для репертуара самодеятельного театра. Условно он назван «пионерлагерным». Давно нет пионеров; то, что подсовывают на их место, подобно оригиналу как зазывала греческой забегаловки с Невского проспекта — статуе дискобола. Страна превращена... в цветущий сад. Лагеря проданы под котэджи. Тучно колосятся поля борщевика. (Отсюда второй заголовок: «территория мусора».)

Так откуда вдруг взялся театр? Оттуда. Откуда и мертвые с косами стоят. Генетическая память, вот откуда. Потеснив борщевик, торжествуют и пробивают полувековую свалку и новомодный хлам — понятия о красоте и справедливости. Усталые, но довольные пионеры в лесу жарят на костре окунька, запивают портвейном «Три топора» и участвуют в конкурсе «Алло, мы ищем таланты».

Вы тоже талант?

Присоединяйтесь.

ОТДЕЛЬНОЕ НАПОМИНАНИЕ. Присутствие в тексте ненормативной лексики подразумевает, что как авторы, так и читатели сборника — **взрослые пионеры.**

ISBN 978-5-9904442-3-2

© Батурина А., Букреева А., Ищенко Ю., Клеблев В.,
Лисакотя С., Медведько Ю., Сташков Е.,
Поспелова Ю., 2016
© Сташков Е., иллюстрации, 2016
© Новое культурное пространство, 2016

Содержание

<i>Юрий Ищенко</i>	
Сценки для пионерлагерного театра	5
<i>Владимир Клеблев, Юрий Медведько</i>	
Протокол о намерениях	35
<i>Анна Батурина</i>	
Чешская харчевня	101
Территория мусора	131
Военный обрубок	145
<i>Юлия Поспелова</i>	
Бах-бах-бах	157
<i>Анастасия Букреева</i>	
Чужой	193
<i>Светлана Лисакотя</i>	
Вьетнамчик	225
<i>Женя Сташков</i>	
Страхолюдина	295

Юрий Ищенко

СЦЕНКИ ДЛЯ ПИОНЕРЛАГЕРНОГО ТЕАТРА

Победа романтизма

Драматическая сценка для Елены Кузьменок, в которой присутствуют ее друзья Тутса и Владимирский.

Владимирский — протухший наркоман.

Тутса — ангел во плоти.

Молодожены Владимирский и Тутса после первой брачной ночи встречаются за завтраком.

Тутса. Ну ты меня вчера и выебал, Владимирский!

Владимирский. Я тебя? Вчера?

Тутса (*утвердительно кивает головой*). Ты. Ты меня вчера выебал.

Владимирзский. Что ты такое говоришь? Опомнись, Тутса!

Тутса. Лучше сам вспомни. Ебал, ебал, и не помнишь. Еще как ебал!

Владимирзский. Остановись! Не было такого!

Тутса. Ничего себе, не было! Всю выебал, всю-всюшеньку.

Владимирзский. Тутса! Я любил тебя вчера! Понимаешь? Всю ночь всю Тутсу я любил!

Тутса. Да, конечно. Но при этом и ебал. Что, будешь отрицать или не будешь отрицать?

Владимирзский (*потерянно*). Значит, выебал?

Тутса. Еще как! Всю-всюшеньку так вот прямо и выебал меня Владимирзский!

Владимирзский (*больше не может пить кофе*). Я тебя выебал, Тутса. Я тебя и уебу.

Занавес резко падает на головы молодоженов. Они при этом кричат: Владимирзский – ужасающим голосом, Тутса – голосом пожираемого ягненка.

Объявление для публики: «Уважаемая публика! Спасибо за внимание, приходите в гости».

В небе Покрышкин

сценка с апокалипсисом

Сцена со множеством ненужных предметов и строений в стиле «княжеская коммуналка». В центре сцены стоит потерянно Мария. Замечает зрителей и обращается к ним.

Мария. Милые мои, если бы вы знали. Здесь вот так много места, а я совсем одна. Не из-за того, что зла или горда, или испытываю извращенные эмоции. Просто не нашлось для меня хоть какого-нибудь напарника, друга, партнера, что ли...

Напарник (*высовывается из люка в столе на сцене*). О, Мария!

Мария. Чего тебе?

Напарник. О, Мария!

Мария. Ну?

Напарник. Ну, Мария, Машенька, милая...

Мария (*сурово перебивает*). Хуй тебе.

Из-за кулис появляется летающий хуй, пронзает насквозь напарника.

Пронзенное мертвое тело облагораживает сцену.

Мария. Так вот. Вот так каждый раз, несть им числа и нет мне спасения, не утолить жажды. И я одна.

Друг (*спускается на лонже из-под потолка, зависает метрах в двух над сценой*). Привет, Мария!

Мария. Привет.

Друг. Мой привет, твой привет — два приветов! Мой голос, твой голос — это много голосов. Это хор, унисон, Мария!

Мария (*раздраженно*). Хуй тебе.

Из-за другого края кулис опять появляется летающий хуй, некоторое время кружит вокруг барахтающегося друга, наконец пронзает его.

Сцена облагораживается еще больше.

Мария (*садится, вытянув ноги*). Я опять одна...

Партнер (*выходит из шкафа, волоча натруженные ноги, свистит на дудочке*). Извините, я не помешал?

Мария (*нежно, но по инерции*). Нет, не дожدهшься. Хуй тебе.

Партнер (*огорченно*). И мне тоже?

Мария (*огорченно*). Ага. Тебе тоже.

Из того же шкафа с трудом вываливается огромный хуй и поражает партнера предательским ударом в спину. Партнер в конвульсиях умирает, его дудочка звенит последней нотой. Над сценой гром и молнии. Зрители хохочут, Мария поддается их веселью, тоже смеется. Из-за кулис выходит, пританцовывая, маленькая девочка.

Мария (*педагогично*). Чего тебе, девочка?

Девочка (*начинает плакать*). Я маму потеряла!

Мария (*торжественно*). А вот хуй тебе, а не маму.

Девочка. Это тебе хуй.

Делает неприличный жест и уходит. Появляется длинный белый летающий хуй. Мария замороженно следит за его маневрами. Пронзенная летающей смертью, она долго мучается. В зрительном зале — апофеоз веселья. Но, превозмогая смертную истому, Мария поднимает голову и говорит.

М а р и я . Хуй вам всем.

Эскадрилья реактивных летающих хуев нападает на зрительный зал.

к о н е ц с ц е н к е

Писано 6 янв. 1992 г.

Гольтьба

*не для нервных или простых и здоровых
(философский этюд)*

Абсолютно пустая сцена. Выходят двое, оглядывают мир и друг друга.

- Значит, снова с тобой.
- Снова здесь.

Смотрят в зал.

- Сегодня их много.
- Ничего, мы им устроим. Крыша точно поедет, или их, или театра. Пусть сами выбирают.

Держат друг друга за руки, с видимым усилием думают.

- Давай займемся половыми извращениями.

На эти слова треть зала спасается бегством.

- Причем самыми жуткими извращениями, смачными и неопируемыми.

На это уходит еще треть зрителей.

- Им там хорошо видно и слышно?
- Бедные мои, вы перебирайтесь поближе, сюда к рампе.

Оставшиеся в зале толпятся у подмостков: раскрытые рты и горящие глаза.

Остальное произносится прерывистым чувственным шепотом:

- Ты мне сегодня веришь?
- Не дура, кажется.
- Ты что, женщина? Дай глаз.
- Взамен?
- Взамен тоже глаз.
- Мне лучше ухо, ладно, после глаза.
- Не лижи меня, видимости никакой.
- А в носике-то волосы!
- Поменьше, чем у тебя.
- Поры у тебя такие симпатичные.
- Причем уксусом из них не пахнет.
- А язык твой черен, как душа.
- А твой розовый и длинный, как глупое животное.
- Кстати о животных. Пускай их.
- Эй там, пора пускать животных.

Выходят из-за кулис в чинной последовательности: В е р б л ю д, Ш и м п а н з е, Л е в, Г и е н а, С т р а у с и Ж и р а ф. Они ходят кругом вокруг парня на полу. Пара раздевается, чем меньше одежды на героях, тем быстрее водят хоровод животные.

- Что тут твое, что мое? Не соображу.
- Мы распадается на составные и кружим, кружим.
- Снова рядом, всегда рядом, никогда вместе. И вместе – это тоже рядом.
- А если вот так? Эти козлы еще там?
- Такое тоже, козлы там, жираф устал, верблюд плюется.

Верблюд плюет в публику, лев кому-нибудь откусывает голову, гиена с пеной у рта рычит на лысого в очках интеллигента. Обезьяна орет и мочится с разбегу на передние ряды. Двое голых со сцены наблюдают. Зрители еще на что-то надеются. Тут едет крыша у театра — и с неба спускается дождь.

к о н е ц с ц е н к е

Жар костей не ломит

сценка

На огромном пустом пространстве сцены лишь торчит самодельная береза, сколоченная из досок от ящика и раскрашенная в черно-белое состояние — известью и карболаком. С двух сторон от дерева сидят парень и девушка. Голые. Он низенький, толстый брюнет; она высокая худая блондинка.

П а р е н ь . Знаете, как это бывает. Иду, вижу ее (*жест в сторону соседки*). Эту маленькую, полненькую черноволосую богиню. Говорю ей громко — люблю я тебя, ах ты моя ненаглядная. Пора нам с тобой в дорогу!

Его слова сопровождаются запуском в зрительный зал большого количества галдящих птичек. Вспыхивает над залом самодельное солнышко, туда-сюда со скрипом движутся небольшие облака.

Д е в у ш к а . Его вы не слушайте. Я тоже, когда увидела его, подумала — этот высоченный мужик с осиной талией даст мне знать, что почем. Он рвался ко мне, а я объясняла. Мне почувствовать надо, попривыкнуть к его неистовости и необходимости. Гульнуть по улицам семь-десять вечеров, цветы нюхать, а он пусть дарит и дарит. Чтоб честь по чести!

Из помоста вылезают цветы больших размеров и кричащих расцветок. И другие предметы, чьи функции не всегда ясны. Парень встает, неверными шагами идет к девушке, по пути отламывая выросший зонтик, также отламывает и дарит ей цветок. Помогает встать.

Девушка (*плотно прижавшись к парню*). Отдалась я ему. Мне что, мне сперма тоже нужна. (*Парень глухо кричит: А! А!*) Но у нас обнаружилась сексуальная несовместимость. (*Отталкивает парня.*)

Парень. И тогда она разлюбила меня!

Парень тоже толкает девушку, та падает. Оба громко стонут. Парень мечется по авансцене, трогательно протягивая руки к зрителям. Над залом облака закрывают солнце, накрапывает дождик, резко темнеет. Парень дарит свой зонтик девушке в первом ряду. Девушка дарит бабушке со второго ряда прозрачный плащ.

Девушка. Но потом я его простила. Говорю, вернись, мы проживем без секса, зайчик мой кучерявый. Вернись, будем джентльменами. А он не согласился, не захотел!

Дождик перешел в проливной ливень, с громом, молниями и крупным градом.

Парень (*вздыхает руки*). Потом я вернулся, но боже! Что там было!

В зрительном зале пошел снег. Уже и на сцену задувают порывы метели. Парень и девушка, спасаясь от вихря, обнимаются и пытаются смыться.

Зритель (*вынырнув из сугроба, с сосульками на носу и подбородке, и не выдержав драматического напряжения*). Ну что там дальше было?! Скорее, сообщите, что дальше!

Вбегает запыхавшийся мальчик и кричит: **ВСЕ КОНЧИЛОСЬ ХОРОШО!!!**

Погода резко меняется к лучшему. Снова солнце, белые тучки, яркий свет и птичий гам. Безумно обрадованные зрители вызывают исполнителей на бис, шумно обсуждают спектакль и нехотя расходятся.

конец очередной сценке

Золото мира

(когда все круто, о, как круто)

Действуют: Лена Кузьменок по прозвищу Манька, Илларион — Долгоносик, Таня-Тутса — Котейка, Саша-Арагорн — судьба Гарсии Лорки. На сцене раскидистое дерево, на ветках сидят и говорят.

Манька. Нахуя, блядюги, заебали, она девочка, сука непорченная! Вот.

Долгоносик. Конфиденциально, мать, конфиденциально, мать, конфиденциально.

Котейка. Не знаю. Не знаю! Не знаю... Не знаю или знаю?

Судьба Лорки. Всем тут не выебываться, всем пиздец.

Манька. Любимый мой, любимая, не помню,

Лишь помню Симеиз за горизонтом.

Я помню след гитары на скале,

Ей три гроша цена, но нет тебе прощенья.

Долгоносик. Ирреально, мать, ирреально, мать, ирреально.

Котейка. Вешаться или не вешаться? Любить или не любить? Ехать или не ехать? Целоваться по любви или целоваться без таковой? Нежность или гордость? Радость или печаль? Говорить или молчать? Думать или вряд ли? Не знаю, бля. Нихуя не знаю. Не знаю...

Судьба Лорки. Да. Всем пиздец.

Вне очереди Долгоносик. Супрематично, батя, супрематично, батя, супрематично.

Наконец рушится кроной огромное дерево, все затихает, лишь мелко дрожат листья на поникших ветвях от рокота продолжающихся внизу там разговоров.

конец сценке

Как убивали Брюса Безжалостного

сценка с обобщением

На сцене все нормально, лишь слышно далекое характерное ржанье.

Оркестр исполняет бравурную музыку.

Из-за кулис несут через сцену длинной вереницей порубленных рыцарей: кого за руки, кого за ноги, кого на веревке волочат, некоторых, убедившись, что кончились, тут же бросают. Все слуги-носильщики равно с господами окровавлены и измучены.

Первый слуга (*оглядываясь вдаль*). Да, что-то в нем есть...

Второй слуга. Что-то и во мне есть. В нем есть нечто определенное! Пошли. (*Уходят со сцены*.)

Ржание обрывается. Появляется всадник на коне. Шага три конь делает буднично, потом одной передней падает на колено, падает второй передней. Падает обеими задними на колени. Некоторое время перебирается на четвереньках, у рампы всхрапывает и валится в оркестровую яму, всадник едва не следует за ним. Музыка в яме обрывается, слышатся вопли, стоны, маты.

— Что, не ждали, скоты! — кричат из зала в яму.

Брюс Безжалостный. (*Это он, узнаю его, встал прямо, гремя латами и истерзанным телом.*) О, это была славная битва. Сотни рук с мечами и копьями целились в меня. Сотни глаз испепеляли огнем и злобой. Сотни шпор прыскали кровью, а кони тянули свои зубы. Славно!

Крадучись, на сцену забираются бабы. Кто в знатном платье, кто в мешковине или лохмотьях, а кто и голышом. Брюс обращен лицом к зрительному залу, бабы группируются за его спиной. Одна из баб хватает с пола окровавленный меч и бьет Брюса сзади по плечу.

Первая баба. Три раза забрюхатил, окаянный! Вот тебе! Брюс (*оборачивается и сплевывает*). Фу ты, баба.

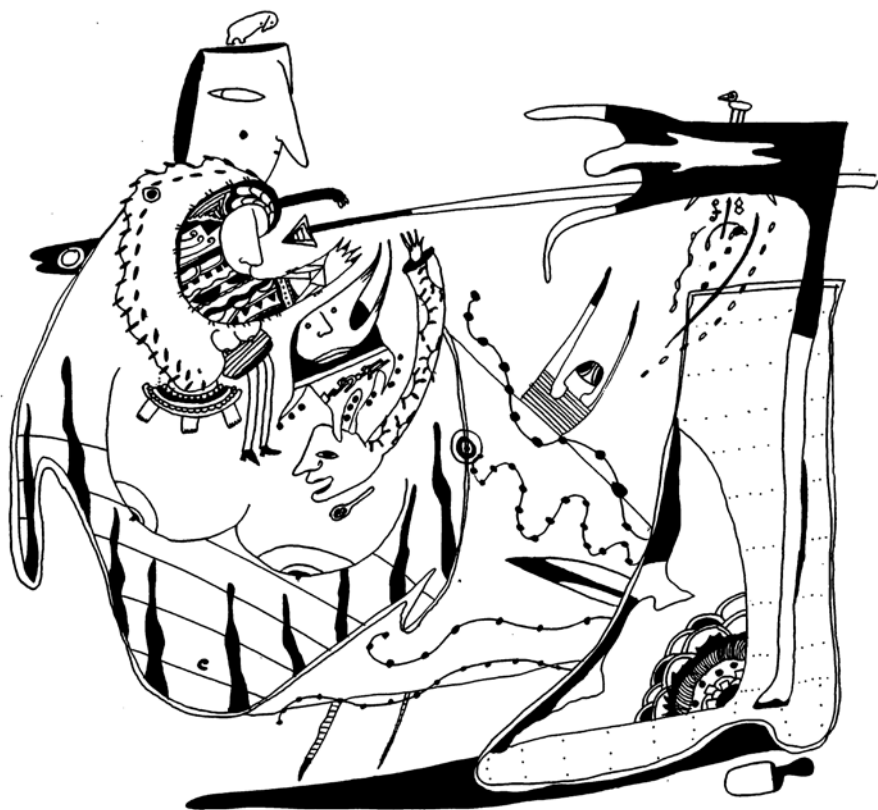
Снова было смотрит в зал, но тут вторая стреляет в него из лука — тиву ей натягивали сразу трое. Стрела выплывает из его груди.

Вторая. Помнишь, как девственности меня лишил? Я как дура пять лет никому не давалась! Вот тебе за это!

Остальные бабы скопом хватают копые, разбегаются и протыкают Брюса насквозь. Он неуклюже взмахивает руками, качается, еще удерживаясь на месте.

Брюс (*грустно*). Эх, как оно! Смехота, да и только. Может, не тех я крушил? А, братцы?

И рушится вослед скакуну в оркестровую яму. Там разом прекращается вся возня и стоны. Гробовая тишина.

Бабы скопом хватают копые

Но тут в зале звучит:

Вставай, проклятьем заклеянный
Весь мир голодных и рабов...

Над залом вырастает лес копий, с грохотом встают с кресел ратники, ровными рядами идут приступом на сцену и сметают обосновавшуюся там нечисть. Гонят, нещадно истребляя, за кулисы. Все тихо стало. Ни живой души, пустой театр.

Но вдруг из ямы высовывается лошадиная морда, рыщет глазами, прядет ушами, успокоившись, кивает вовнутрь. Оттуда ей отвечает протяжный стон. И воодушевленный надеждой оркестр играет бравурную музыку!

Это конец. Читавшим — встать и почтить память жертв за правое дело.

апрель 92 г.

Беседы о вечном *сценки с метаморфозами*

Персонажи:

Ангел П е т я — в прошлом мужского пола.

Ангел Ф е д я — в прошлом женского пола.

Мужик с огорода.

На сцене дерево, плетень, грядки, пугало. В небе появляются ангелы, тяжело машущие куцыми крыльшками. П е т я летит у земли, почти перебирая по почве ногами. Ф е д я повыше, со стонами и жалобами.

Ф е д я . Не виновата я, господи, или не настолько, чтобы день и ночь надо мной измываться.

П е т я . Он терпел и нам велел.

Ф е д я . Петя, ты сопоставь. Он, почитай, три дня повисел, да отмаялся. А я уже год пор-р-ххаю, пропади оно в преисподнюю.

П е т я . Молчи, Федька, молчи, стерва курносая.

В тишине совершают круговой полет. Из-за дерева выскакивает насупленный мужик с бородой и хворостиной. Завидя летающих, резво бросается за ними и колотит хворостиной, больше заземленного Петю, смачно и без устали.

Петя. Мужик, ты чего делаешь? Офонарел совсем!

Мужик молча продолжает дубасить.

Федя (*взлетев на безопасную высоту, визгливо*). Прекратите безобразничать!

Петя. Мужик, бога побойся, его тварь обижаешь. Мужик, я тебе щас пиздюлей навешаю, если не отстанешь! Богом клянусь, отхуюрю!

Мужик (*продолжая колотить*). Не грози, вша залетная, не грози.

Петя (*пал духом, плаксиво*). Я ж не ворона, слышь...

Федя. Он не ворона.

Мужик (*удивленно*). А кто ты?

Петя (*садится на землю, руками прикрывая голову*). Птаха божья, подожди, ангел, вот, ангел я!

Мужик (*тычет вверх хворостиной*). А это? Баба твоя?

Петя (*с отвращением*). Какая там баба, тоже ангел, хоть и стерва.

Мужик. Значит, божий промысел ведаешь. Тогда говори, почему картошка не уродилась?

Петя и Федя, хором. Не знаем.

Мужик. Ну а сам бох-то этот на небе есть? Или пусто? Может, улетел он или вообще сгинул?

Петя. Есть.

Федя. Нет.

Мужик (*замахивается хворостиной*). Аргументированно!

Петя (*хитро*). Слетай, сам выведай.

Мужик (*заинтересованно*). А на чем? На бабе этой? Тоща...

Петя резво снимает из-за спины крылья и дает мужику.

Петя. На, пользуйся. А я пока караулить буду, вместо тебя.

Мужик. А чего мне с ними делать?

Федя. Мужичок, слышь, он тебя дурит. Не соглашайся.

Мужик (*посмурнев*). Дуришь?

Петя. Да что ты, это Федька тебя боится, вдруг приставать будешь.

Мужик. Федь, ты там не бойся, я не приставучий. Раза три сделаю тебя и отвалою. Заметано.

Федя с высоты падает в обморок. Петя присобачивает крылья мужику на спину, тот с блаженным видом машет, поднимается над землей.

Мужик (*вспархивая и оседая*). Петька, как ты в ангелы пролез?

Петя (*мрачно*). Да интересовался все, есть ли кто на небе или нет... (*пинает лежащую без чувств Федю*). Пшла, давай, давай!

Мужик (*недоуменно*). И чего?

Федя взлетает, печально смотрит сверху. Петя берет с земли хворостину.

Петя (*торжествующе*). Раз поинтересовался, два поинтересовался, год мучался, второй год, о бабах забыл, о футболе забыл, о пиве забыл. О всем забыл. А потом как-то проснулся и полетел.

Мужик. И чего?

Петя. И до сих пор летал. А теперь ты летать будешь. А ну пшла, тля залетная!

Гоняется за мужиком и лупит того хворостиной.

Федя (*из отдаления*). Эх, Петя, Петя, зря ты так. Айда, мужичок, вместе полетим.

Мужик (*отчаянно путаясь в ветвях дерева*). Ты у меня, курва, полетаешь, дай только от психа избавиться! Я тебе летаю!

Федя визжит и удирает поверху, мужик бросается за ней. Внизу Петя гонится за ними, стараясь достать хворостиной.

Петя (*прогнав пернатых*). Ну, теперь житуха! Есть ли бог? Есть. Теперича я тут бог. Всем ясно?

На заднем плане пролетает ангел. Петя бросается в погоню.

Петя. Пшла, ворона бесхвостая! Прочь отсюда, прочь!

Исчезает со сцены. Занавес.

к о н е ц с ц е н к е

Писано в конце апреля 1992 г.

Молитва

сценка с богослужением

На сцене дерево, крона которого теряется в верхах игрового пространства. Под деревом куст, где поет птица. Некоторое время и зрители, и все остальные наслаждаются пением птицы. Выходит девочка с корзинкой в руке, приплясывая, кружит вокруг дерева и куста, вдруг внезапно бухается на коленки и утыкается лбом в древесный ствол. Птичка испуганно умолкает.

Девочка (*истово*). Слышишь ли ты меня, Господи? Если да, то послушай, пожалуйста. Говорю с тобой я, бедная девочка сорока двух лет от роду, и ручки мои болят, ножки отсыхают, нет во мне никакой радости и блаженства, а такое несправедливо! Я ведь помню о тебе, боженька, вижу радость твою и твоё торжество, твоё величие, всеобъемлющий замысел твой и промысел. И кайфую от всего такого, Господи, и кайф мой, нежность моя, они кротки и благочестивы перед ликом твоим и твоим провидением. Но только дай мне мальчика.

На дереве сконфуженно хмыкают.

Девочка (*возведя очи горе*). Я знаю, я вижу и ощущаю, что тут творится. Смятение умов, экология гибнет, кругом мешанина

какая-то, брожение, суета, и на глазах наших надвигается, подминает мир и красоту вселенское столпотворение. И странно, неуклюже, не к спеху просить мне о малом, всею душой сочувствуя тебе и остальным в большом, постигая масштаб и размахистость битвы происходящей. Но только дай мне мальчика!

Девочка (*гордо вскидывая голову*). А может быть и так, что это и есть главное. Не будет у меня малого, не дадут мне моего, не получу радости и покоя, и тут все вы там горько пожалеете и проклянете свою скупость и невнимательность. Вот увидишь, так оно и будет! (*Переходит снова на просительный тон.*) Ну это, может быть, сгоряча я тут и остервозилась, или там покорила слух твой и зренья твое, ты не серчай, боженька. Ладно даже, не хочет отдать именно этого мальчика, на роду ему написано бабником или негодяем быть, так дай другого, миленького и веселенького какого-нибудь. Ну дай, а?

Поспешно высыпает из корзинки яблоки, оттирает ладошками и показывает небу.

Девочка (*льстиво*). Видишь, каких гостинцев я тут принесла, яблочки сладенькие, ты скушай, одичал небось там, все в заботах и хлопотах. Скушай, а я еще принесу. Если ты меня слушаешься, я все смогу сделать. Молиться аккуратно и искренне, работать, детишек десятков нарожать, пожалуйста. Только не забудь, ага? Я побегу, мне коров доить, а ты яблочки прибери, тут народ такой, мигом залапают. И про мальчика не забудь. До свидания.

Девочка уходит. С дерева пыхтя спускается рыжий пацан. Хватает яблоко, кусает, кривит рожу и запускает огрызком в сторону уходящей девочки. Слышен звонкий девичий вопль. Пацан хохочет. Затем последовательно надкусывает несколько плодов, прицельно пуляя огрызками в зрительный зал. Зрители смеются, потом гудят, ропшут, наконец открывают ответную стрельбу. Получив по лбу и удивившись, рыжий раздражается плачем и причитаниями, прячется обратно в крону дерева. Удовлетворенная тишиной, снова поет птичка. Под ее трели миролюбивые зрители тихо покидают зрительный зал.

к о н е ц с ц е н к е

Бегство Махно

*(как Нестор Махно сбежал
из Петропавловской крепости)*

Сцена разрезана поперечными выгородками на три части. Первая — камера, где висит на стенке в кандалах, наподобие Прометея, мученик за идею анархизма Нестор Махно. За решеткой его камеры непрерывно ходит нечто огромное — царский жандарм; за следующей решеткой еще один караульный; далее уже воля, обозначенная деревцем и лужей.

Махно *(тяжело ворочаясь на натянутых цепях)*. Сатрапы! Палачи! Царские прихвостни! Москали вшивые! Ратуй же, ненько Украина!

Замолк. Понуро свесил голову, космы укрыли немытую харю и грудь. Раздается храп. Звенит колокол, бухает пушка. Надсмотрщик Махно отмыкает дверь в камеру, держа наготове большой нож и лохань, входит, будит Махно затрепачивая и начинает кормить его с ложки из лохани. Махно звучно чавкает, рычит, жадно ест.

Махно. А-а-а! О-о-о! Косточку дай обсосать! А-а-а, мясца, мясца. О-о-о! Куда забираешь?! Мало, еще хочу! Сатрап, жандарм!

Надсмотрщик уходит, ставит лохань у решетки и снова громко топают на карауле. Махно опять задремал.

Угол камеры колеблется и трещит, исторгает крупную, с Нестора, крысу. Крыса методично обнюхивает пол и стены, что-то слизнула из лохани, вдруг натывается носом на арестанта. Садится на задние лапы перед ним, обнюхивает лицо. Махно вздрагивает, поднимает голову.

Махно. Мама родная, ты кто? Крыса?

Крыса кивает, раскрывает пасть, как бы намереваясь откусить ему голову.

Махно. Нет, ты смерть моя. Происки врагов, завистников. Да!

Крыса отрицательно качает головой.

Махно. Может, ты наша? Ты за идею? За свободы народов и каждого в отдельности?

Крыса озадаченно пожимает плечами.

Махно. Стой, раз так, я тебя сейчас агитировать буду.

Крыса нервно разевает пасть со сверкающими зубьями и бросается к нему.

Махно. Ладно, ладно, передумал. Можно о себе расскажу? Я ведь тут шестой год сижу, мне выговориться надо. Лучше крыса, чем никто.

Крыса удобно устраивается на задних лапах, по-бабьи свешивает набок голову, подпирая ее кулачком. Видом выражает внимание и участливость.

Махно. Человеку, крыса, надо успеть прирасти к чему-нибудь или к кому-нибудь как можно быстрее. Иначе человек хоть какой одичает. А одичание та же неволя. Смотри на меня, крыса, — я одичал. Я изгой, этот, отверженный. Но суть что бред и мечта, мол, Гюго говорил, пусть ты дик и злобен, но возьми дерево или ребеночка, посвяти ему жизнь, и все ништяк. Нет, они начнут требовать человеческого, простого, нормального, а в тебе, одичавшем, такого не найдется. Тогда ты взвоешь от тоски, попытаешься замаскироваться, но и ребенок, и дерево учуют твою тоску, содрогнутся и убегут от тебя прочь. Кто одинок разумом, тот одинок душой, а кто есть такой — он никогда и никому не поверит, не прижмет, не полюбит, не отдастся. Понимаешь, про что? Не слиться никогда в целое! Ты слушаешь, крыса?

Крыса горько и часто кивает, тут же подтирая лужу слез под Махно и собой. Принимает прежнее положение.

Махно. Скажи, сколько губ и языков лизали до меня эти стены в знак признательности? Для такого шакаля, как я, нужны клетки. Нам нельзя среди людей, когда просторно, когда много живого, мы начнем метаться, кричать, умерщвлять, надеясь, что нас поскорее прикончат. И не веря, что такое возможно. Ибо ежели ты по-настоящему один, во всем, в черной, свистящей и промозглой пустоте — ты сумеешь убить себя. Это глупо, это унижительно, это невозможно, мерзко, убить себя, чтобы снова очнуться, видя все прежнее, без надежды на иное. Ты понимаешь, крыса?

Крыса кивает. Махно восторженно таращит глаза.

Махно. Понимаешь? Ты, глупое, неэволюционировавшее животное, маленькая тварь, ты меня понимаешь? Сколько же ты здесь обитаешь, может, ты одна из нас? Скольких ты видела? И не дальний мой предшественник, какой-нибудь долбаный Лжедмитрий, превратился в тебя?

Крыса задумчиво жмет плечами.

Махно. Так сколько тебе лет? Десять? Нет? Двадцать? тридцать, пятьдесят, сто? Больше! Двести? Больше! Сколько же?

Крыса пожимает плечами.

Махно. Сашку Ульянова знала?

Кивок.

Махно. И князя Кропоткина? Здорово. И Петрашевского? Бакунина? Достоевского? И как они?

Крыса показывает, как целуют и лизут стены.

Махно. Радовались, что сюда попали? Вот это да. Значит, так и должно быть. Какой ужас, какой кайф. И здесь мое место,

я не уйду. Я вчера читал книжку, толстую, «Бесы», и ах какой молодец этот Федор Николаевич Достоевский. Каких мощных людей взрастил!

Из стены камеры выныривает голова Достоевского, плюет в Махно и со словами «Ну ты и козел!» исчезает обратно в стене.

Махно. Чего он? Обижают! Я как лучше хочу! Не ценят.

Крыса встает и уходит из камеры через лаз в углу. В камере затишье. Махно мычит и качается. В дальнем углу сцены, где воля, оживление. На четвереньках выползает пьяный мужик, плюхается в лужу, исполняет несколько заунывных народных песен дурным голосом. Снова скрипит и мощно качается угол камеры. Появляется крыса, со свечой и иконкой в передних лапах, за ней следует дочь в подвенечном уборе. Крыса мычит что-то литургическое.

Махно (*дико таращит глаза*). Ты чего удумала, старуха? Ты кого мне привела? Венчаться? Нельзя мне, я порченый!

Старуха ставит дочь перед Махно. Та миловидна, скромна, аккуратна, шерсть блестит, хвостик в колечки завивается.

Махно. Нет. Не буду! Зверь я. Почему и здесь беспокоют? Чего пристали? Где от вас скрыться?

Высовывается голова Достоевского.

Достоевский. А ты как думал? Здеся у нас тоже жизнь, все как у людей. Сщас мы тебе петь будем. Эй, ребятки!

Выныривают еще головы, по виду — ээки разных эпох и народов, творят вроде подвенечную службу: «Господу за здравие новобрачных помолимся!.. Аминь...» и т. д.

Махно. Нет. Не желаю! Брак — государственный ритуал, я против государства, я против церквей. Не возьму ответственность.

Достоевский. Боишься брать ответственность? Уходишь от ответа?

Махно. Я отвечаю. Я не боюсь, я не трус. Но на что мне ваши дешевые обязательства, хлопоты, радости? Я в ответе перед Вселенной, перед миром. Я породил весь мир, захочу, надоедите, весь мир порушу. Понял, писака? Ты меня понял?

Невеста-Крыса. Тише, тише, милый мой. Милый, дорогой, любимый, единственный!..

Со светлыми слезами обнимает и целует Махно. Тот яростно увертывается и орет.

Махно. Нельзя мне, нельзя! Не трогайте меня! Не будите! А-а-а! За что вы меня? Спрятался, сковался, на стенке завис, от вас освободился. А вы за мной! Сюда! Нечестно. За что потревожили? О-о-о!

Махно рвет цепи на руках. Крысы в суматохе отступают. Рвет цепи на ногах. Все с интересом наблюдают. Махно идет к дверце в решетке, трясет ее и пинает.

Достоевский. Все, больше ничего интересного не будет. Эй, Махно, помни, не дай бог тебе еще сюда сунуться, я тебя на шивой мокрице женю. И двери за собой захлопывай. Дует.

Головы и крысы удаляются из камеры.

Махно. Выпустите меня! Стража! Выводите меня наружу!

Стражник, мерявший шагами пространство, останавливается.

Стражник. Это кто?

Махно. Махно!

Стражник. Зачем?

Махно. Мое время пришло.

Стражник. Уходи.

Махно на удивление легко открывает дверцу, идет к следующей решетке. Когда минует стражника, тот бьет арестанта по голове.

Стражник. И больше не возвращайся, Махно. Нет тебе тут места!

Махно, оглушенный и растерянный, на четвереньках ползет к дверце.

Махно. Откройте!

Второй стражник. Это кто?

Махно. Нет мне имени больше.

Второй стражник. Зачем?

Махно. Со мной смерть.

Второй стражник (*распахивает дверь*). Уходи.

Махно внезапно теряет решимость. Стражник хватается за шиворот, тянет, волочит к двери на волю, пинком в зад преодолевает сопротивление. Махно со всего маху телом ударяется о дверь.

Пьяница, расслышав шум, приподнимается из лужи.

Пьянь. Это кто шумит?

Махно. Махно это...

Пьянь. Батько! Нестор Иванович! Как заждались-то. Все Гуляй-Поле плачет, не просыхает. Щас я помогу.

Достает из кармана бомбу, поджигает и кидает к двери. Взрывом ограду разносит, атамана поднимает вверх и швыряет вниз с грохотом.

Пьянь бросается к Махно сквозь дыру, выносит на волю.

Второй стражник (*обеспокоенно и зло*). Закройте дверь, суки. И не дай бог тебе вернуться, Махно. Нет здесь тебе веры.

Пьянь ставит на место отвалившуюся дверь. Тащит со сцены Махно.

Махно (*сперва уныло, потом воодушевляясь*). Говоришь, ждут хлопцы? Говоришь, кони озверели? Говоришь, парубки за меня, за люд кабальный все и всех рубить желают! Говоришь, резать и вешать! Говоришь, батька я!

Пьянь. Веди, батько, веди нас, Махно.

Махно. Коня мне! Вперед! Всех, за все, сейчас и навсегда! Коня мне!

Исчезают за занавесом. Тихо и хорошо стало. В камере Махно две крысы танцуют вальс. Стражники образуют вторую пару. Хор из Достоевского и голов им аккомпанируют. Старая крыса выходит на авансцену и читает стихи.

Крыса: Шуршит во тьме ночная мышь.
Мычит «люблю» ночная мышь.
Звенит во тьме ночной фонарь
И мчится в небе господарь.
Но кто здесь я? И кто здесь ты?
Кто кем прикинулся в ночи?
Ты с кем о многом говоришь?
Ты просто мышь?
Я просто тишь.

Танцы продолжаются. Петропавловская крепость дышит и пахнет неземной гармонией, вплоть до полного запахивания занавеса.

к о н е ц с ц е н к е

Брось, комиссар

сценка

На заднем плане авансцены приглушенные картины боя: трассирующие очереди, осветительные ракеты, вскакивают и падают знамена.

Авансцена — сильно пересеченная местность.

Выходит строевым шагом девушка в униформе, точит сапожками линию и гордо смотрит вверх. Когда доходит до середины, следом выходит парень.

Парень. Стой, мы должны поговорить.

Девушка. Нам не о чем говорить. Я не люблю тебя.

Ее фраза сопровождается звуком автоматной очереди. Парень хватается за бедро — на котором расплывается кровавое пятно.

Парень (*сквозь боль*). Тогда почему ты не спишь по ночам! Жалуйся на меня всем встречным! Почему дрожит твой голос!

Его фразы идут в сопровождении пистолетных выстрелов. На спине девушки появляется несколько дырок от пуль. Она пытается уйти заплетающимся шагом, кидает через спину.

Девушка. Потому что мне жаль тебя.

Парня ранит в колено, он падает, но, привстав на руках, волокет непослушное тело в погоню.

Парень. Ты будешь жалеть всю жизнь. Может быть, ты проморгаешь свое счастье.

Девушку ранит в бок, охнув, она зажимает рану пальцами, спускается на колени, идет на коленках.

Девушка. Ты мне противен!

Парня бьет наизлет в грудь, отбрасывает на несколько метров. Он не потерял сознание, стиснул зубы (скрежет прошел по рядам) и ползет, ползет к ней.

Парень. Любимая! Любимая! Любимая. Любимая...

Девушку контузит в голову, она со стуком падает лицом вниз.

Парень (*быстро-быстро подползая*). Я, только я пойму тебя, спасу тебя, согрею, вселю веру! Я!

Девушка (*приходя в себя*). Врагу живьем не сдаюсь!

Достает из-под юбки гранату, рвет чеку. Дым и грохот. Потом парень глядит из-под ладоней – она не шевелится. Он припадает ухом к ее груди.

Парень. Ага, дышит! Врешь, от меня не уйдешь! Видали всякое.

Тащит девушку волоком за кулисы. Звуки войны усиливаются по нарастающей. Идет война.

к о н е ц с ц е н к е

Клекот истерзанных сердец

трагедия

На сцене выгородка в виде комнатухи, захлавленной и запыленной: в центре диван, на нем спят две девушки, длинная и короткая, сидит у дивана и орет кот*.

Длинная (просытаясь). Ну не ори же! Шею сверну!

Короткая (просытаясь). Кисанька моя, глядит и все понимает, хозяйшки двадцать часов спят и спят, а рыбки ему нету. Что ему дать можно?

Длинная. Ну, не знаю. Там сервелата последний кусок, свою часть отдай, если не жалко. Мне такое снилось! Мужик в окно вполз, я его засекла, он телевизор в охапку и назад в окно. Я хватаю пистолет, говорю — стой! Стрельну по яйцам!

Короткая. Фу!

Длинная. Ну да, он испугался. Я команду — кидай одежду на пол. Он остается совсем голый. Я говорю — свяжи себе руки и ноги веревкой и прыгай сюда на диван. Он все так добросовестно выполняет, падает к нам, и тут ты просыпаешься. И ну меня колотить, кричишь — мой! Представь только!

Короткая. Да, у меня тоже во сне оргазм был.

Длинная. Мамочки мои, как ты говоришь! У меня, горемычной, ни разочка не получилось. Во сне чтоб. Помнишь, лесбиянок видели.

Короткая. Так они такие дуры были, а мы здоровые, нормальные, нам мужчина требуется. Баста, одевайся, надо искать.

Встают и решительно спускаются со сцены к первому ряду зрителей. Выбирают по мужчине. Оба крупные, один поинтеллигентней, другой помужественней.

Короткая (подталкивая своего к дивану). Знакомьтесь!

Длинная (выводя своего). Очень приятно, в свою очередь, сочту за честь тоже представить замечательного мужчину.

* Кот орет непрерывно всю сценку.

Мужчины улыбаются, жмут руки, оглядываются — им тут нравится. Один видит шахматы, жестом предлагает сразиться. Игра пошла, девушки азартно болеют, каждая за своего.

Длинная. Мой смело-то ходит. Решительная натура.

Короткая. Зато мой предусмотрительный, видишь, как фигуры бережет. Ой, гляди, у вас лошадку съел!

Длинная. Вообще-то, чего они выдумали? Нафиг нам шахматы? Давайте танцевать!

Танцуют, то под быструю, то под медленную музыку. Девушки обмениваются репликами.

Короткая. Мой повыше будет. И в такт чаще попадает.

Длинная. Ничего ты не понимаешь. Смотри, у моего ноги с телом пропорциональней, мышцы тверже. Орел, а не мужчина.

Короткая (*аж остановилась*). Нет, так нечестно. Если про ноги и мышцы и все такое прочее, давайте будем мерить!

Мужчин раздевают до трусов, кладут на диван и с тряпичным метром ползают по ним, снимая мерки.

Длинная (*агрессивно*). Съела пилюлю? Ноги у моего длиннее. Глаза крупнее. Волос будет гуще. Жирка больше, значит, кормить не скоро. Взгляд прямой, значит, без гадостей мужик.

Короткая (*скороговоркой*). Объем талии меньше, стройнее, мышцы разработанней, общее состояние лучше. Смотри в корень, достоинство у моего стоит налицо, у твоего ни фига.

Длинная. Нечестно! Ты своего пощупывала, а я своего не щупала. Моего да приласкать, убежишь со страху. Давай мерить.

Склонились для новых замеров.

Короткая (*потерянно*). До миллиметра совпадают...

Длинная. Ничего, мы поединок устроим. Пусть борются! Дзюдо!

Мужчины борются, силы примерно равны, поэтому поединок длителен и изнурителен: броски, захваты, пыхтение, ручейки пота, наконец оба падают без сил.

Короткая я. Так не пойдет. Бокс!

Начинается бокс. Девушки не могут усидеть, вбегают в квадрат ринга, дают советы, показывают, как выполнять удары. Вот один посылает второго в нокаут, но и сам валится с ног. Девушки, распаясь, бегут к мебели, копошатся, достают два тупых ножа, суют их своим кавалерам.

Длинная я. Вот так все станет ясно. Кто остался жив, тот герой. Милый, очухивайся, пора, нас ждут великие дела. Режь его, кромсай, рви, в глаз сперва, а потом в живот! Если руки вытянет — руби по рукам!

Короткая я. Ты резче, резче, вот так махай, а потом быстро вперед выпад! И в сердце с одного удара.

Бой возобновлен. Мужчины неумело режут друг друга, потоки крови. Все поскальзываются на лужах крови, падают, перемазались, взбесились. Оба мужика натыкаются на ножи, падают в конвульсиях. Девушки, не раздумывая ни секунды, хватают ножи и продолжают бой сами.

Короткая я. Мой лучше был, бился честно, первым твоего убил!

Длинная я. Отомщу за героя!

Режут друг дружку. Падают. Тишина и покой. Затем из-под их юбок вылезают мальчик и девочка. Осматриваются, хихикают, привязывают к коту банки и с криками бегают за ним, пока не исчезают со сцены.

к о н е ц

январь 94 г.

Самострел для оперенных деток

диалог

— Подойди, ближе, еще ближе. Так пойдет. Слушай, запоминай, чтоб один раз и навсегда.

— Зачем?

— Слушай сюда. Как познать мир и себя в мире? Я тебя сейчас научу.

— Не надо!

— Надо. Если ты видишь небо, всмотришь, пока не станет...

— Больно?

— Заткнись, пока не станет ясно, что это не небо, а ты. Если ты видишь море, всмотришь...

— И иди купаться.

— Убью! пока не станет ясно, это не море, а ты. Если ты видишь лес, подойди и всмотришь в лес...

— Я пожалуй пойду, пописию, покушаю, пойду я...

— Стой и смотри сюда, в глаза.

— Так, значит? Тогда если ты видишь меня, смотри на меня, смотреть только на меня, в глаза, в лицо, во все мое, пока ты не станешь мной. И ты станешь мной, абра-кадабра! Ты станешь мной, абра-кадабра! Ты есть я, абра-кадабра! Ты мое, абра-кадабра! Теперь направо! в загс, затем в родильный дом, затем в новую квартиру на приличной автомашине шагом арш! Иди вперед, неоперившееся племя. Абра-кадабра.

17 февраля 93 г.

Иди — дыши

(я научу тебя врать)

Диктор (*громко*).

Волна трудящихся покрыла всю Европу.

Возрадуемся! Возрадуемся.

Или — не — возрадуемся.

Как хотите, мне-то что.

Кто-то поет песню, хотя на голой сцене кроме досок, сваленных грудой на заднем плане, ни фига. Песня длинная, как рассказы девочек о прошедшей жизни, меланхоличная, невинная. На сцену выходят парень и девушка, голые. Парень возбужден и тычет пальцем в пол.

Парень. Вот она, ну теперь ты мне веришь? Я тебе про нее столько рассказывал!

Девушка. Ты уверен, что это она?

Парень. Конечно. Ты не думай, что она мелкая или грязненная. Нет, тут просто чуть выше глиняные пласти залегают, поэтому вода мутновата. А так речка хоть куда, давай скорее искупнемся.

Девушка. Да, у нас мало времени. И надо успеть столько сказать друг другу. Ну, ныряй первым.

Парень разбегается от кулис и высоко прыгает, в воздухе принимает форму порхающей ласточки, с сильным треском стучается животом о сцену.

Парень. Ах, черт! Зараза! О-о-о! У-у-у!

Девушка. Ты не расшибся? Прямо животом ударился. Обычно так обжигают кожу и отбивают внутренности.

Парень. Да ты что! Я с трех лет здесь плаваю, каждую кочку знаю, мне эта местность как родная. Теперь ты ныряй.

Девушка разбегается, прыгает в речку, входит с сомкнутыми над головой руками. Тоже сильный грохот.

Девушка. Ой-ой-ой! Ой, мамочка!

Парень (*усиленно двигая руками и ногами в стиле брасс*). Что случилось? Ты не ушиблась? Гребь скорее, гребь, загребай, а то утонешь!

Девушка. Надо же было предупредить, что здесь так мелко. Головой о что-то твердое ударились. Ай-яй-яй, я лучше на спине поплаваю.

Парень брассом, а девушка на спине, загребая руками и усиленно работая ногами, весьма ловко плавают во все стороны сцены.

а н т р а к т

Владимир Клеблеев
Юрий Медведько

ПРОТОКОЛ О НАМЕРЕНИЯХ

Действующие лица:

Игорь и Валентин — квартиранты.

Женя — вдовствующий сосед.

Тамара Сергеевна — квартирная хозяйка.

Света — праздношатающаяся блондинка.

Яков Андреевич — майор артиллерии.

Часть первая

Комната.

Слева — светлое окно без штор, стол из чертежного планшета на старом телевизоре, два обтянутых коричневым дерматином металлических стула. На столе — немытая посуда, пустые бутылки, стаканы, помятая алюминиевая кастрюлька.

На заднем плане — проржавевшая ванна, радиола, две акустические колонки, дверь.

Справа — завешенная одеждой вешалка с зеркалом. У вешалки на полу — поверх ватного одеяла — покоятся спиной друг к другу одетые Игорь и Валентин.

Шаги за дверью, скрип несмазанных петель, раскатистый металлический грохот.

Голос Жени. Фу-й-ё! Что вы носитесь в темноте, Тамара Сергеевна?! Стремянкой вон из-за вас чуть не убило!

Голос Тамары Сергеевны. Не надо, Евгений Александрович! Сами ходите, как лунатик! На все натываетесь! Ломаете! Кто вчера оборвал занавеску в ванной?!

Голос Жени. Какую занавеску?!

Голос Тамары Сергеевны. Ну, у нас там одна занавеска!

Голос Жени. Где?! (удаляясь). Какая занавеска?! Первый раз в жизни слышу! Клеенка, что ли? Да вот же она — на месте!

Голос Тамары Сергеевны. Так я уже повесила.

Голос Жени. Ну так а в чем дело тогда?!

Голос Тамары Сергеевны. Вы что, уже совсем не собираете?! Позавчера в туалете заснули! Вчера всю ванную загадили, занавеску с корнем выдрали!

Голос Жени. Здрасьте! Да я в ванную уже полгода войти не могу. То вы трусов повешаете — дышать нечем, то эти два писателя свою поэтессу жарят-парят, хоть святых выноси!

Голос Тамары Сергеевны. Что? Что они делают?

Голос Жени. Я-то здесь при чем? У Людмилы Петровны сорок дней сегодня, а вы тут ахинею какую-то городите!

Громыхание массивной двери. Резкий стук в комнату. Валентин приподнимает руку, смотрит на часы. Стук повторяется.

Голос Тамары Сергеевны. Игорь! Валентин!

Несколько толчков в дверь, удаляющиеся шаги.

Валентин. Игорек...

Игорь (*глухо*). У-у.

Валентин. Спишь?

Игорь. Угу.

Валентин. Как самочувствие-то?

Игорь. О-о.

Валентин тяжело встает, отыскивает на столе опорожненную на две трети «Русскую», нюхает содержимое, морщится.

Валентин (*наполняя стаканы*). Вставай, похмелимся.

Игорь. А что, есть, что ли, чего?

Валентин. Ну, не весть чего, но все-таки. Вот, даже шпроты на закуску припаслись.

Вытягивает из-за бутылок консервную банку. Игорь переворачивается на живот, пытается подняться.

Игорь. Ой, мутит, не могу. Может, поспим еще немножко?

Валентин. Да ну, ты чего, Игорек! Тамара вон уже с работы пришла, надо хоть прибраться чуть-чуть.

Игорь. А сколько времени?

Валентин. Да только половина девятого еще.

Поднимает с пола кусок хлеба, обдувает, разламывает пополам. Игорь подбирается на четвереньках к стулу, усаживается.

Валентин (*подняв стакан*). Ну, давай.

Игорь (*кивая*). Давай.

С трудом выпивают, с отвращением закусывают.

Игорь. Ой, не блевануть бы.

Валентин. Ничего, сейчас приживется.

Роется вилкой в кастрюльке на столе. Игорь мучительно сглатывает.

Валентин. Как у нас с финансами-то?

Игорь. С финансами?

Валентин. Ну, надо же сейчас рассчитаться с этой клизмой да чего-нибудь взять на ночь, чтоб не мучаться.

Игорь. А-а. Резонно.

Валентин. Ну, так (*выуживая окурок из кастрюльки*). Быстро мы с тобой упокоились сегодня. Света-то была здесь?

Игорь (*улыбаясь*). Была.

Валентин (*тоже с улыбкой*). А Женья?

Игорь. И Женья присутствовал, как же.

Валентин. Что-то я совсем здесь не помню ничего.

Игорь. А где помнишь?

Валентин. Ну, как... (*со смешком*). Как с моста сигали — помню.

Закуривает.

Игорь. И все?

Встает, открывает форточку. С улицы врывается веселый птичий щебет.

Валентин. Пока все.

Игорь. Счастливый. А как домой рулили, заспал?

Валентин. А что, я на речке отрубился, что ли?

Игорь. Да нет, наоборот, взбодрился не на шутку.

Валентин. Да? И чего?

Игорь. И отличился!

Валентин. Перед Родиной?

Игорь. Перед Светой. Вон в ванну глянь.

Валентин. Чего там?

Игорь. Ну, ты посмотри, сориентируешься.

Валентин шагает к ванне, заглядывает.

Валентин. Ох ты!

Игорь. Красиво?

Валентин. Да. Откуда это?

Извлекает новый роликовый конек.

Игорь. Из «Адидаса»! Где ж еще такую красоту можно отыскать.

Валентин. Что, купили, что ли?

Игорь. Не торгуясь! 180 баксов?! Будьте любезны!

Валентин. Как 180?!

Конек падает в ванну.

Игорь. Как положено! В рублях по курсу ММВБ плюс 5% НДС!

Валентин. Так, а Тамаре-то что?..

Игорь. Ничего! Как Женек говорит: «Русский человек все пропьет, но страну не опозорит!»

Валентин. Ну, это уже «полный вперед» называется.

Игорь. А я думал, ты помнишь. Сам же громче всех кричал: «Берем! Вещь стоящая!»

За дверью — отдаленные шаги, звон посуды. Игорь и Валентин смотрят на дверь, прислушиваются.

Валентин. Игорек, давай проскочим как-нибудь, проветримся, пока эта... (*кивок в сторону двери*) уляжется, а то сейчас с ней встречаться...

Сокрушенно качает головой.

Игорь (*поднимаясь*). Да, как с серпом и молотом.

Валентин. Хуже даже.

Осторожно открывает дверь, выходит. Звон телефона.

Валентин (*заскакивая в комнату*). Попались!

Хватает бутылки со стола, бросается к ванне.

Игорь (*скатывая одеяло*). Заметила, что ли?

Валентин. Давай быстрее!

Прячет бутылки за ванну.

Голос Тамары Сергеевны. Алло!.. Здравствуйте...
Одну минуту.

Резкий стук в дверь.

Голос Тамары Сергеевны. Валентин! Вас со студии!

Удаляющиеся шаги.

Валентин (*смахивая соф со стола*). Да-да, Тамара Сергеевна,
спасибо!

Игорь (*запихивая плед в ванну*). Кто это, Лева, что ли?

Валентин (*пожимая плечами*). А чего это он?

Выходит. Игорь приоткрывает дверь, прислушивается.

Голос Валентина. Алло?.. Здравствуйте, Лев Михайлович... Да мы тут в Москву уезжали... А?.. Да нет...

Игорь приоткрывает дверь.

Голос Валентина. Сегодня?.. А-а, в шесть... Да-да... Что?.. Да, нет-нет, никаких проблем, к шести, конечно. А?.. Да, до встречи, Лев Михайлович, спасибо.

Игорь открывает дверь, входит Валентин.

Игорь. Что там такое?

Валентин. Времени-то — полдевятого утра, оказывается!

Вытирает пот со лба.

Игорь. Да? Ничего себе. И чего?

Валентин. Чего?

Игорь. Ну как, Лева же звонил?

Валентин. А-а. Да сценарий ему вдруг приспичило.

Игорь. Чего это вдруг?

Валентин (*прислушиваясь к звукам за дверью*). Протокол о намерениях намылился подписывать.

Игорь. С кем?

Валентин. Понятия не имею. Сказал, быть в шесть в студии. Игорек, давай слиняем отсюда, пока она на работу уйдет.

Игорь. Погоди, Валь, так у нас же не готово еще.

Валентин. Пойдем, Игорек, там обсудим.

Приоткрывает дверь. Приближающийся цокот каблучков.

Валентин (*отскакивая от двери*). Пинцет!

Выхватывает папку из ванны, плюхается на стул, выдергивает ручку из кармана, ударяется в писанину. Игорь отпрыгивает к окну, перебирает бумаги на подоконнике. В дверь со стуком решительно входит миниатюрная шатенка лет 40: строгий черный костюм, дамская сумочка, в руке — пачка квитанций.

Игорь. О, доброе утро, Тамара Сергеевна.

Валентин (*вставая*). Здравствуйте, Тамара Сергеевна. (*Предлагая стул.*) Присаживайтесь.

Тамара Сергеевна. Кто вам позволил устраивать из моей квартиры бордель?!

Игорь. Бордель?

Валентин. Как устраивать?

Тамара Сергеевна. А как это называть?! Дверь настежь, по коридорам голые проститутки на роликах раскатывают, весь туалет загажен, в ванной волосы лобковые везде и всюду, занавеска оборвана!

Валентин. Тамара Сергеевна, извините нас, но, видите ли...

Тамара Сергеевна (*отпрыгнув от перегарного выхлопа*). Я вчера все видела! Хватит, насмотрелась! (*Вручая квитанции.*) Вот счета! Расплачивайтесь и освобождайте комнату! В обед приду — отдадите ключи!

Игорь. Тамара Сергеевна, да вы что! Нам сейчас никак! Вы же сами к телефону подходили!

Тамара Сергеевна. Подходила! И что?! Его завтра уже отключат за неуплату ваших переговоров!

Игорь. Да мы вам сотовый купим, Тамара Сергеевна! Мы же сегодня контракт подписываем!

Тамара Сергеевна. Прекратите мне голову морочить своими контрактами! Освободите комнату и подписывайте что хотите!

Валентин. Тамара Сергеевна, да вы не поняли! Наш сценарий заинтересовал продюсера из Голливуда!

Игорь. Да! Кинокомпания «Айкн Продакшн» заключает с нами договор...

Тамара Сергеевна. Ой, ну не надо только!..

Игорь. Да серьезно, Тамара Сергеевна! Все состоялось!

Валентин. Конечно! У нас уже и встреча в 6 часов на студии назначена!

Игорь. Аванс получаем!

Валентин. Да! Сейчас нам нужно только сценарий распечатать!..

Игорь. В порядок себя привести ...

Валентин (*взывая*). Тамара Сергеевна!..

Тамара Сергеевна. Опомнились! В порядок им себя приводить понадобилось! Пить меньше надо! Молодые люди — опустились дальше некуда! Валяются в грязи, хуже бомжей!

Валентин. Да нет, Тамара Сергеевна, просто это мы на радостях!

Игорь. Да, минутная слабость, Тамара Сергеевна.

Валентин. Ну конечно, Тамара Сергеевна! С кем не бывает!

Тамара Сергеевна. Да знаю я эти слабости!

Игорь. Нет, нет, Тамара Сергеевна, такого больше не повторится!

Валентин. Да что вы! Ни в коем случае! У нас же подготовительный период начинается!

Игорь. Тамара Сергеевна, извините нас, ради Бога.

Валентин. Простите великодушно, Тамара Сергеевна.

Тамара Сергеевна. Ой, прямо как дети! Простите, извините. Взрослые люди... Ладно, все. Я на работу опаздываю. Давайте деньги, в обед приду — посмотрим, что с вами делать.

Игорь. Спасибо, Тамара Сергеевна.

Валентин. Спасибо огромное, Тамара Сергеевна. Кстати, а нельзя ли вечером деньги?

Тамара Сергеевна. Почему вечером?

Игорь. Так мы перевод-то еще не получили.

Тамара Сергеевна. Как не получили? Я же сама вчера вам извещение давала!

Игорь. Да, так. Но... понимаете...

Валентин. Денег-то на почте нет!

Игорь. Да!

Тамара Сергеевна. Да вы что, издеваетесь, что ли?

Валентин. Тамара Сергеевна!..

Тамара Сергеевна. Совсем меня за дурочку считаете?!

Игорь. Ну, зачем вы так, Тамара Сергеевна! Разве мы вас когда-нибудь обманывали?

Валентин. Конечно! Ну что тут поделаешь, указ мэра: «В связи с выплатой пенсий...

Игорь. ...междугородные переводы со второго по пятнадцатое не выдавать!»

Валентин. Да.

Тамара Сергеевна. Ну знаете, молодые люди, это уже переходит все границы! Если в обед денег не будет, будем разговаривать по-другому!

Решительно выходит.

Игорь (*следуя за ней*). Тамара Сергеевна, ну подождите...

Доносится громыхание входной двери. Валентин опускается на стул.
Возвращается Игорь.

Игорь. Ну, чего?

Валентин. Чего?

Игорь. С Голливудом-то что делать будем?

Валентин пожимает плечами.

Игорь. Ой... Тамара эта еще!

Валентин. Понаворочали мы тут, конечно, крупных планов.

Игорь. Да... Нет, надо отложить это дело.

Валентин. Да неудобно как-то, договорились же вроде.

Игорь. Ну, можно позвонить, сказать, что... Ну, с компьютером проблемы — жесткий диск сбойнул, например.

Валентин. Ну, можно, вообще-то. Попробуй.

Игорь садится.

Игорь. Так, а Лева-то как настроен?

Валентин. Да я сам толком не понял. Надо действительно позвонить да отбрехаться, пока не поздно.

Игорь. Сейчас.

Раскрывает папку, перелистывает.

Игорь. Вообще-то тут делов-то осталось: эпизодов 5–6 набрать и все.

Валентин. Нет, ну это на здоровую голову и то... проблематично.

Игорь. Может, тогда так — недоделанный оттащить?

Валентин. Да нет, это несерьезно.

Игорь. Ну, звонить-то тоже... Лева же за нас хлопочет. За чем его подводить? Придется напрячься, наверное. Чем черт не шутит, может, там серьезные люди. Глядишь, и сладится чего-нибудь. А?

Валентин. Надо пивка взять, я думаю.

Игорь. Нет, ну надо же решить что-то. Или звонить, отмазываться, или садиться набирать... Или что?

Валентин. Ну, пойдем пивка возьмем, там видно будет.

Игорь. Ну начинается.

Валентин. Чего — начинается?

Игорь. Ну ты же пивом-то не ограничишься, Валь.

Валентин. Почему не ограничусь? Сейчас пивка чуть-чуть хлебнем, и за дела.

Игорь. Да, знаю я эти дела: сначала пивка, потом — стаканчик «Отборного», затем Свете звонить...

Валентин. Да ну, какая Света, Игорек! Все — пьянству бой! Что же я, не понимаю ничего? Я же не нажраться предлагаю, а так, только в норму прийти.

Игорь смеется.

Игорь. Вчера ты примерно так же агитировал.

Валентин. Кого я агитировал?! А-а, ну, вчера-то я говорил, что последний день водку пьем! Правильно!

Игорь. Последний день с водкой позавчера был.

Валентин. Да что ты начинаешь развозить-то?! Что я, маленький мальчик, что ли?! Сказал — все, значит, все!

Игорь. А что ты заводишься-то?!

Валентин. Да это ты канитель развел: «Вчера, позавчера, сегодня, завтра!..»

Игорь. Валь, ну, надо же встретиться слевой-то сегодня! Этот протокол — хоть какая-то зацепка! Пора уж как-то выкарабкаться! Или вообще надо тогда завязывать с этим кинематографом!

Валентин выуживает окурок из кастрюльки, закуривает.

Игорь. Ну, а сколько можно-то?! Три года — три сценария! И что? От тебя жена ушла, на мне родители крест поставили. Отец сказал: «Все, сынуля, последний перевод. Дальше давай сам».

Валентин. Да?

Игорь. Да.

Валентин. Сурово.

Игорь (*усмехнувшись*). Не то слово. Давай, Валь, распечатаем сейчас до обеда да в баньку рванем. А там уж можно и пивка.

Валентин. Анабирать-то, что — не будем, что ли?

Игорь. Будем, почему! Успеем! Ну, в крайнем случае после обеда доделаем.

Валентин. Рискованно.

Игорь. Что, думаешь, Тамара засаду выставит?

Валентин. Да мало ли до чего может догадаться одинокая девушка.

Игорь. Ну уж до этого-то ей не подняться! Она же разведенная!

Валентин. А-а.

Смеются.

Игорь. Конечно! Проскочим! Давай, что тут у нас? (*придвигнув папку, листает*). Всего, значит, пять мест... Сейчас я отмечу...

Делает пометки в папке.

Валентин. Да, попали мы в переплет... Может, чайку хоть для стиморола? Где чайник-то наш?

Заглядывает под стол.

Игорь. Сейчас... (*захлопнув папку*). Давай ты лучше запускайся тут пока, а я организую.

Встает, извлекает из ванны кастрюльку, включает радиолу, выходит.

По радио (*грудной женский голос*). ...Сегодня в 11 часов 27 минут начинаются пятые лунные сутки – время очищения и преображения, освобождения от всего ненужного и пустого. При этом гармоничные и тревожные аспекты бытия...

Валентин встает, перестраивает радиолу, достает блоки компьютера из ванны, ставит на стол, соединяет, включает. Возвращается Игорь с лимоном в руке.

Игорь (*подбрасывая лимон*). Во! Смотри, как Тамара размагнитилась от нашего поля чудес, аж лимон почти целый в сейф забыла запереть! Это она зря, мы таких ошибок не прощаем!

Подхватывает нож со стола, рассекает лимон на две половины, протягивает одну Валентину.

Игорь. На, оторвись, пожуй, расширяет лексикон!

Валентин морщится.

Валентин. Нет, я с чаем лучше..

Игорь. А я не ставил, заварка кончилась.

Садится, жует лимон, листает папку.

Валентин. Ну вот... *(вздыхнув)* Да-а.

Игорь. Ну, я тут отметил, можно приступать.

Валентин. О-ох... Ну, давай попробуем.

Садится перед монитором, щелкает клавишами.

Игорь. С самого начала.

Валентин. Угу, сейчас.

По радио выступает Ленинградский диксиленд.

Игорь. Готов?

Валентин. Поехали.

Игорь *(диктует)*.

Ленинград. 1956 год. Белая ночь. Набережная Невы усеяна школьными выпускниками. У разведенного Кировского моста кружатся в вальсе смеющиеся пары. Среди танцующих – златокудрая Людочка в нарядном белом платье. Неподалеку на гранитном пятачке лодочного причала долговязый чернявый паренек в костюме – Женя – допивает из горлышка портвейн. Вальс заканчивается. Людочка меняет пластинку на патефоне. Звучит аргентинское танго. Появляется Женя, пританцовывая, подходит к Людочке, становится вплотную, поднимается на носки, склоняет голову. Людочка улыбается. Женя подхватывает ее, ввергает в пучину всепожирающей страсти.

С пучиной как-то тут мы погорячились, по-моему, нет?

Валентин *(допечатывая)*. В смысле метафоричности?

Игорь. Ну да, лучше бы ближе к действию.

Валентин. Да, лучше бы, конечно, но тут надо тогда балетмейстера вызывать.

Игорь. Нет, ну, хотя бы штрих-пунктиром наметить движение, а то так чересчур уж метафорично.

Валентин. Да? А ты умеешь танго танцевать?

Игорь. Ну, в общих-то чертах... *(вставая)*. Сейчас... *(показывая)*. Вот так они встают... потом вперед... Потом, кажется, поворот на 180 градусов! Дальше?.. Сейчас... Какой там ритм-то?

Грохот входной двери. Шаги. В комнату заглядывает Женя в широкополой фетровой шляпе и залезалом двубортном костюме. Ворот белоснежной капроновой сорочки подвязан широким кумачовым галстуком с желтыми разводами.

Игорь. Во! Легко на помине! Сейчас он нам все покажет!

Женя. Чего?

Игорь. Ты же у нас владеешь танго?

Женя. Да ты что, Игорек, совсем уже?!

Игорь. Чего?

Женя. Да ничего!

Стремительно проходит к столу, протягивает руку Валентину.

Женя. Здорово.

Валентин *(пожимая)*. Здорово. Ты куда это так вырядился?

Женя. Как это куда?

Игорь. Не иначе как на пост директора рынка решил баллотироваться!

Женя. Да ну вас на хуй! Вы что, не помните ничего?! Я же вчера говорил! У Людмилы Петровны сорок дней сегодня! На кладбище пора ехать!

Валентин. Зачем?

Женя. Как зачем?! Надо же захоронить! Что она, так и будет у меня в серванте стоять?! Вот к дочке ее бегал, хотел пригласить... Даже не открыла, сучка ненужная! Милицию хотела вызвать, ну! Давайте, одевайтесь. Время-то — полдень скоро!

Игорь. Жень, у нас не получится.

Женя. Как не получится?!

Игорь (*показывая на компьютер*). Форс-мажор, Жень. Контракт подписываем с американским продюсером.

Женя. Какой контракт, Валь?!

Валентин. Да вот, позвонили, Жень, с «Мирамакса».

Женя. Да при чем здесь это, Валь?! Сегодня же сороковины у Людмилы Петровны! Душа в последний раз перед Господом Богом предстает! Место ей определяется — на небе или в преисподней! Договорились: на кладбище поедем, захороним, в церковьходим.

Валентин. Жень, а ты уверен, что сегодня сороковины-то?

Игорь. Да по-моему, и месяца еще не прошло.

Женя. Как не прошло? Ох, еб вашу мать! (*бросаясь к двери*). Ни хуя себе — не прошло!

Выбегает из комнаты.

Голос Жени. Не прошло у них! У всех прошло, а у них не прошло! Живут, как Пушкин с Лермонтовым, по песочным часам!

Валентин. Похоже, что прошло.

Игорь. Похоже.

Вбегает Женя с о свидетельством о смерти в руке и с пачкой фотографий под мышкой, подскакивает к Игорю.

Женя. Ты, Пушкин, читать умеешь?!

Тычет бланком.

Игорь (*отмахиваясь*). Ну, ладно, Жень, не надо цирка.

Женя. Да какой цирк?! Слушай сюда! Валь, сегодня какой день?!

Валентин. А?

Женя. Бэ! Девятое августа! (*Игорю*). Читай графу «день смерти»!

Игорь. Успокойся, Жень.

Женя. Да ты читай, читай! Первое июля! *(Валентину.)*
В июле сколько дней?!

Валентин. В июле?

Женя. В пиздюле! В июле — тридцать один день! Приплюсовываем девять! *(Игорю)* Итого, сколько будет?!

Игорь. Жень, но у нас сегодня...

Женя. Сорок будет! Вот тебе и сегодня! Господи! Сорок дней уже нет с нами гуленьки моей! *(раскладывая фотографии на столе)*. Вот она — ягодка моя... *(расплакавшись)*. За что же мне такое наказание?! Только зажили по-человечески...

Рыдает.

Валентин *(вставая)*. Жень, ну ладно, успокойся. Сядь *(усаживает)*. На, водички хлебни.

Берет банку с подоконника, дает Жене.

Женя. стакан-то есть?

Валентин наполняет стакан. Игорь вынимает деньги из кармана, считает.

Женя *(Валентину)*. Хватит, хватит! Что я тебе — верблюд?!

Игорь. Жень, сколько тебе надо на поминки-то?

Женя *(смахивая слезы)*. А? Так а вы-то что, не идете, Валь?

Валентин. Нет, Жень, не получается.

Отходит к ванне, садится на край.

Игорь *(положив деньги на стол)*. На вот, сколько есть, здесь и на дорогу, и на свечку, и помянуть — хватит. Не обижайся.

Женя. Да чего мне обижаться-то. Просто договаривались — думал вместе. Дочка вон тоже... ни стыда ни совести.

Валентин. Да при чем здесь совесть-то, Жень? Если бы могли, что мы, ломались бы, что ли.

Игорь. Конечно! Сходили бы и на кладбище, и в церковь, и помянули бы!

Женя. Да ладно, чего теперь философствовать (*сгребая деньги*). Сколько тут всего-то?

Игорь (*перелистывая папку*). Да прилично.

Женя. Да я завтра отдам, не бойсь! (*собирая фотографии со стола*). Я с черножопыми на рынке договорился! Завтра две машины лука на мне. Влёт идет! (*встав*). Кстати, вам нужен лук?

Валентин. Нет, Жень, лук нам сейчас некстати.

Женя. Да ты что, Валь?! Кубанский, как тыква! Ну, примерно! В салат, винегрет, к селедочке! Можно вприкуску! А в щи? Обжарить...

Валентин. Жень, ты надолго на кладбище?

Женя. Да нет. А что?

Валентин. Покурить не сообразишь, если останется на что?

Женя. А, ну конечно, Валь, о чем разговор! «Беломор», да?

Валентин. Ну, что получится.

Женя. Ну, ясно-ясно! Сделаю! Конечно! Сейчас маму подхороню и назад! Поминки же надо собирать! Все, побежал!

Поспешно выходит из комнаты. Валентин закрывает дверь, возвращается к столу, садится.

Игорь. Ну, артист. Придется нам, наверное, вторую серию писать.

Валентин. «Поминки»?

Берет оставленный Женей фотопортрет, рассматривает.

Игорь. Ну да. Сначала любовь до гроба, потом поминки до Второго Пришествия.

Валентин. С первой запуститься бы.

Игорь. Запустимся, что ты! Ее такой герой движет!

Валентин (*на фотографию*). Людмила Петровна здесь прямо вылитая Ким Бессинджер.

Игорь. Да?

Валентин передает фото Игорю.

Игорь. На самом деле, похожа. Надо Лёве показать.

Кладет фотографию в папку.

Валентин. Ловко, конечно, герой нас обчистил.

Игорь. Ну так! Прометей двадцатого века!

Короткий стук в дверь. Входит Женя с полиэтиленовым пакетом в руке.

Женя. Слышь, я чего подумал-то. Может, все-таки сходите на кладбище-то со мной, а то одному тяжело. Там еще эти смотрители... Ненадолго!

Игорь. А что тебе смотрители-то, у тебя все законно. Свидетельство о смерти взял?

Женя. Да хули им это свидетельство! Это же мафия! Им деньги давай! Вместе-то сподручней: вы присмотрели бы, а я бы подкопал по быстрому! Валь, бутылочку возьмем.

Валентин. Жень, извини, встреча важная сегодня, работать надо.

Женя. Ну, что делать, как-нибудь управлюсь. Ладно, прощайтесь тогда, да я пойду.

Достает урну из пакета, ставит на стол, торжественно отступает на шаг, склоняет голову. Валентин и Игорь, переглянувшись, встают, потупляют взоры. По радио звучит «Chi Mai» Э. Морриконе.

Женя (*тихо, почти шепотом*). Ну вот, мама, и в последний путь. Не уберег я тебя, родная... (*сквозь слезы*). Да если бы я знал, разве я покупал бы эту гадость! Господи, за что мне такое наказание?! Я же тоже пил!.. Почему ты не забрал меня?..

Осняет урну крестом, убирает в пакет, выходит.

Валентин. Да...

Игорь. Что это было-то?

Валентин. Панихида, наверное.

Игорь. И что – ангел прилетал?

Валентин. Возможно.

Игорь (*рассмеявшись*). Ну Женек дает. Шаман!

Садится, заглядывает в папку, Валентин отходит к окну.

Игорь. Ну что, продолжим?

Валентин. Сейчас.

Берет пузырек с подоконника, выливает содержимое в стакан, разбавляет водой, выпивает.

Игорь. Что — сердце?

Валентин. Да нет, так — дрожит что-то все внутри.

Игорь. У меня тоже фокус как будто сбит (*глядя в папку*).

Буквы все в два ряда.

Валентин. Да, перебрали вчера.

Игорь. Да.

По радио передают инструментальную пьесу Ф. Папетти.

Валентин (*глядя в окно*). Дождь, похоже, собирается.

Игорь. Да, скоро вообще зарядит, лето-то все — проехали. Домой опять в этом году не попадаю.

Валентин. Зовут?

Игорь. Ну да. Отец же после операции. Мать еле ходит. А там картошку убирать надо, погреб осыпался, крыша на веранде течет, в общем, разруха.

Валентин. Н-да.

Игорь. Помочь бы хоть как-то.

Валентин. Да, это не мешало бы.

Игорь. Я ведь в своей жизни всего раз им помог. За дембельский аккорд, помню, получил, отсалютовал, как положено, ну а на оставшиеся: маме — косынку, отцу — бутылку «Польской» презентовал. С тех пор уж семь лет минуло.

Валентин. И кануло. У меня поболее уже выходит.

Игорь. Ну, ты-то хоть подрабатывал как-то, а я же на полном пансионе.

Валентин. Да уж, я наработал. Даже на косынку матери не скопил.

Игорь. Да, крепко мы задолжали.

Пьеса заканчивается. Птичий щебет за окном перекрывают внезапные руганья автомобильной сигнализации.

Игорь (*глянув на часы*). Ой, Валь, надо поторапливаться! Это танго еще!..

Валентин. Может, оставим как есть, потом разберемся?

Игорь. Да придется... ладно. (*Листая папку*). Что там дальше-то у нас?

Валентин. Дом мод, кажется.

Игорь. Точно. Ну что, поехали?

Валентин. Поехали.

Игорь (*диктует*).

Дом мод. Коридор. По обе стороны – двери в гримуборные. Женя подметает пол, останавливается у одной из дверей, прислушивается. Дверь распахивается, вываливается господин Круазе. Людочка швыряет в него букет роз. Господин Круазе (Жене). Пардон, товарищ! Немножко конфликт!

Убегает. Женя открывает дверь. На стуле плачет Людочка.

Женя. Люда, это я.

Людочка. Что тебе нужно?

Женя. Выходи за меня замуж.

Людочка. Уйди.

Женя со слезами на глазах выходит, закрывает дверь.

Здесь все. Смотрим дальше.

Листает папку.

Валентин (*вытерев ладони о штаны*). Черт, руки совсем не слушаются. Есть не хочешь?

Игорь. Так нет же ничего.

Валентин. Может, пойти что-нибудь у Тамары по сковородкам пошукать?

Игорь. Нет, не стоит усугублять. Однажды уже поживились, помнишь, что с ней было?

Валентин. Ну, тогда мы были в безвыходном положении.
Игорь. Да?

Валентин извлекает окурок из кастрюльки, закуривает.

Валентин. Ну, а как? Целый день не ели ничего, вечером кипятку нахлебались и в ночь. А на кухне толстолобик жареный валяется. Что прикажете делать?

Игорь. Терпеть.

Валентин. Да какой же это выход. Это подвиг.

Игорь. А подвиг — это и есть выход — в бессмертие.

Валентин. Так а мы что, в бессмертие намылились?

Игорь. Ну а куда? Дальше некуда вроде.

Валентин. А-а.

Игорь. Ну что, вперед тогда?

Смотрит на экран монитора. Валентин бросает окурок в кастрюльку, выпускает облако дыма.

Валентин. Вперед, вперед... труба зовет. А цель уже сбоку и чуть-чуть сзади.

Игорь. Чего?

Валентин. Да нет, это я так. Упадок духа что-то.

Встает, пьет из банки. По радио Крис Ри затягивает «Нечего бояться».

Валентин (*подойдя к радиоле*). Хорошо излагает.

Садится на край ванны, прибавляет громкость. Игорь тушит карандашом окурок в кастрюлке. Солнечные лучи прорезают сизое марево комнаты. Дверь открывается, входит Женя с бутылкой вина, тремя стопками и пакетом пряников под мышкой.

Женя. Ну, что смотрите? Что я вам — Жириновский, что ли? Валь, выключай эту шарманку!

Водружает бутылку на стол, кладет пряники, расставляет стопки. Валентин убавляет громкость радиолы.

Игорь. Жень, ну тебе ж говорили, у нас дела.

Женя. Ох, дела! У всех дела! Мне вон утром Ельцин звонит, спрашивает: «Как дела?» Я говорю: «Как, как? Хуево!» — и трубку бросил!

Достает из карманов пачку папирос, яблоко.

Женя (*вручая папиросы Валентину*). Нормально? Ну, как положено! (*Протягивая яблоко Игорю*.) На, режь розочкой!

Игорь. Жень, давай до вечера отложим.

Женя (*открывая бутылку*). Ну куда отложим-то, Игорек?! Что это тебе — пленум, что ли?! Что ты, ей-богу! (*разливая вино по стопкам*). Сорок дней же! Не надо хуйню-то говорить! (*Поднимая стопку*.) Ну, давайте, давайте... (*Призывно*.) Валь!

Валентин показывает Игорю «чутка» между большим и указательным пальцами, берет рюмку. Игорь, пожав плечами, присоединяется.

Женя (*расплакавшись*). За гуленьку мою ненаглядную. (*В окно*.) Царствия тебе небесного, мама! (*Перекрестившись*.) Я приду скоро! Я долго здесь не пробуду без тебя! Любимая моя!

Сдержав рыдания, опрокидывает стопку, вытирает губы носовым платком. Валентин и Игорь тоже выпивают, садятся.

Женя. Игорек, а ты чего не допил?

Игорь. Я по чуть-чуть.

Женя. Да как это «по чуть-чуть»? Это ж на помин души! До дна надо!

Игорь. Нет, Жень, извини, не могу.

Женя. Игорек, да ты что?! Как это не могу?! Это ж не пьянка! Ты смотри, вино-то какое! Церковное! Кагор!..

Валентин. Жень, ну не хочет человек.

Женя. Что значит — не хочет?! Не надо хуйню-то молоть! Закон же есть! Что мы, нехристи, что ли, какие?! На помин души! До дна надо!..

Игорь (*поднимая стопку*). Ну, ладно, ладно, Жень, успокойся, я допью, только больше не доставай. Договорились?

Женя. Да ну тебя! Ему говорят, закон, а он рядится, как на базаре!

Игорь улыбается, допивает.

Женя (*Игорю*). Ну что ты яблоко не разрезал?! Что, мы его лизать будем?!

Игорь. Да я не умею розочкой.

Женя. Ну-у, бля, шантрапа! Дай-ка, сяду.

Сгоняет Игоря со стула, садится, начинает возиться с яблоком.

Игорь. Да разрежь так, Жень! Не мучайся.

Подтаскивает колонку к столу.

Женя. Как это так?! Что это тебе — колбаса?! Давай, наливай пока, сейчас будет готово!

Игорь садится на колонку. Валентин наполняет стопки.

Игорь. Ну ты художественный человек, Женек! Прямо Фаберже!

Женя. А хули ты думал, Игорек, я интеллигентный пьяница! (*Ставит яблоко на стол.*) Раз! (*Снимая верхнюю розочку.*) И два!

Нижняя розочка рассыпается на дольки.

Женя. Вот так! Это вам не яйца пасхальные раскрашивать!

Валентин. Да, изысканно, как в эпоху Возрождения.

Женя. Стиль рококо! (*Игорю.*) Ну, давай!

Поднимают стопки, пьют, хрустят дольками.

Женя. Я вообще красиво работаю. На рынок захожу, все тушканчики сразу по стойке «хайль Гитлер!»: «Евгений Александрович, вы куда сегодня — на лук, чеснок или помидоры?» О'кей, генацвале! Мне все равно! У меня все влёт идет! Лук, чеснок, баклажаны. Знаешь почему? Потому что руки у меня не из жопы растут.

Игорь. Да нет, прямо из сердца.

Женя. Ну, кутенок, захмелел!

Женя (*Валентину*). Ну, ты меня понимаешь! Я и по дому все сам делал! Убирался, готовил, по магазинам! Суббота — строго стирка! Все на мне! Я маме так и говорил: «Сиди, раскладывай пасьянсы, в библиотеку ходи, не беспокойся, я все сделаю! Раз в месяц мне только дай, и всё! Я ж понимаю, ты на кораблях своих наблась, тебе не хочется, но я-то тебя люблю!»

Валентин. Ну и как, давала?

Женя. Ну, как положено! Ну не всегда, конечно! Она ж болела!

Валентин. И раз в месяц тебе хватало?

Женя. Хватало! Я ж ее любил!

Валентин. Ну, я свою жену тоже любил, но раз в месяц мне мало было.

Женя. Ну и ебись теперь сколько хочешь! Я что тебе — мешаю?!

Наполняет стопки.

Валентин. Да нет.

Игорь. Жень, что ты из себя Дон Кихота-то ваяешь? Ну кто поверит, что такому орлу, как ты, раз в месяц хватало? Значит, где-то компенсировался — или в ванной, или на стороне!

Женя. Ну, не надо хуйню говорить! Это вы в ванной компенсируетесь со всякими мандавошками!

Игорь. Чего? Это кто это мандавошка, по-твоему? Света?!

Женя. А что, красавица, что ли?!

Игорь. Да, Женя, тебе ж даже нельзя соска ее показать! Околешь от семяизвержения в мозг!

Женя. Ой, бля! Семяизвержение! Да я таких марабу в гробу видал! Фу! Где вы ее откопали?! На Пискаревском кладбище?

Игорь. Ой, ой! Что ты хочешь сказать, что не прилег бы с ней на часок?

Женя. Никогда в жизни! Мне кроме мамы никого не надо! Одну ее любил и любить буду до самой смерти!!!

Игорь. Ой, да не надо про любовь! Скажи просто: «У меня не стоит!» — и все!

Женя. Знаешь что, Игорек?!

Игорь. Что?

Женя. Ничего! Стоит — не стоит! Переживи с мое, не то что ебаться, жить не захочешь!

Берет стопку, выпивает, встает.

Валентин. Да ладно тебе, Женя, шутим же.

Женя (*направляясь к двери*). Мне поминки собирать надо! У мамы сорок дней сегодня, а я тут буду шутки с вами шутить!

Выходит из комнаты.

Валентин. Да, крепкий орешек.

Слышен грохот.

Голос Жени. Ну, ёб вашу мать! Ни пройти ни проехать! Хоть вертолет покупай!

Игорь. Да это так — просто не может уже, вот и витийствует.

Валентин. Думаешь?

Игорь. Конечно! Его послушать, так у него вообще кроме Людмилы Петровны никого не было!

Валентин. Может, действительно не было?

Игорь. Нуда! Ты бы видел, как он Свету вчера охаживал!

Валентин. Как?

Игорь. Однозначно! Даже комнату через брак отписать был готов!

Валентин. Стратег. И что?

Игорь. Тамара пришла! Ушел в подполье.

По радио диктор объявляет время.

Игорь. Ох ты, время-то...

Валентин. Да, время аки чрево алчущее.

Игорь (*раскрывая папку*). О, зато сфокусировалось!

Валентин. Мне тоже полегчало вроде.

Игорь. Ну что, дальше тогда?

Валентин. Угу.

Смотрит в окно.

Игорь (*заглядывая в окно*). Чего там?

Валентин. Да вон — на Машку похожа, да?

Игорь. Где? У дерева?

Игорь. Да, есть что-то.

Валентин. Скоро десять лет ей. Интересно, как она там?

Игорь. Ну, как... Да всяко лучше, чем здесь, я думаю. Ходит себе с гувернанткой по Елисейским полям, кушает монпасье.

Валентин. Слушает маман, и полный шарман.

Игорь. Ну, а чего тут плохого-то?

Валентин. Да нет, ничего. Ладно, давай продолжим. Что там следующее?

Игорь (*взяв папку*). Следующее — «Коридор лайнера».

Валентин (*щелкнув клавишами*). Поехали.

Игорь (*диктует*).

Дверь в каюту капитана. В конце коридора у огнетушителя Женя читает «Правила противопожарной безопасности». Из каюты доносится смех Людочки. Женя бросается к двери, стучит.

Голос капитана. Кто?

Женя. Люда, это я! Мне надо с тобой поговорить!
Дверь открывается, выходит капитан в майке.

Капитан. Вы что это себе позволяете?! Фамилия? Должность?

Женя (*в дверь*). Люда, не верь ему! Он не любит тебя! У него жена, дети!..

Капитан обрывает Женю коротким ударом в живот, хватая за шиворот, запикивает в соседнюю дверь, запирает на ключ.

Всё.

Валентин допечатывает. По радио передают «Как мы хрупки» Стинга.

Игорь. Крепко, конечно, Женя соперников своих гвоздил.

Валентин. Да уж, колол, как дыни ломом. Самое интересное, что одолел-таки всех в итоге.

Игорь. Ну так, Прометей же.

Валентин. Да-а. А я вот одного даже не сдюжил.

Игорь. Ну, у тебя-то другая цель была.

Валентин. Да?

Игорь. Ну да, ты просто выбор сделал.

Валентин. Можно, конечно, и так повернуть.

Окно темнеет, слышен порывистый шум ветра.

Валентин. Маша, наверное, папой его уже называет.

Игорь. Ну, что поделаешь.

Валентин. Да, тут уж ничего не попишешь.

Закуривает. Дробь дождевых капель по стеклу, сверкает молния, гремит гром, разражается ливень. Стук в дверь. Входит Женя. Вместо пиджака – белый фартук, в руке – картонная коробка.

Женя. Игорек, слышь, у Светы какой размер?

Игорь. Чего размер? Бюстгальтера, что ли?

Женя. Хуяльтера! Валь, глянь-ка!

Достает из коробки женскую шляпку.

Женя. Вот, хочу шляпку ей предложить. Пойдет?

Валентин. Трудно сказать.

Женя. Да? Ну ясно. Игорек, иди, набери номер, я с ней поговорю.

Игорь. Ее нет дома сейчас, а рабочего телефона...

Женя. Да какая там работа! У нее сегодня выходной! Ты что, не помнишь ничего?!

Игорь. Это ты ничего не помнишь! У нее вчера выходной был!

Женя. Так у нее два выходных! Она же завтра на Валдай уезжает!

Игорь. Ну, и пусть едет! Тебе-то что?

Женя. Как это что?! Поминки же сегодня! Мне пригласить ее надо!

Валентин. Да какие поминки, Жень?! Тамара и так нас с утра уже выставляет!

Игорь. Вон, в обед с милицией уже придет!

Женя. Зачем милиция?

Игорь. Как зачем? На улицу нас выбрасывать!

Женя. Ни хуя себе! Да что она — совсем уже озверела, гнида моршанская?! А ну, давайте собирайте свою типографию, и ко мне!

Валентин. Жень, прекрати! Куда к тебе? Что ты, Тамару не знаешь?!

Женя. Да кто она такая?! Тамара! Я родился в этой квартире, а она тут без году неделя будет распоряжаться!

Валентин. Ну, ладно, Жень, не бузи.

Женя. Как это не бузи?! Подстаканник-то мамин серебряный она мне так и не отдала! Пусть только попробует милицию вызвать, сама в Кресты поедет!

Игорь (*вставая*). Все, Жень, кончай! У нас дел по горло! (*Выпроваживая*.) Пойдем!

Женя. Ну, так спокойно и сделаете все у меня! Валь, места много! Хоть в лапту играй! Куда мне столько?! Все равно помирать скоро!

Валентин. Ну, ладно, Жень, хватит галиматью пороть. Иди лучше на рынок сходи.

Женя. Валь, да какая галиматья?! Я ж помочь хочу!

Игорь. Хочешь помочь — оставь нас в покое.

Женя. Да ну вас! (*Убирая шляпку в коробку*.) Им от чистого сердца, а они...

Выходит из комнаты.

Игорь. Ну что, будем работать?

Валентин. Может, коньки ему отдать, чтоб успокоился?

Игорь. Так они же как бы Светины? Она и деньги вроде отдать обещала.

Валентин. Переживет, я думаю.

Игорь. А на что жить будем? С Тамарой еще надо рассчитаться. Женя-то сколько за них выручит?

Валентин. Ну, литра на три поменяет.
Игорь. Вот именно.

Слышны быстрые Женины шаги, грохот входной двери.

Валентин. На промысел пошел.
Игорь. Давно пора. (*Глянув на часы.*) Ох ты! Время-то у нас кончается! Так мы до обеда и не наберем!
Валентин. Наберем. Сколько там осталось-то?

Смотрит на экран монитора. По радио поет Эдита Пьеха.

Игорь. Два.

Валентин. Поехали.

Игорь (*читает из папки*).

Колодец двора. Ночь. Женя стоит на коленях с воздетыми к окну Людмилы Петровны руками.

Женя (надрывно). Люда! Людочка! Гуленька моя!

Я люблю тебя!!! Не верь никому!!! Я не пьяный!!!

Посмотри!!! (вскакивая на ноги). Вот же!!! Вот!!!

Пинает истерично мусорные баки. Из арки выезжает миллиейский уазик, останавливается. Женя смотрит на вылезавшего из машины грузного лейтенанта, плачет.

Лейтенант. Ну что, Евгений Александрович, опять?..

Дверь распахивается. В комнату врывается Света с бутылкой смирновской водки в руке. Исподнего вида сарафанчик трогательно детализирует искусительные дамские пикантности. На голове — шляпка Людмилы Петровны.

Света. Everybody calls the robbery! (*Заскакивая на стол.*) Any ups you fucking fetch move!..

Валентин. Аккуратнее, Свет.

Света. And I'll execute every motherfucking last one of you!!!

Игорь (*вставая*). Ты откуда такая подгазованная, Свет?

Света. Сидеть!!! Пошто блаженного Евгения обидели?! Законы Божии попирашь вздумали, хриstopродавцы?!

Валентин. Свет...

Света. На колени, отродье бесовское! Грянул час расплаты!

В дверях появляется Женя с подносом. На подносе — рюмки, хлеб, тарелка с винегретом.

Света. Приступай, Евгений! Верши завет ветхий! (*Заметив коньки.*) О, кстати! Презент!

Спрыгивает, вытаскивает коньки из ванны.

Женя (*проходя к столу*). Почему ветхий, Свет? Новый!

Ставит поднос на стол.

Света (*надевая коньки*). Модерновый, говоришь?

Игорь. Жень, ну тебе же объясняли...

Женя (*открывая бутылку*). Да подожди ты! Что ты можешь объяснить!

Валентин. Свет, у нас вообще-то дела сегодня.

Света (*вставая*). Делу время, потехе час! (*Отталкиваясь от ванны.*) Поберегись!!!

Падает.

Игорь (*снимая коньки*). Свет, ну, серьезно, нам не до потех сейчас. Нам с утра позвонили...

Женя (*наполняя рюмки*). Ну, хватит вам всем нервы-то трепать! Что вы с этим американцем, как с ума посходили! Надо же и себя хоть чуть-чуть уважать!

Света. С каким американцем?

Игорь (*помогая ей встать*). Свет, я о чем и говорю-то...

Женя. Да какая разница! Мы же русские! У нас своя планида! Что ж нам все бросить и «Кока-Колу» пить?

Игорь. В шесть часов контракт подписываем с американским продюсером.

Женя. Да не слушай ты их, Свет!

Света (*Валентину*). Что, серьезно, что ли?

Валентин. Да как тебе сказать...

Женя (*поднимая рюмку*). Ну ладно, хватит, Валь. Давайте, разбирайте, помянем гуленьку мою...

Игорь. Жень...

Женя (*плаксиво*). Ну не надо, Игорек! И так тяжело. (*Дрогнувшим голосом.*) Вот, мама, собрались мы тут: Игорек, Валя, Света... тебе вот стопочку поставили... хлебушек... (*Сквозь слезы.*) В общем, все как положено... Так что не переживай! Все тебя помнят и любят... (*Всхлипывая.*) Ну, давайте, давайте!..

Света. Ну, по одной-то можно.

Валентин и Игорь поднимают рюмки.

Женя. Не чокаясь.

Выпивают. Женя достает носовой платок, утирается.

Женя. Слышь, Свет, а ты фотографии-то Людмилы Петровны видела, нет?

Света. Фотографии?

Женя. Сейчас.

Бросается к двери.

Валентин. Жень, мы уходим сейчас.

Женя (*останавливаясь*). Ну, погоди ты секунду-то, Валь!

Света. Куда уходите? Вам же в шесть только.

Валентин. Да у нас тут осложнения с Тamarой.

Игорь. Да, надо свалить на обед, чтобы поутихло.

Женя. Да не надо никуда сваливать! Я же сказал, у меня жить будете! С Тamarой я улажу!

Света. Что, гонит, что ли?

Валентин. Да разберемся.

Женя. А что с ней разбираться вообще! Кто она такая?! Строит из себя княжну Тараканову!..

Игорь. Жень, помолчи.

Женя. Что это я молчать буду?! Пусть только вякнет! Я ей устрою плацкарту в Транссибирском экспрессе!

Света. Правильно! Туда их всех, самодуров! В Анжеро-Судженск!

Хохочет.

Женя. Дальше, Свет! В Маньчжурию! Ящериц ловить!

Валентин. Ладно, Свет, пойдем.

Игорь. Жень, забирай поднос.

Закрывает бутылку.

Женя. Да вы что, ребята!.. Так же нельзя! По три надо! Ведь это...

Игорь. Все, Жень, отбой.

Женя. Свет, ну скажи ты им!..

Света. А чего вы переполошились-то так? Тамара все равно раньше двух не приходит. (*Открывая бутылку.*) Давайте за контракт-то ваш выпьем! (*Наполняя рюмки.*) Может, больше и не свидимся. Укатите в свою Америку, и поминай как звали! Да, Жень?

Женя. А ну их!

Света. Правильно! Скажи им слово напутственное на пошок!

Женя (*поднимая рюмку*). Так а чего тут скажешь-то, Свет? Молодцы. Людмила Петровна всегда говорила: «Из этих ребят выйдет толк». Только главное-то не в этом...

Света. А в чем?

Женя. Людьми остаться — вот задача. Ладно, чего уж там, давайте. Успехов вам!

Валентин и Игорь улыбаются, поднимают рюмки.

Игорь. Спасибо, товарищи.

Все чокаются, выпивают.

Валентин. Ну давайте и закусим тогда уж, что ли.

Игорь. Да! По-людски чтобы.

Подтаскивают колонки, садятся, закусывают.

Света. Ну, Женя, винегрет у тебя — бон аппетит.

Женя. Нет, Свет, это «Лабрадор», из рецептов принцессы Дианы. Ты что, не пробовала никогда?

Света. А где мне пробовать-то было? Мы ж с принцессой на ножах!

Валентин. Из-за принца, что ли?

Света. Из-за него, уroda. Взял и надел мои трусы в день инаугурации! Эх-ма, ни принца теперь, ни «Лабрадора»!

Женя. Ох, Свет, фотографии-то я забыл! Сейчас!

Выскакивает из комнаты.

Света. Ну так чего?

Валентин. Чего?

Света. Когда снимать-то начнете?

Игорь. Ну, вот актеров подберем — и «мотор».

Света. Может, меня куда пристроите?

Валентин. А куда тебя пристроишь?

Игорь. Если только на «хлопушку».

Света. Чего?!

Валентин (*Игорю*). Не знаю, не знаю. Техника все-таки.

Света. Сейчас как дам в лоб! Техника! Главную роль давай!

Игорь. Да ты что, Свет, у нас Шерон Стоун в очереди стоит.

Света. А я без очереди! У меня мандат есть! Показать?

Игорь. Мандаты на штык!

Света (*вскакивая*). Поберегись!

Валентин. Тихо-тихо, Свет, тут характер, а не мандат надобен.

Света. А я что, без характера?!

Валентин. Ну, тут нужен такой, которого хотя бы косвенно касался луч мысли.

Света. Ни фиги себе!..

Входит Женя с альбомом.

Женя. Свет, вот!..

Света. Жень, ты слыхал, что эти братья Люмьеры парят?
Женя. Чего?

Проходит к столу, кладет альбом на стол, наполняет рюмки.

Света. Что у меня характера нет! Представляешь?!

Женя. Да что они понимают в женщинах, Свет! Пионеры!
Женщин без характера вообще не бывает! Потому что им-то рожать! А вот ты спроси их: может кто-нибудь из них родить хоть что-нибудь?!

Игорь. Я пас!

Женя. Ну еще бы!

Света (*Валентину*). А ты?

Валентин. А у меня геморрой.

Женя. Ну, если так сиднем сидеть без конца и края, вообще скоро чагой зарастете! (*Поднимая рюмку*). Вставайте! Выпьем за Свету!

Игорь. Нет, Жень, нам хватит.

Женя. Как хватит?

Света. Не поняла! Что значит хватит!

Женя. Ребят, кончайте, действительно! Человек старался, заботился о вас...

Света. Я к ним, как к этим, короче, со всей душой, а они, это самое, в откат, короче!

Женя. Конечно! Нельзя же так! Что вы, как не русские!
Надо же уважать все-таки...

Света (*Валентину*). Короче, ты меня уважаешь?!

Валентин (*вставая*). Приходится.

Берет рюмку.

Света (*Игорю*). А ты что?!

Игорь (*поднимая рюмку*). Да русский я, русский.

Света. Ну, вот так-то вот!

Женя. За тебя, Свет! Чтобы ты всегда оставалась такой же молодой, красивой и, как говорится, сексуальной!

Игорь. Где-то это я уже слышал. (*Валентину*). На Пискаревке, что ли?

Женя. Игорек...

Валентин. Да, про марабу, кажется.

Света. Чего-чего?!

Женя. Да кого ты слушаешь, Свет?! Они сами не знают, про что говорят!

Света. Ой, Женя, придется мне все-таки задать характер этим двум щеглам!

Женя. Да не надо, Свет.

Валентин. Да это так, Свет, реминисценция.

Игорь. Скорее обструкция...

Женя. Ну хватит вам! Сколько можно?! Тост же идет! За тебя, Свет!

Все чокаются, выпивают, закусывают.

Женя. Да, Свет, время сейчас, конечно, такое, что хочешь не хочешь, а, бывает, и зарычишь!

Валентин. Случается даже, и боднешь кого-нибудь в сердцах.

Игорь. А он тебя хватъ по затылку пейджером, и отбой!

Женя. Ну а как вы хотите, капитализм же строим.

Света (*поднимая бутылку*). Может, добьем — за коммунизм?!

Валентин. В смысле — за призрак его?

Игорь. Или за запах?

Света (*наполняя фюмки*). За душок!

Женя. Между прочим, вы зря смеетесь. Если бы не этот какаду орденоносный, у нас бы давно полный коммунизм был!

Света. Какой?

Игорь. Ну, в смысле — упитанный. Да, Женя?

Женя. Молчи ты, дистрофик! В 1959 году я на отпускные «москвича» мог взять! В магазинах — дышать нечем, одной селедки — 35 сортов! Уж не говорю про колбасы и все такое прочее! Завались! И все свое, натуральное! (*Показывая*.) Вот костюм! Чистая шерсть! Сорок лет! Как новенький!

Валентин. Угу, и пуговицы до сих пор блестят.

Женя. Да пуговицы-то говно, перешить пришлось. Потерял одну. Свет, кстати! (*раскрывая альбом*). Вот, смотри, как раз про коммунизм!

Света. Жень, да Людмила Петровна-то у тебя настоящая топ-модель была!

Женя. Хо, что ты, Свет, модель! Первая красавица! Такие наряды носила! У Эдиты Пьехи таких не было.

Света. А вот эта шляпка-то! Она, оказывается, с длинным платьем идет!

Женя. Конечно! Вот же написано «Летний ансамбль “Голубой дождь”»!

Света. А платье-то осталось?

Женя. Ну а куда оно денется, Свет?! Весь мамин гардероб в целости и сохранности! Я ж ни одной вещи ее не продал!..

Игорь. Так а кто их купит-то?

Женя. Чего?! Да там на миллиарды! Это же антиквариат! (*Вскакивая.*) Свет, сейчас я принесу, покажу!

Выбегает из комнаты. По радио вступает Доктор Албан с песней «Эта моя жизнь».

Света. Ну так что, репетнем?

Встает, прибавляет громкость у радиолы.

Валентин. В смысле?

Света (*пританцовывая*). В смысле характера!

Валентин. Да ты что, Свет!

Игорь. Мы же не порнуху снимать будем!

Валентин. Вот именно!

Игорь. Второй план давай!

Света (*задирая подол сарафана*). Держи!

Игорь падает на колени, прижимается щекой к ягодице.

Игорь. Держу!

Света. Разрабатывай!

Валентин. Спокойно! Текст пошел!

Игорь. Гуленька моя!

Света. А-у!

Игорь. Дай еще разок в этом месяце!

Света. Ишь, чего захотел!
Игорь. Да я отработаю! Завтра две машины лука на мне!
Кубанского! Влёт идет!
Света. Да на кой мне лук-то твой?!

Игорь. «Лабрадор» делать будем!

В дверях появляется Женя с платьем.

Женя (*Игорю*). Эй ты, гинеколог, кончай практиковать!
Свет, вот, примерь!

Света. О, класс! Это ж писк!

Сбрасывает сарафан.

Игорь. Да ты что, паскудник, делаешь? (*Выватывая платье*). В очередь!!!

Бросает платье на вешалку.

Женя. Игорек...
Валентин. Женя, скидавай штаны!
Женя (*направляясь к вешалке*). Валь, ну, хватит вам!
Валентин. Игорек, помоги Дон Кихоту!
Игорь (*хватая Женю за пояс*). Не дрейфь, кабальеро! Я Санчо Сранчо!

Расстегивает брюки на Жене.

Света. А мне-то что делать?!

Валентин. Дульсинею кажи!

Затягивает «Ламбаду», стучит вилками по столу. Света запрыгивает на стул, вращает бедрами.

Женя. Игорек, кончай...
Игорь (*стягивая с него брюки*). Только после вас, идальго!
Женя (*сопротивляясь*). Не надо, Игорек! Я этого не люблю!
Игорь. Да я читал, читал! Где Дульсинея?!

Света. Я готовая!

Валентин. Сигай на Ламанческого!!!

Света (*прыгая на Женю*). Бе-саме-мучо-о! Возлюбленный мой!

Обхватывает его руками и ногами.

Женя (*пытаясь освободиться*). Ребята, не надо!..

Игорь. Обнажи шпагу, мерзавец!

Сдергивает брюки с Жени. Дверь распахивается, в проеме застывает Тамара Сергеевна, за ней – Яков Андреевич в форме майора артиллерии. Света спрыгивает на пол, надевает сарафан. Женя натягивает брюки.

Тамара Сергеевна. Что здесь происходит?!!

Выдергивает сетевой шнур радиолы из розетки.

Валентин. Тамара Сергеевна, сейчас я все объясню.

Тамара Сергеевна. Не надо ничего мне объяснять! Какое скотство! Вы деньги нашли?!

Валентин. Да, конечно, вот сейчас мы как раз собирались выходить...

Игорь. Просто, поминки у человека... Задержались...

Женя. Да я же с утра вам говорил, Тамара Сергеевна! Сорок дней у Людмилы Петровны!

Тамара Сергеевна. Евгений Александрович...

Женя. Нет, ну когда вы про занавеску-то спрашивали, я ж на кладбище к ней шел! А теперь вот поминаем гуленьку мою с ребятами!

Бросается к столу, хватает альбом, показывает Тамаре Сергеевне.

Женя. Вот же она! Как живая! Господи!.. (*целуя фотографию*). Единственная моя! Ненаглядная!

Прикладывает к груди, плачет, выходит из комнаты.

Тамара Сергеевна (*Якову Андреевичу*). Вот, видите? Ну, как с ними разговаривать? Бред какой-то!

Яков Андреевич. Да, артисты.

Тамара Сергеевна. Ну, вот что, артисты. Давайте ключи от комнаты и немедленно выметайтесь из квартиры!

Яков Андреевич. Совершенно верно. Принесете деньги — получите вещи.

Игорь. Тамара Сергеевна, подождите...

Тамара Сергеевна. Я сказала — ключи!

Света берет платье, направляется к двери.

Валентин (*набрасывая куртку*). Тамара Сергеевна, да сейчас мы принесем деньги!

Света (*Якову Андреевичу*). Адьё, товарищ генерал!

Выходит из комнаты.

Тамара Сергеевна. Вы что, не слышите, что я вам говорю?! Где ключи?!

Игорь. Тамара Сергеевна, ну, мы сейчас вернемся. Зачем вы так? Что вы нам — не верите?

Яков Андреевич ставит дипломат на пол, встает в дверном проеме.

Валентин. Сейчас мы быстро, Тамара Сергеевна, туда-сюда. Вы же до трех, как обычно?

Яков Андреевич. Ну хватит, ребята, лапшу на уши вешать. У кого ключи?

Валентин. Кончай, командир, мы сами разберемся.

Пытается выйти.

Яков Андреевич (*оттолкнув Валентина от двери*). Сейчас и разберемся. Ключи на стол.

Игорь. Да ты что, офонарел, служивый?! Чего ты хочешь-то?!

Яков Андреевич. А ты что, глухой?

Игорь. А ты, тупой?!

Яков Андреевич. Что ты сказал?

Игорь. Что слышал!

Валентин. Брось, Игорек. (*Отдавая ключи.*) Вот ключи, Тамара Сергеевна. (*Игорю.*) Пойдем.

Игорь. Валь... так, а как же?..

Валентин. Пошли, пошли.

Увлекает его к двери.

Игорь. Что мы Леве-то понесем?!

Валентин. Придумаем что-нибудь.

Уводит Игоря.

Голос Игоря. Да что мы там придумаем?! Надо компьютер отбивать у этого козла зеленого!

Доносится грохот входной двери.

Тамара Сергеевна (*открывая окно*). Подонки. Я не понимаю, откуда столько грязи в людях?

Яков Андреевич (*проходя к столу*). Ну, что вы хотите, Тамара Сергеевна, семьдесят лет Россия деградировала! Дай Бог нам теперь хотя бы лет через сто оправиться.

Осматривает бутылку, усмехается.

Тамара Сергеевна. Кошмар! Пойдемте ко мне, Яков Андреевич, я здесь даже находиться не могу! Пойдемте, я вчера пельменей настряпала.

Яков Андреевич (*подхватывая дипломат*). О! А мне тут ликерчик как раз вкусненький подвернулся! Славно!

Выходят из комнаты. Звук запираемого замка. Стихают шаги за дверью.

Часть вторая

Та же комната.

Дверь сотрясается от ударов, срывается замок, входят Валентин, Игорь и Женя.

Женя (*подбирая замок*). Валь, ну что вы наделали?! Она же меня посадит!

Игорь собирает рюмки на поднос. Валентин включает компьютер.

Валентин. Да кто тебя посадит! Скажи, что ворвались, избили, заперли в комнате!..

Игорь. Вали на нас, в общем!

Подает поднос Жене.

Женя. Ну, куда валить-то, Игорек?! Это же криминал!

Игорь. Ладно, Жень, разберемся. Держи. Нам работать надо!

Женя. Да вы что, Игорек?! Они с майором и вас достанут! Он же омоновец!

Игорь. Да какой он омоновец! Сиди спокойно, никто тебя не тронет!

Подталкивает к двери.

Женя. Как не тронет?! Ни хуя себе! Забыл, как он вас сделал?!

Валентин. Жень, успокойся. Замок на место поставим, Тамара вообще не заметит ничего.

Женя. Ну, как не заметит-то?! Что она, слепая?! Уходите от греха!

Игорь. Да иди ты сам от греха!

Выталкивает Женю, закрывает дверь, включает радиолу.

Голос Жени. Ну, дело ваше! Я на рынок ухожу! Расхлебывайтесь теперь сами!

Игорь (*сидясь за стол*). Ну все, давай добьем, да распечатывать пора.

Раскрывает папку.

Валентин (*сидясь за стол*). Что там осталось — «ЛТП»?

Игорь. Ага. Со слов «Окраина города». Есть?

Валентин. Поехали.

Игорь (*диктует*).

Окраина города. Солнечный день. Трехэтажное деревянное здание лечебно-трудового профилактория. У дверей проходной с букетом гладиолусов стоит Женя. Дверь открывается, милиционер пропускает Людмилу Петровну с чемоданом. Женя подхватывает чемодан, вручает цветы.

Женя. Вот, мама, тебе. Ты меня молодец! Гладиолусы у японцев означают любовь! Видишь, какая красота!

Милиционер смеется.

Людмила Петровна (*Жене*). Пойдем.

Выходит на дорогу, удаляется. Женя семенит за ней.

Звонит телефон.

Игорь (*раздраженно*). Света, наверное!

Валентин. Или Тамара.

Игорь. Зачем?

Валентин. Ну, мало ли. Интуиция женская.

Голос Жени. Алло! Кто это?!.. А-а, Света!..

Игорь (*вставая*). Да, Света, конечно!

Открывает дверь, выходит.

Голос Жени. Ушла!.. Здесь, а где еще!.. Слышь, платье-то как тебе, подошло?.. А?.. Ну, вот. Тут Игорек... Ты как, заглянешь еще сегодня?

Голос Игоря. Алло... Нормально... А, ну понятно...

Входит Женя в рабочем халате.

Женя. Валь, слышь, а Света вам ничего не подкинула?
Валентин. Нет, Жень, не подкинула.

Печатает.

Голос Игоря. Ладно, Свет, извини, работать надо... Да нет, зачем заезжать?.. Да нет, Свет, спасибо, мы сами доберемся... Все, Свет, времени в обрез, пока.

Входит Игорь.

Женя. Ну что, не заедет?

Игорь. Нет, не заедет. Ты как, на рынок?

Женя. Да я что думаю-то, Игорек, может, вместе сгоняем?

Игорь. Жень, ты что, издеваешься, что ли?!

Проходит к столу, садится.

Женя. Да там делов-то на полчаса! Машину лука разбросаем, и всё!

Валентин. Жень, кончай, и так зашиваемся.

Женя. Ну, что делать, придется одному. Ладно, пойду.

Выходит.

Валентин. Финала-то у нас нет.

Игорь. Как нет?

Листает папку.

Валентин. Ну как, мы же его так — в уме только набросали.

Игорь. А, да. Ну, что делать, придется по памяти. На чем там заканчивается?

Смотрит на экран монитора.

Валентин. Может, старый оставим?

Короткий стук, заглядывает Женя.

Женя. Я чего подумал! Может, бутылки сдать, пивка хотя бы взять? Есть бутылки-то пустые?

Игорь. Нет, Женя, откуда. А зачем старый-то, Валь?

Женя. Ну как нет?!

Заходит в комнату.

Игорь. Сейчас воспроизведем. Где тут у нас?

Листает папку.

Женя. Вот же в ванной стоят!

Перебирает бутылки.

Валентин. Да сейчас завозимся...

Игорь. Женя, ну эти же не принимают! Что ты там копаешься?!

Женя. Так а вчерашние-то где?!

Валентин. Ну, тебе же понятно было сказано — нет бутылок! Что, надо повторять?!

Женя. Ну ладно, чего ты, были же бутылки-то.

Заглядывает под ванну, выходит.

Игорь (*перелистывая папку*). Да я помню почти все, Валь! Сейчас!

Валентин. Ладно, давай печать запустим для начала, а потом уж будем вспоминать. Подключи принтер пока.

Щелкает клавишами. Игорь встает, вытаскивает принтер из ванны, ставит на стул.

Игорь. Лента-то у нас в лохмотьях вся. Не порвется?

Убирает папки со стола в ванну.

Валентин. Заклеим. А бумаги хватит?

Игорь. Да бумаги-то навалом. Качество вот, правда... На туалетную смахивает.

Достает из ванны объемистую пачку бумаги, кладет на стол.

Валентин. Сойдет. Главное — текст не говно.

Дверь распахивается, вваливается Женья с большим перламутровым шаром в руках.

Женья. Эй, академики! (*Подбегая к столу.*) Видали НЛЮ?! А?!

Игорь. Жень, не мешай, иди к себе.

Женья. Да ну тебя! Валь. Ты знаешь, что это такое?

Валентин. Буй, что ли, фарватерный?

Женья. Сам ты — хуй фанерный! Это же кухтыль!!! Людмила Петровна в Стамбуле на базаре купила!

Игорь. Какой еще кухтыль? Иди, не морочь голову!

Женья. Ну, писатели! Русского языка даже не знают! Где у вас тут люстра?

Подхватывает стул, ставит под свисающую с потолка одинокую лампочку.

Игорь. Да куда ты полез-то! Плафон, что ли?!

Женья включает свет.

Женья (*влезая на стул*). Ну, будешь теперь козырять — плафон, сифон, патефон!

С трудом балансируя на стуле, надевает «кухтыль» на лампочку. «Кухтыль» освещает комнату теплым золотистым светом.

Женья. Смотрите! Я кому показываю?! Ну что, понятно теперь, что такое кухтыль?!! (*Валентину.*) Красиво?

Валентин. Ничего.

Женя. Ну что ты! Ничего! Людмила Петровна хуйню не покупала! Восточная магия! Ну, ты хотел бы такой?

Валентин. Ну...

Женя. Нет, ну сколько дал бы, так — с ходу? Ну, примерно?!

Валентин. Ну, стакан бы налил.

Женя. Чего?! Стакан?! Да я его сейчас вон на рынок вынесу!..

Спрыгивает на пол, теряет равновесие, падает. «Кухтыль» раскалывается.

Игорь. Допрыгался.

Женя (*сидясь*). Господи, так что же он, стеклянный, что ли?! Ну, еб вашу мать! Думал, сдам, как раз на поминки хватит! А теперь куда?! На хуй только сюда зашел! Надо было сразу идти, и всё!

Игорь. Да его склеить можно, что ты распереживался. У нас вон эпоксидка есть.

Женя. Да какая эпоксидка! Кто его склеенный купит! Это ж кухтыль, а не сапог! Ох, не могу! В груди все рвется! Игорек, может, лосьон какой есть? Хоть грамульку, а?

Игорь. Да откуда, Жень. Пойдем, я тебя провожу.

Помогает Жене встать. Валентин запускает принтер.

Женя. Сейчас-сейчас, погоди... сердце что-то... (*сидясь на край ванны*). Сейчас, уляжется. Иди, работай. Я не буду мешать.

Достает носовой платок, вытирает лоб, шею.

Валентин. Может, валидолу?

Женя. Да ну что ты, валидол! Сейчас бы грамм пятьдесят — и нормуль!

Игорь отходит к столу.

Женя (*потирая грудь*). Ох... что такое?! Как будто тает все внутри.

Игорь. Ну что, печатает?

Валентин. Печатает.

Женя. А вы про что печатаете-то? Про мафию небось? Ну, этого говна сейчас навалом! А вот вы слышали, что люди с хвостами есть? Вообще-то, конечно, мы все с хвостами! Копчик — это ж хвост!

Валентин. Жень, ты как, отошел?

Женя. А? Да ты послушай! Это ж трагедия! Молодая, красивая, а сзади хвост — как у кенгуру! Представляешь?

Игорь. Да, беда.

Отходит к ванне.

Женя. Ну а что, не беда, что ли?! У тебя бы, как у лося, рога выросли, посмотрел бы я на тебя!

Игорь (*доставая коньки из ванны*). Жень, вот ролики.

Женя. Чего ролики?

Игорь. Сходи на рынок, сдай, на поминки всяко хватит.

Женя. Ролики, говоришь? Ну-ка...

Берет, осматривает. Валентин пишет в папке.

Игорь. Чего ты их разглядываешь?! Мы за них вчера 180 долларов в «Адидасе» оставили!

Женя. Ох ты! Да, фирма. Вам не надо, что ль?

Игорь. Да бери, бери, накатались уже.

Женя (*вставая*). Ну, спасибо, Игорек. Я отработаю! Сейчас же сезон начинается! Осень на носу! Арбузы! Дыни! Морковь! Что ты! Только карманы расставляй!

Игорь (*отходя к столу*). Все, Жень, нам работать надо.

Садится за стол.

Женя. Ну, ладно! Побежал! Про хвосты потом расскажу!

Выскакивает из комнаты.

Игорь. Ну, что, вспоминается?

Валентин. Да так, потихоньку. Вот они расписались... пришли к Жене... шампанское, любимое танго. А дальше?

Игорь. А дальше — как в начале. (*Читает из папки.*)

Женя, пританцовывая, приближается к Людмиле Петровне, становится вплотную, поднимается на носки, склоняет голову. Людмила Петровна улыбается. Женя подхватывает ее, ввергает в пучину всепожирающей страсти.

По радио передают «Частное расследование» Марка Нопфлера.

Валентин. Да, как в сказке.

Игорь. Ну, история-то романтическая!

Валентин. Ну, вообще-то, да. А может, попроще сделать?

Игорь. В каком плане?

Валентин. Ну, в плане достоверности. Скажем, Женя, пританцовывая, приближается к нетвердо сидящей на табурете Людмиле Петровне, становится вплотную, поднимается на носки, склоняет голову. Людмила Петровна криво улыбается... падает на пол!

Игорь. Отрубилась, что ли?

Валентин. Ну, как положено.

Игорь. А Женя чего?

Валентин. А Женя берет ее под руки, затаскивает на кровать, выпивает, начинает рисовать картину наступающего счастья.

Игорь. Да... так, пожалуй, лучше. Тогда вместо наплыва надо панораму сделать.

Валентин. В смысле — по комнате?

Игорь. Ну да. Женя что-то бормочет, рядом «кухтыль»...

Валентин. Давай сразу уж и набросаем по ходу. Значит... (*щелкает клавишами.*)

Женя пьяно бормочет, на тумбочке «кухтыль» золотится...

Игорь.

...На столе остатки ужина...

Валентин.

...В серванте коллекция пустых импортных бутылок...

Игорь.

*...В книжном шкафу старые подписки «Роман-газеты»
и «Нового мира»...*

Валентин.

...На стене залитые лунным светом фотографии молодых Людочки и Жени.

Игорь. Все — затемнение.

Валентин. Нормально.

Игорь. Как в жизни.

Валентин. Хэппи энд.

Громыхание входной двери.

Голос Жени. Разойдись! Дорогу артиллерийскому расчету! Сюда, товарищ гвардии майор! Прицеливайтесь! Бронбойным! Огонь!

Дверь распаивается, врывается Женя с авоськой в руке.

Женя. Ну что, испугались?! Сейчас вообще охуете!

Выдергивает из авоськи пластмассовый трехлитровый бочонок водки.

Женя. Видали такую?!

Игорь. Ох ты!

Женя. А такую?!!

Извлекает прозрачную банку с маринованной селедкой.

Игорь. Ну ты, Жень, провернулся!

Женя. Коммерция — двигатель прогресса!

Игорь смеется.

Женя. Но, я смотрю, вам некогда! Не буду отвлекать! Извините! Удаляюсь! (*Убирая добычу в авоську.*) У меня тоже дел по горло! Надо на стол готовить! Дочке звонить! Вы тоже не засиживайтесь, Тамара скоро придет! Ко мне-то заглянете хоть перед выходом?

Игорь. Ну, там видно будет, Жень. Иди.

Выпроваживает.

Женя. Да ты что, Игорек?! Что это ты такое говоришь?! Мама же вас, как сыновей родных, любила!

Игорь. Жень, прекрати!

Женя. Как прекрати?! Это же на помин души!

Валентин (*щелкая клавишами*). Да мы зайдем, зайдем, Жень. Не мешай.

Женя. Ну, конечно! Кто ее кроме нас помянет?! Нельзя так! Она же там одна! Ну, ладно, договорились! (*Направляясь к двери.*) Так, сейчас картошечки пожарю... Ох, масло-то забыл купить! А, стоп! Там же Тамара сковородку непомытую оставила! Жиру – море! Куриного!

Выходит.

Игорь (*сидя за стол*). Перпетуум мобиле.

Вставляет бумагу в принтер.

Валентин (*ударяя по клавише*). Все – точка! Остальное – дело техники!

Игорь. Запускай!

Валентин щелкает клавишей, принтер начинает печатать.

Голос Жени. Алло! Алина? Я чего звоню-то! Вы на кладбище-то были? Так я ж тебе утром говорил – денег-то у меня нет! Вот и крутился весь день! Да нет, ты не поняла! Я ж чего звоню-то! Давайте, подходите, поминать будем! Все организо-

вано! Кто недопил?! Я?! Да не надо хуйню-то городить! Я ж про поминки тебе толкую! Да ну тебя в жопу, сама нажралась со своим носорогом!

Грохот, гулкие удаляющиеся шаги.

Игорь (*улыбаясь*). Конкретно.

Валентин. И внятно.

Игорь. А в каком виде нам лучше сценарий преподнести? К протоколу же все-таки подшиваться будет!

Валентин (*кивая на стол*). Да вот в этой папке отдадим, да и все.

Игорь. В этой?

Отходит к ванной, копается.

Игорь. Тут у меня где-то старорежимная валялась. Когда из института выгоняли, в ректорате на память прихватил. (*До-ставая.*) Во!

Показывает алый с золотым гербом партийный аксессуар.

Валентин. Внушительно.

Вставляет новый лист в принтер.

Игорь. Не спугнет инвестора?

Валентин. Может, и шокирует слегка, но намерения только укрепит.

Смеются.

Игорь. Ну, тогда так и пойдем, прямо со входа!

Поднимает папку над головой, шагает к двери, вопит.

Игорь. Аллилуйя! (*Гневно.*) Осади, мзгля декадентская! (*Заневает.*) «Союз нерушимый республик свободных!..»

В дверь заглядывает Женя в красном халате с черными драконами на рукавах.

Женя. Вы что тут, совсем охуели от кинематографа своего?!

Игорь. Не мешай, репетирую!

Женя. Чего репетируешь, встречу коммунизма? Так его не будет! Горбачев его на хуй послал!

Игорь хохочет.

Игорь. А как же мы теперь?!

Женя. А вот так! Как хочешь! Каждый за себя — как в «дурака»! Ну, так вы закончили? У меня все готово!

Игорь. Да только начали, Жень! *(Отходя к столу.)* Валь, ну как печать?

Валентин. Нормально.

Женя. Валь, ну сколько можно возиться?! Время-то — пять!

Валентин. Жень, мы больше с тобой возимся. Не мешай!

Женя. Да ну вас! Со мной они возьтятся! Вы замок-то чинить думаете? Или так и бросите все?

Игорь. Да сделаем мы все, не переживай! Иди, не стой над душой!

Женя. Сделают они! Жди! А мне потом отвечай!

Исчезает.

Игорь *(отходя к вешалке)*. Так, пора нам имиджем заняться.

Валентин. Да, башку бы неплохо ополоснуть.

Игорь. Да кто на башку в наше время смотрит! Клифты надо гладить!

Снимает с вешалки полиэтиленовые пакеты с одеждой.

Игорь. Валь, сходи к Женьку за утюгом, а то он меня не выпустит без покаяния.

Извлекает костюмы из пакетов.

Валентин. Да брось ты. Отвиселись и так. Последи тут пока за печатью, я пойду голову помою.

Расстегивает рубашку.

Игорь (*надевая пиджак*). Ладно. (*В зеркало*) Хай! Май нэйм из Гарри! Андэстэнд? Гуд! Ай вуд... проехать в Голивуд! Вот ю сэй?

Входит Женя. В руке – ящик с инструментами.

Игорь. Женя, ну чего ты суетишься?

Женя. Ничего. Я за вас в тюрьме сидеть не собираюсь!

Достаёт из ящика молоток, приколачивает замок к двери. Валентин выуживает из ванны флакон с шампунем, направляется к двери.

Валентин (*выходя*). Шурупы-то закручивать надо.

Женя. Шагай, хиппи! Если грамотно ебануть, шуруп сам два-три оборота делает!

Бьет.

Женя. Ну, бля!

Выдергивает шуруп из двери, показывает Игорю.

Женя. Видал, что делают?! Перестройщики! Да раньше за такие диверсии расстреливали на месте! (*Глянув на полы халата*.) Ох ты! Где это я так извозился-то?! Игорек, щетка-то есть?

Игорь. На вешалке должна быть.

Женя находит щетку, отряхивается.

Игорь (*заправляя лист в принтер*). А чего ты разрядился-то, как самурай тайваньский?

Женя. Сам ты самурай! Это ж подарок Людмилы Петровны!

Игорь. А-а, для пафоса. Понятно.

Женя. Да что тебе понятно-то, звонарь?! Для пафоса! Не для пафоса, а для памяти!

Игорь. Так я к чему и веду — какая же память без катарсиса!

Женя. Да ну тебя! Сам ты катарсис! Я тебе про память толкую! Человек без памяти, как птица без крыльев! Так — пресмыкающееся!

Игорь. Ну да, ты-то у нас альбатрос!

Женя. Ох, Игорек, смотрю я на тебя... есть в тебе что-то еврейское!

Отходит к ванне, рихтует шуруп на краю. Входит, вытирая полотенцем голову, Валентин.

Женя. Валь, гвоздей-то нет?

Валентин. Откуда, Жень.

Бросает полотенце на вешалку, причесывается.

Женя. Слышь, Валь, с Тamarой-то что — все, не договориться?

Валентин. Да, Жень, все. Съезжаем.

Женя. Значит, один на один с этой курвой остаюсь! Только привык к вам! Пошутить, поговорить... Эх-ма.

Заворачивает шуруп.

Валентин. Да пошутим еще, Жень. Не переживай, мы тебя одного не оставим.

Игорь (*кивая на принтер*). Вон, видишь, проект века чеканится! Как только гонорар получим, сразу за тобой и в Лас-Вегас — на пупок земли!

Женя. Сам ты пупок! Куда ты на этот свой гонорар попадешь?! В Кавголово, наверное, и то не доедешь! Сколько этот ваш проект стоит?!

Валентин. Пятьдесят тысяч — минимум.

Женя. Чего пятьдесят тысяч? Долларов, что ли?!

Игорь. Ну, не «зайчиков» же!

Женя. Так это сколько рублей-то?

Игорь. Считай, доллар — четвертной.

Женя. Четвертной это когда было-то! Ну, ладно, примерно пойдет! Двадцать пять рублей умножаем на пятьдесят тысяч... Это ж сколько получается-то?.. 5 на 25... 125 миллионов, что ли?! Ебут!!! Да за такие деньги весь Эрмитаж вместе с Кунсткамерой можно купить!

Игорь (*смеясь*). Нет, мы в Лас-Вегас сначала.

Женя. Хох! Лас-Вегас! Да кто вам такие деньги даст!

Игорь. Фу-ты!..

Останавливает печать, вытягивает смятый лист из принтера.

Женя. Вот именно, что фу-ты, ну-ты, лапти гнуты!

Валентин (*Игорю*). Что там?

Игорь (*бросая лист на пол*). Да!.. Забыл прижать! Лист зажевало. Сейчас перепечатаю.

Женя. Проектировщики! Один забыл, другой проспал! В Лас-Вегас намылились! Хуйней занимаетесь! Вон дочка у Людмилы Петровны ларек держит, так у нее безо всяких гонораров меньше тысячи на кармане не бывает! Королева! Хочет — в Турцию, хочет — в Китай, а в Финляндию вообще каждые выходные на дискотеку катает!!!

Игорь. А что ж эта королева родной матери на поминки даже бутылки не выставила?!

Женя (*растерянно*). Чего?

Игорь (*щелкая клавишами*). Да ничего. Занимайся вон замком и не вякай, если в Лас-Вегас не хочешь! А то сейчас вообще отсюда вылетишь.

Валентин (*Игорю*). Игорек, переодевайся, я послезу.

Игорь отходит к вешалке, снимает рубашку.

Женя. Да нет, Игорек, ты не понял! Я же не в том смысле ее в пример привел, что она лучше вас! Наоборот! Это такая

падла — зимой снега не выпросишь! А вы-то совсем другие люди! Настоящие друзья!..

Игорь. Ладно, все, замяли.

Женя. Спасибо вам за все! Как бы я сегодня без вас? А так все по-человечески! Гуленьку мою захоронил! Свечку в церкви поставил! Помянули... *(дрогнувшим голосом)*. А Лас-Вегас-то мне на хуй? Я здесь родился, здесь и умру! Вон у меня мама здесь захоронена... *(заплакав)*. Сам своими руками закопал счастье свое!..

Игорь. Жень...

Женя. Сейчас.

Достает платок, утирается, выходит. Игорь берет полотенце, шампунь, следует за ним.

Голос Игоря. Жень, замок-то будешь доделывать?

Голос Жени. Сделаю, не беспокойся! Иди шею мой!

Валентин подходит к двери, прикрывает ее, подгоняет молотком замок, проверяет его работу, подкручивает шурупы. Появляется Женя с масленкой в руке.

Женя. Валь, ну зачем портить-то?! Занимайся своим делом!

Валентин возвращается к принтеру, меняет лист.

Женя. Я же на минутку за маслом отлучился! Зачем эта самодеятельность?! *(Смазывая замок)*. Все уже сделано! Защелку осталось маслом пройти и нормуль! *(Щелкая задвижкой)*. Видал? Как перышко!

Входит Игорь.

Женя. Игорек, оцени!

Игорь *(испытывая)*. Что, сделал, что ли?

Женя. Хо! Ну ты ляпнул! Да ты видел, чтобы я чего в жизни не сделал, если захотел?!

Игорь (*отходя к вешалке*). Да ну, что ты! Ты же у нас универсал!

Женя. А хули, не универсал, что ли! Ты видел, как я на рынке работаю?!

Игорь (*освежаясь дезодорантом*). Видел.

Женя. Ничего ты не видел, дихлофос! (*Отходя к столу*.) Валь, вот у меня, к примеру, картошка по три тысячи! Я цену не ставлю! Подходит бабка: «Сынок, сколько стоит?» Я говорю: «Четыре». Бабка: «Ой, ай, дорого, не могу!» А я тогда сразу: «Ладно! Тебе, бабка, за три отдам! Забирай, и всё!» Понял?

Валентин (*меняя лист в принтере*). Да-а, ты у нас маркетолог, Женя. Мы тебя исполнительным продюсером нашего проекта назначим.

Женя (*присаживаясь*). Кем-кем?

Валентин. Ну, это что-то вроде завхоза в кино.

Женя. А! Ну, это запросто! Я ж в армии киномехаником был! Завхоз в запое — я за него! Замполит уговаривал на сверхсрочную остаться! Прапорщика давал!

Валентин. Ну, вот и прекрасно.

Женя. А у вас там как, ставка или гонорар?

Валентин. Ну, мы это уточним.

Женя. Мне лучше в долларах по курсу!

Игорь. А какой курс вас не оскорбит?

Женя. Курс Центрального Банка России!

Бьет кулаком по столу.

Валентин (*вставая*). Договорились.

Пожимает руку Жене.

Женя (*вставая*). Благодарю за доверие!

Валентин (*взяв Женю под руку*). Ну, ступай, отдыхай тогда! (*Направляя Женю к двери*.) Спасибо тебе за замок.

Женя. Да брось ты, что я, не понимаю, что ли!

Валентин. Давай, давай, набирайся сил! Будешь калифорнийских бобров по стойке «хайль Гитлер» ставить!

Женя (*подхватывая ящик с инструментами*). Яволь! Их бин всегда готов!

Валентин. Молодец, молодец (*выпроваживая*). Пойдем, сейчас тебе надо...

Женя (*останавливаясь*). Меня когда в Гамбурге с корабля списывали, Йоган — стропаль ихний — подстрекал убежища попросить. Я ему тогда так и сказал: «Не, Йоган, если уж из Союза куда и ехать сейчас, то только на Брайтон Бич в Америку! Вот там жизнь! А здесь у вас русскому человеку не продохнуть — сплошная пунктуальность!»

Игорь и Валентин смеются.

Игорь (*Жене*). Соображаешь.

Женя. Не то слово, Игорек! Опыт большой! Вот в чем дело! Сейчас! Айн момент!

Резко разворачивается, выносится из комнаты. Грохот.

Игорь. Может, пойти запереть его?

Валентин. Да не надо, сам упадет.

Вытягивает готовый лист из принтера.

Игорь. Ну что, какая страница?

Валентин. Двадцать осталось. Черт, время летит!

Заправляет бумагу в принтер.

Игорь (*повязывая галстук*). Да, опаздывать нам нельзя. Не красиво. Хоть и не Германия, конечно, но и не Брайтон-Бич.

Валентин. Продырявь страницы пока.

Игорь достает дырокол из ванны, перфорирует листы сценария. Валентин отходит к вешалке, стягивает галстук с крюка.

Дверь распахивается, в дверном проеме застывает Женя в белом хлопчатобумажном костюме, соломенной шляпе и зеркальных солнцеза-

щитных очках. В левой руке, как скипетр, бочонок водки, в правой — три стопки.

Игорь. Ох, ты!

Валентин. Да, уникам.

Женя. Отставить комплименты! К торжественному маршу генерального исполнителя стоять смирно!!! (*С песней шагает к столу.*) «Все выше! И выше!! И выше!!! Стремим мы полет наших крыл...»

Неожиданно качнувшись, натывается на принтер.

Игорь (*отталкивая Женю*). Женя, ну, осторожно! Что ты скачешь-то?! Не видишь, что ли, ничего?!

Женя (*опуская стопки на радиолу*). Спокойно! Исполнительный... директор знает регламент! (*Наполняя стопки.*) Прошу к столу, господа! Предлагаю поднять бокалы в знак нашей будущей карьеры, славы и, так сказать, всего остального! (*На стопки.*) Разбирай!

Валентин (*повязывая галстук перед зеркалом*). Жень, успокойся, хватит хлестать!

Женя. Да ты что, Валь?! Кто хлещет?! Я же за Америку! Ты ж сам меня назначил! Этим!.. Как его?! Игорек, как там было-то?!

Игорь. Генералиссимус.

Женя. Сам ты генералиссимус! Что я, грузин, что ли! (*Валентину.*) Валь, ну вот когда я замок-то сдавал, как ты сказал? Уникальный — кто?.. Ну, этот!.. А! Универсальный исполнитель!

Валентин. Жень, иди спать ложись! Посмотри на себя, еле на ногах уже стоишь!

Женя. Кто? Я?

Валентин. Ну а кто? Я, что ли?!

Женя. Да ты что, Валь?! Да я же вот! (*Подпрыгивая.*) Вот! (*Пинная ванну.*) Вот же!

Доносится нетерпеливая «морзянка» входного звонка.

Женя. Это ко мне! Алина с Марком!

Пошатываясь, выбегает из комнаты.

Игорь. Уж не Света ли?!

Валентин. Ну, ее только нам и не хватало!

По радио звонкий тенор затягивает «Утомленное солнце».

Голос Светы. О! Майкл Джексон! Я тащусь!

Голос Жени. Йес! Универсальный исполнитель весь к вашим услугам! (*В унисон с тенором.*) Ла-ла-ла-ла ла-ли-ла!..

Голос Светы (*подхватывая*). Тра-та-та тили-пом-пом!..

Тесно прижавшись друг к другу, Женя и Света врываются в комнату, выделывают страстные пассажи аргентинского танго. На Свете — летний ансамбль «Голубой дождь».

Игорь. Свет, кончай! И так опаздываем!

Света (*в танце*). Не кипишуй, торопунька! Карета у подъезда! Женя, шевели трусами! С тобой топ-модель журнала «Работница»!

Женя (*Свете*). Не ломай ритм! Я и моделям спуска не даю!

Валентин. Женя, завязывай! Убирай посуду!

Женя (*Валентину*). Учись, сынок, настоящему искусству! Кубинская хабанера с ярославскими дробушками!

Подхватывает Свету на руки, взмахивает ногой, теряет равновесие, валится на Игоря.

Женя. Игорек!..

Игорь. Женя!..

Света. Мама!..

Все трое падают на пол, опрокидывают стул с принтером. Принтер начинает лихорадочно трещать.

Валентин (*подскакивая*). Ну, что вы!..

Выключает принтер.

Игорь. Света, ну что ты приперлась-то в таком виде?! Этот тут пьяный!..

Женя (*вставая*). Кто пьяный? Да я просто эти ботинки давно не надевал! Подошва задубела!

Валентин извлекает из принтера картридж с порванной лентой.

Игорь (*Жене*). Мозги у тебя задубели! Мудак! Смотри, что наделал!

Света (*Игорю*). А в каком это я виде таком?! В «Голубом тумане»! Ты что, не видишь ни зги?!

Валентин. Игорек, включи паяльник.

Вытягивает ленту из картриджа, раскладывает на полу. Игорь достает из ванны коробку с паяльником.

Женя. Игорек, а у вас какой паяльник? Электрический?! Так вы им не припаяете ничего!

Игорь. Да отвалите вы, не мешайтесь!

Включает паяльник в сеть.

Женя. Кто мешается-то?!

Света (*Игорю*). А что ты орешь-то, я не пойму?! Самый основной, что ли?!

Женя. Да! Валь, ты видел мой агрегат?! Сковороды паяет!

Игорь. А ты-то кто такая? Тебя сюда звали?!

Женя. На газ бросил, пять секунд и люди! Давай самописец на кухню!

Подхватывает принтер со стула.

Света (*Игорю*). Чего?!

Валентин (*Жене*). Ну куда ты хватаешь?!

Вырывает принтер, ставит на стул.

Игорь (*Свете*). Ничего! Проваливай отсюда!
Валентин. Игорек, кончай! (*Взяв паяльник.*) Держи ленту.

Игорь приседает рядом с Валентином.

Света (*сдернув папку со стола*). Ах ты, козел вонючий!

Бьет Игоря по голове.

Игорь (*вскакивая*). Ты... сука!

Хватает Свету за горло, толкает к двери.

Женя. Игорек, не надо!

Света хлещет Игоря папкой, листы разлетаются по комнате.

Валентин (*подскакивая к дерущимся*). Да вы что, сдурели, что ли?!

Женя (*повисая на Валентине*). Валя, не смей!

Валентин. Да отвали ты!

Отшвыривает Женю, тот с воплем заваливается в ванну.

Игорь (*Свете*). Отдай папку, тварь! Убью!

Валентин. Света, хорош! Сценарий же!..

Пытается схватить Свету за руку.

Света. Руки, ублюдки! (*Выбегая из комнаты.*) Сейчас я вам устрою кино!

Женя (*пытаясь встать*). Игорек! Валя! Света! Помогите! Ноги!

Игорь и Валентин бросаются за Светой. Слышны крики, грохот входной двери, удаляющийся топот.

Женя (*сидя в ванне*). Да что вы делаете-то! Ну нельзя же так! Мы же люди!..

Шумно вздыхает, потирает грудь, вытягивает из-под ног фотопортрет Людмилы Петровны.

Женя. Вот, мама, что за жизни! Бьются все, как очумелые... Чего ради? Зачем?! Все святое забыли!.. А я помню!

Тянется за стопкой на радиоле.

Женя. Не переживай, мама, я свое дело знаю! Ни одной твоей вещи не продал! Все в целости и сохранности, все в шкафах — пальто, шуба, платья... (*Взяв стопку.*) Кухтыль, вот, правда, из-за этих грибоедов расколол! Но я заклею! У меня эпоксидка есть! Царствие тебе небесное, любимая моя! За тебя! (*Уронив рюмку.*) Ну, еб твою мать! Ягодка моя сладкая, что ж ты надела-ла?! Как мне тут одному? Зачем?..

Утыкается лицом в фотографию, затихает. Возвращаются Игорь и Валентин, подбирают листы сценария.

Игорь. Ну, как теперь нести! Смотри что наделала! (*В сторону Жени.*) Этот еще тут... (*Тормоша Женю за плечо.*) Женя, вылезай!..

Осекается, смотрит ошарашенно на Женю.

Игорь. Валь...

Валентин. Чего?

Перебирает листы сценария.

Игорь. Смотри... Что это с ним?

Валентин. Да брось ты его!

Игорь. Валь, он не дышит!

Валентин. Ну и черт с ним!

Игорь. Да ты посмотри, Валь! Скорее! Что делать-то?!
Жень! Жень!! Жень!!!

Хлещет его по щекам. Валентин смотрит на них.

Игорь. Скорую надо, Валь! Умирает же!
Валентин. Ну ё-моё!

Швыряет сценарий, бросается к Жене.

Игорь. Может быть, искусственное дыхание?! Массаж сердца?!

Валентин. Давай! Я вдыхаю, ты – три толчка! Поехали!

Склоняется над Женей.

Игорь. Может, его вынуть, уложить?

Валентин. Да давай так! Быстрее! Начали!

Делает вдох Жене. Игорь массирует сердце.

Валентин (*считает*). Раз! Два! Три! Еще раз!

Повторяют процедуру несколько раз.

Валентин. Все – дальше без толку.

Игорь. Как без толку?!

Валентин. Вот так.

Опускается на стул, смотрит невидящим взглядом перед собой. Игорь оседает на колонку, закрывает лицо руками, плачет. Громыкание входной двери, шаги, появляются Тамара Сергеевна и Яков Андреевич.

Тамара Сергеевна (*с порога*). Да вы что это себе позволяете?! Вы что думаете?!.. (*Заметив Женю*.) Что с ним? (*Испуганно*.) Яков Андреевич?!

Яков Андреевич подходит к ванне, приподнимает веко у Жени.

Яков Андреевич. Да, во всем меру надо знать, а иначе беда.

Снимает фуражку, вытирает пот со лба.

Тамара Сергеевна. Допились... Молодцы! Выносите его отсюда. Я вызываю скорую. Пойдемте, Яков Андреевич. Господи, что за люди!

Выходят из комнаты. Слышно квохтанье номеронабирателя.

Голос Тамары Сергеевны. Алло! Скорая?.. Тут сосед умер... Адрес? Улица Крохоткина, дом 7, квартира 11... Да, хорошо. Ждем.

Валентин наполняет стопки.

Валентин. Ну что, не чокаясь?

Поднимает стопку. Игорь, смахнув слезы, присоединяется. Выпивают. По радио звучит «Chi Mai» Э. Морриконе.

Вариант пьесы 1997 года.

Анна Батурина

ЧЕШСКАЯ ХАРЧЕВНЯ

пьеса в одном действии

Действующие лица:

Че Гевара, 35 лет — худенький мужчина маленького роста с длинными волосами. Носит большие очки.

Чешка, 32 года — сожительница Че Гевары, на голову выше него. Не подстригает ногти, ноги не бреет.

Чебурашка, 10 лет — дочь Чешки и Че Гевары.

Мужчина в белой кепке — посетитель «Чехии», проезжий.

Пурген, Компот, Пирожок, Хлеборезка, Волосатая Клепа, Жанна — друзья Чешки и Че Гевары.

«Чехия» — это халупа на обочине трассы. Вокруг имеются вспаханные земляные угодья, животноводческий комплекс в лице белой козы и трех грязных куриц.

Курицы одичали, яиц никто от них не видел, да и сами они появляются здесь не часто, ковыряются в болоте, носятся по лесу.

«Прага» — деревянный сортир.

1

Че Гевара в брезентовом плаще с огромным шмотником за спиной пытается остановить фуру на трассе – вытягивает руку с поднятым вверх большим пальцем, отбегает назад, размахивает руками, фура сигналит, с грохотом проносится мимо.

Че Гевара. Черт! Башлык резиновый!

Проезжает следующая фура.

Эй! Бери меня! Бери меня! Бери!

Фура не останавливается.

Ну, емманый в рот!!! *(Че снова вытягивает руку, замечает что-то на горизонте. Прищуривается, бормочет сам себе.)* Щас, щас... Точно поедем... на этом вот точно... это наша машинка, на ней поедем!..

Машина сбавляет скорость, но не останавливается.

Урод! Че ты показал? Сам-то знаешь, че показал? Одни козлы на трассе!.. Эй! Увезите меня отсюда! Кто-нибудь!

Плетется вдоль трассы пешком. За спиной раздается звук тормозов, открывается дверь.

Че Гевара. Здравствуйте, меня зовут Че Гевара. Подвезете до поворота? Отлично!

Вы про меня уже где-то слышали? Неудивительно!..

2

Че Гевара входит на границу Чехии. На заборах из кусков фанеры намазано краской «Ремонт колес», «Помой себя», «Придорожный сервис» и тому подобное. Че скидывает со спины шмотник, падает на

скамейку, стаскивает с себя плащ. Лицо вспотело, волосы прилипли к вискам, шее. Снимает очки, вытирает пот. С крыши деревянно-фанерной постройки спускается Чебурашка, девочка в огромных тяжелых ботинках. Голова ее плотно замотана в ситцевый платок.

Чебурашка. Че приехал! Чешка, Че приехал!!!

Че. На! *(Подает дочке руку для пожатия. Здороваются, обнимаются.)* А где Чешка?

Чебурашка. Расскажи, что видел!

Че. Ничего. Люди живут в клетках, не видят солнца, плетутся рабскими колоннами то на завод, то с завода, по выходным меняют грязные марли в форточках. Как всегда.

Достаёт из шмотника продукты, подает Чебурашке макароны, крупы, чай, сахар.

Чебурашка таскает продукты в хибару.

Чебурашка. Сахар! Ты купил Чешке скипидар?

Че. Купил. А где Чешка?

Чебурашка. Почему меня с собой не берешь никогда? Чешка ездит, ты ездешь, а я что?

Че. Чешка уже два года никуда не ездит. А тебе зачем? Я сам что хочешь привезу — заказывай.

Чебурашка. Хочу машину — как вчера к нам приезжала.

Че. Вы дура, Чебурашка.

Чебурашка. Возьми с собой! Возьмешь? Возьмешь?

Че. Я в «Прагу»! *(Уходит в сортир.)*

Чебурашка. Почему?

Че. Дай опорожниться. Не вой под дверью.

Чебурашка. Почему так? Это несправедливо! Объясни мне! Почему?

Че. Мама не разрешает. И она права. Там, куда я езжу, смотреть не на что.

Чебурашка. Я бы нашла на что...

Че. Ты бы стала такой, как они. Все, кто оттуда к нам приезжают — уже мертвые.

Заметила? Я тебя в другое место возьму. Где все живое, настоящее. Где Чешка?

Чебурашка. Мама с кастрюльками...

Че. Опять малагу варит.

Чебурашка. Всю ночь че-то варит.

Че (выходит из туалета). Есть че похавать?

Чебурашка. Макароны. И чай. Только это я варила...

Че. Тащи. А что это в сортире за журнал, это кто читает?

Чебурашка. Это мой. Мне вчера подарили.

Че. Да ладно, подарили... Выпросила, поди. В твоём возрасте Достоевского читать надо, а не попсу всякую, все продано, уроды... Где этот упыханный и свободный мудрец? Зови мать обедать!

Чебурашка. Я звала. Она говорит, что уже поела...

Че. Ясно, чего она там поела...

С трассы подъезжает «Волга».

Водитель в белой кепке. Эй, мужик! Чаем напоишь?

Че. Полтинник!

Водитель в белой кепке. А чем кормят у тебя?

Че. Макароны!

Водитель. Тут поблизости забегаловки есть? Шашлыки где-нибудь есть?

Че. Никого вообще. Заправка через семьдесят километров.

Водитель подходит к столику со скамейками, садится, небрежно кидает барсетку на стол, потом оглядывается, убирает барсетку. Снимает кепку, кидает на стол.

Че. Куда путь держите?

Водитель. К морю. Лето начинается. Два чая. Макароны не надо.

К водителю подходит белая чешская коза, нюхает брюки, пытается пожевать рукав.

Водитель. Э-э-э! Полегче, скотоферма! Ты че, фермер, что ли?

Че. Я не фермер, я свободный представитель туристического бизнеса. (Дочери.) Уведи козу! Чай с сахаром? (Уходит в хибару за чаем.)

Водитель. Бизнесмен! И с лимоном, если можно!!! Девочка, в туалет где сходить?

Чебурашка. Вон там, в «Праге», сходи.

Водитель. Платный?

Чебурашка. Семь рублей.

Водитель. Понятно. Козу убери... А деньги тебе или ему?

Чебурашка. Лучше мне.

Водитель. Козу убери. На деньги. Не надо сдачу. Девочка! Сигареты здесь продаются?

Чебурашка. Не знаю... Щас!.. Мама!!! Мама! Есть сигареты, мам?!! Сигарет просят!

Водитель скрывается за деревянной дверцей уборной. Приходит Чешка. Она одета в длинный бесформенный свитер, залатанный пятьсот раз и увешенный всевозможными бисерными и ниточными плетеными фенечками. Волосы свалались в огромный пучок за спиной. Не обута, на ногах длинные ногти с загнутой желтой каемкой. Голос уставший, хриплый.

Чешка. Кто просит? Кому сигареты?

Чебурашка. Вон, в «Праге»... Щас выйдет.

Уводит козу. Приезжий выходит из туалета.

Чешка. Приветствую вас. Сигареты только «Альянс», «Балканка». Но есть добрый план. Интересует?

Водитель. Тебя как зовут хоть?

Чешка. Неважно.

Водитель. Как не важно? Спросил же, значит, важно. Чё, не понимаешь, когда по-человечески спрашивают, что ли?

Чешка. Понимаю.

Водитель. Ну чё тогда? Спросил же, как звать-то?

Чешка. Чешка меня зовут.

Водитель. Как? Че гнать-то, Чешка!..

Чешка. Не гоню, меня Чешка зовут.

Водитель. А нормального имени, че, нету? Почему Чешка?

Чешка. Потому что из Чехословакии.

Водитель. Откуда? Че ты там делала?

Чешка. Работала.

Водитель. И кем ты там работала?

Чешка. Кем, кем, кем... Проституткой.

Водитель. И че, там работа, что ли, кончилась? Че ты сюда приехала?

Чешка. Меня просто из страны выгнали, из Чехословакии...

Водитель. Плохо работала?

Чешка. Нет, по другой причине. За политические убеждения выгнали. Объявили диссидентом, шпионом и тэ пэ...

Водитель. Ну ни фига, ты че, еще хочешь, чтобы я тебе поверил?

Чешка. Да нет, по барабану... План брать будешь?

Водитель. А еще чё есть, чем еще банчишь?

Чешка. Не, из цивильного больше ничего. А так буфотенин есть, скорлупа ореховая курительная, грибочки там...

Водитель. Че за извращение?

Чешка. Легальные просто все продукты, сказочные. Проблем никаких, а толку много. По рецептам все.

Водитель. Пачку «Балканки». *(Обменивает деньги на сигареты.)* И долго ты в России живешь?

Чешка. Я не в России вообще. Я в Чехии.

Водитель. Не понял... А здесь ты чё делаешь?

Чешка. Чё делаю, чё делаю... В морге работаю. Санитаркой. Обмываю трупы, зашиваю их после вскрытия...

Водитель. Так просто?.. А если бы ребенка пришлось зашивать? Не страшно?

Чешка. А я только детей и зашиваю, я же в детском морге работаю.

Водитель. Как детский морг?

Чешка. Районный. Со всего района их туда свозят. Сначала, понятно, страшновато было, потом привыкаешь, штопа-

ешь, как ботинки. Это в Октябрьском, километров шестьдесят отсюда. Утром просыпаюсь, завтракаю и работать на попутках добираюсь.

Водитель. Много платят?

Чешка. Копейки.

Водитель. Зачем на такую работу ездить в такую даль и не получать ничего?

Чешка. Я удовольствие получаю.

Водитель. Больная, что ли? Ты больная? На всю голову? Ну, объясни мне?

Чешка. У меня – педикулез!

Водитель. Вши, что ли?

Чешка. Да, не подходите ко мне!

Водитель. Дура! Проститутка вшивая с небритыми ногами! В натуре Чешка! Чесаболка! Ты ведь нагнала все, ты нагнала, скажи?

Приходит Че Гевара с алюминиевым разносом, на котором в желтом подстаканнике стакан темно-бурого чая.

Че. Не слушай ее, почтенный! Она же Чешка – это я ее так назвал. Врет, сколько себя помнит.

Водитель. Ну, ты слышал, че она сказала? Она че тут, лоха нашла? Она проблем, что ли, хочет? Щас будут у нее тогда проблемы!

Че. Не кипятись! Постой! Пьяная она. Иди спи, Чешка, иди! Чешка!..

Чешка. Я пьяная? Кто меня последний раз пьяной видел, тот уже состарился и умер! Полгода не пью!

Че. Под кайфом. Наварит себе вечно чего-нибудь. Дары леса. Иди, Чешка...

Водитель. Она тут грибочки впарить пыталась... Че, прет с них?

Чешка уходит в хижину.

Че. Как знать... Может, сначала прет, а потом вон к ней, в морг, зашиваться...

Водитель. Чё, она правда в морге?

Че. Ага! Главврач! Педиатр и патологоанатом в одном лице. Слушай больше!

Водитель. Где Чешка? Мы же с ней не договорили еще, позови мне!.. Мужик, ты в машинах шарить? Ты мне колесо пока посмотришь?

Че. Не... Раньше было дело, в автосервисе помогал. А шас забыл все. Ну... Елки-палки, сам разберешься, может, в дороге кто посмотрит... Чай-то пей!

Водитель. Ладно. Фиг с ней. Ехать надо! Фу! Чай какой-то... Ты мне в него отлил, что ли, мудака волосатый?

Че. О чем ты, почтенный? Я свежий тебе заваривал! Я старался, я огонь только шас вот ради тебя раздувал, о чем речь-то!

Водитель. Нет... Ну, извини, ну... *(Пьет.)* Ну не то че-то... не то...

Че. Дай я попробую!.. Ну... Сахара много? Нет... А! Понятно! Ты не злись, почтенный, это вода такая, вода из скважины у нас пахнет так... мы-то привыкли, ну...

Водитель. Говно! *(Делает еще один глоток и выплескивает чай.)* Мужик, ты колесо смотреть будешь?

Че. Я же говорю, не помню уже, чё к чему там...

Водитель. Мудака... Извини, брат, но ты такой мудака, а ты... Ты этого даже не видишь!.. Ты понимаешь? Понимаешь? Понимаешь, что это такое? В чем ты живешь, вообще?..

Че *(виновато)*. Понимаю, да...

Водитель. И твой туристический бизнес... Это такое говно! Мужик? Ты из секты, что ли?

Че. Нет...

Водитель. Ты хоть в армии служил? Ты служил?

Че. Нет...

Водитель. Ну и о чем говорить тогда с тобой... Сраное место! *(Идет к машине, уезжает.)*

Че *(кричит вслед)*. Служить? Зачем служить? Кому служить? Да отвяжитесь вы от меня! Что вам всем надо от меня? Чтоб у тебя все колеса отвалились! *(Идет к Чешке.)* Чешка! Видела? Чай с козлячим пометом, убивающий буржуя! Я еще подрыватель системы, я еще подрыватель, видела?

Чешка выгребает пепел из бамбуковой трубки. На крыше Чебурашка строит шалаш, колотит молотком.

Чешка. Лето начинается. Движняк пошел, к морю... Гопов напомнимся, цивиллов всяких... Я так не смогу, мне нужно будет от всего этого уходить куда-нибудь, в себя куда-нибудь уходить... Ты мне скипидара привез?

Че. Привез... Может, все-таки не стоит? Обойдешься, может? Мало ли что...

Чешка. Кто сказал, что бальзам «Битнер» — это плохо?..

Че. Твое дело. Тебе решать, ты свободна, конечно, я понимаю... У меня еще картошка не посажена... Мне рано уходить...

Чешка (*принесит таз с водой*). Чебурашка! Слезай с крыши! Пора смывать!

Чебурашка (*сначала кидает молоток, потом спрыгивает сама*). Я попрошу туда никого не входить!

Че. Куда?

Чебурашка. В мой шалаш. Я буду жить там одна.

Чешка. Цивилка. (*Разматывает Чебурашке косынку, снимает с головы целлофановую пленку*). Кусаются еще?

Чебурашка. Да. Все равно кусаются. Проще налысо меня побрить, по-моему...

Че. Чешка, посмотришь потом, у меня тоже репа зачесалась...

Чешка. Грязный мир. (*Моем Чебурашке голову*.)

Че. Он не грязный, он слишком изобилен... И нельзя пройти незалапаным, незапятнанным...

Чешка. Ага... Получай, помни, в чем ты живешь!..

Чебурашка. Больно! Тише! Это Пурген у нас вписывался — он и привез вшей. Помните ведь, какой у него хаер говенный?

Чешка. Сейчас еще полынью ополосну, потерпи, глаза зажмурь.

Чебурашка. Я к бабке хочу, в Нижний Новгород.

Чешка. Неча делать. Бабка весь день от телевизора не отходит.

Чебурашка. Но зимой ведь отпускали...

Че. Зимой другое дело, здесь холодно было... А сейчас свободой наслаждайся.

(Ест руками макароны из кастрюли, иногда поправляет очки.)

Чебурашка. Вы психи!

Чешка. Конечно. Вытирайся. На День Чешской Независимости Пурген приедет, и его тоже с польнью помоем.

Чебурашка. Можно, я сама его мыть буду?

Чешка. Да на здоровье. Главное, чтоб он вообще мыться согласился.

3

День Чешской Независимости. Пурген — смуглый высокий мужчина с вьющимися черными волосами до пояса; у него жилистые руки, худые ноги, нос с горбинкой, губы длинные, четко очерчены. Он сидит перед хижинкой, Чебурашка расчесывает Пургену мокрые волосы, заплетает в косички. Рядом Пирожок и Волосатая Клепа ставят палатку. Чешка собирает на стол, вытирает стол рукавом свитера.

Че Гевара кормит козу морковью, и сам ест морковь.

Пурген. Че! Из козы надо было пироги делать, фиг ли Чешка капусты туда накрошила?

Чешка. Да ты подавишься, Пурген!

Пурген. Чтоб Пурген чем-нибудь подавился?

Че. Ну, подавится вряд ли... Пурген! Ты же не прожужешь! Она старше тебя!

Пурген. Ничего, в армии на мясе штамп стоял — «59-й год», а все прожевали!

Чебурашка. Давай я тебе четыре косички заплету, хорошо, Пурген?

Пурген. Тебе о чем-нибудь говорят слова — французские косички? Говорят?

Пирожок *(тонкий юноша с тонкими аристократическими усиками, длинные бледные запястья, грассирует)*. Давай быстрее, Пурген! Мы с ней вдвоем не поставим!

Пурген. Пирожок, ты зачем свой ирокез сбрил? На работе придирались?

Пирожок. Ну, вроде того... Самому жалко.

Пурген. Болван! Хайры – это сила!

Чешка. Особенно твои, полные жизни!

Пурген. Зато есть чем укрыть мою Гидрокреветку холодными ночами в горах...

Че (*смеется*). Гидрокреветка – это Влада? Похоже!

Чешка. Ты ее предупреди вначале о своих домашних животных.

Пурген. Ты цивилка такая стала, Чешка, шиздец! Иди ногти подстриги, а то взгляну и блевать тянет... Гидрокреветка меня всяким любит... Мы в Анапе встречаемся через две недели...

Пирожок. Пурген, быстрее, не могу с ней! Клепа Волосатая, у тебя руки откуда растут?

Волосатая. Так я поворачиваю! Это не я, это ты держишь!..

Пирожок. Где я держу, ты, пионерка корявая?..

Пурген. О! Посмотрите на него! Пионерка! Не слушай его, Волосатая! Старичок, еммманый в рот! Сам-то сколько с нами?

Пирожок. Я-то уже пять лет!

Пурген. А как был Пирожок, так Пирожком и остался. Хоть бы дэцл вширь подрос, Пирогом бы стал... Мы б тебя покололи и схавали, да, госпожа Чешка?

Чешка. Ага, у Пирожка никакого личностного роста!

Пурген (*Чебурашке*). А! Не дери так, ребенок! Индейцы, что ли, в роду были? Пирожок! Ты когда последний раз гитару в руки брал?

Пирожок. На той неделе – брал...

Пурген. Беспонтовый ты пирожок, так я и думал!..

Пирожок. Ну наконец-то! До тебя дошло, Волосатая!.. Пурген, я работал, мне некогда играть было...

Пурген. Цивил гребаный! Как мы альбом с тобой допишем!

Пирожок. Я работал, чтобы на День Независимости Чехии попасть! Если бы я тогда на работу забил, ты бы меня здесь вообще не увидел!..

Пурген. Чешка, пошли покурим, цивилами воняет...

Пирожок. Пурген, а согласись, все цивильнее стали, даже ты! Скажи, не как раньше? Или оцивиливаешься, или подышаешь, как наш Клепа... Даже чехи цивильнее стали, хозяйство завели... Я прав, Чешка?

Пурген. Чешку не трогай, я ее сегодня удочеряю!

Чешка. Я тебя на три года старше!

Пурген. Не рассказывай никому!.. *(Целует Чешку в лоб.)* Я понял, о чем ты, Пирожок... Лучше уж, как Клепа... *(Волосатой.)* У брата на могилке давно была?

Волосатая. Месяц назад.

Пурген. Поесть дяде Пургену там оставила?

Волосатая. Оставила. Но потом Компот был, все съел...

Пурген. Вот так... Раньше Клепа ходил по всем, жрал... побирался... а теперь все к нему пожрать приходят... Он молодец парень... Добро возвращается...

Че. Совсем стало грустно... Чешка, носи все, в чешскую рулетку хоть сыграем, что ли!..

Пирожок. Чё за чешская рулетка?

Чешка забегает в дом за алюминиевым бидоном.

Че. Новая игра для вас, подонки, тунеядцы, суицидники!..

Пурген. Суицид! Суицид!

Лучше выход не найти!..

С трассы в сторону «Чехии» сворачивают три фигуры: Компот, Хлеборезка, Черная Жанна. Хлеборезка — «пиковая дама»: большое тело, черные веки, черная родинка на щеке. Компот — розовощекий коренастый чертенок, а Жанна — голубоглазый демон, мужчина лет двадцати шести. Хлеборезка размахивает пузатым полиэтиленовым пакетом, Компот несет на спине огромную ржавую бочку, а Черная Жанна идет, хромая, в одном ботинке, другой держит в руке и на ходу бьет им по гулкой бочке.

Пурген *(радостно кричит, запрыгивает на стол, машет руками)*. Говнюки! Чехия приветствует вас!

Чешка. Черная Жанна!..
Пирожок. Они добрались, свинятины!!!
Че. Приветствую! Почтенные!!!
Компот (*кричит из-под бочки*). С Днем Независимости, Чехия!
Хлеборезка (*верещит хриплым голосом*). Чехия! Я иду к тебе!.. Чешка!..
Жанна (*бьет в бочку, кричит*).

Не просыпайся рано.
Не гоняй по полям баранов.
Не воруй. Не торгуй.
Выйди из хаты.
Найди флягу.
Воротись и поставь
Брагу!..
Брагу... Поставь... Брагу!..

Пурген. Здорово, отморозки! Предъявите пропуска!!!
Компот (*ставит бочку на землю, хватается за пуговицу на джинсах*). Эй, Жанна, Хлеборезка! Придется предъявить!
Хлеборезка. Ну, ё!.. И так через каждый километр предъявляла! Уже мозоли на пропуске!
Жанна. А что делать! Придется опять предъявить!
Че. Не!!! Не надо! Мы вас помним, проходите так! На! На! На!..

Протягивают друг другу руки для пожатия, обнимаются, прыгают, кричат. Компот запрыгивает на тощего Пирожка, скачет, вопит: «Просто секс, Пирожок, просто секс!!!»

Чешка (*тянет руки к Жанне*). Жанна, ты приехала, гадина!..
Как ты?

Жанна. Карманная чахотка, как всегда! В кармане вошь на аркане да блоха на цепи.

Хлеборезка. Мы за ним заехали, а Жанна снимается, прикинь, Чешка! Буржуйский крем какой-то рекламирует! Дожил!

Жанна. Моя рожа меня кормит.

Компот. Это нам спасибо, что он приехал, мы его у жены выкрали! (Жанне.) Скажи, не так?

Жанна (обуывает ботинок, облокотившись на ржавую бочку). Чешка, вам барабанная установка нужна? На дороге... нашли...

Чешка. Ты женился?

Жанна. Пришлось... Это ей было надо, не мне...

Чешка. А мне тогда... Было не надо?...

Жанна. Ты сама говорила всем, что тебе не надо ничего такого... Ну вспомни! Говорила?.. Сам удивился, что ты с Че Геварой... живете...

Че. Хлеборезина! Ну ты и похудела!..

Хлеборезка. Правда? Пурген, я похудела?

Чебурашка (Хлеборезке). Ну не трогайте дядю Пургена! Я его только заплела!

Хлеборезка. А я думаю, че у него такие глаза узкие стали!.. Хлеборезка похудела! Чешка! Я скоро твою юбку буду носить! Так вы представьте, меня за всю дорогу ни один водитель не накормил, где это видано, чтоб Хлеборезку в дороге не покормили даже!!! Зато посмотрите сюда! (Разворачивает пакет.) Хлеборезка терпела всю дорогу, везла вам, отморожкам, холодец! Я делала!..

Пирожок. Ништяк!

Жанна. Э!!! Там! Оставьте холодца!

Чешка. Я тебе свитер связала, Жанна... (Снимает с себя огромный свитер.)

Жанна. Спасибо... Прикольный...

Чешка. Это свитер моей скорби. Я его до сих пор вяжу, если честно... Что бы я ни делала, я вяжу свитер скорби...

Чебурашка. Мама врет! Я тоже помогала вязать! Я ей нитки распутывала!..

Жанна. Правда? Тогда я его просто до гробовой доски буду носить, не снимая просто! Благодарю вас!.. (Целует Чебурашке руку. Чебурашка прячется под столом.)

Пурген. А где чешская рулетка? Давайте уже сыграем!

Чешка. В бидоне — все грибы разные, а один — ядовитый. Смертельно. Кто будет играть?

Пурген. Прикольная игрушка!..
Волосатая. Я не буду... На фиг надо!
Компот. А че так, Волосатая, может, с братом встретишься?

Чебурашка. Чешка! Я буду!

Чешка. Не будешь, погуляй иди...

Чебурашка. Я буду!

Пирожок. Закатай обратно! Ты несовершеннолетняя! Это только для совершеннолетних чехов!

Чешка. Я тебе рассказывала про детский морг?.. Ты там окажешься, если будешь с нами играть!

Хлеборезка. Чешка, давай быстрее! Так жрать хочу, мне пофиг, хоть жареная сколопендра, хоть бычок от примы под майонезом!

Чебурашка. А что мне делать? Вы меня с собой не берете куда!

Че. Куриц паси. Вот хорошее дело. Ходи, собирай яйца. Несутся где попало, птеродактили!

Чебурашка. Психи! Век бы не видеть вас! *(Убегает на чердак.)*

Пурген *(выхватывает у Чешки бидон)*. Чешскую рулетку в День Независимости Чехии считать открытой. *(Открывает бидон.)* Кто его закупорил так! Чешка! Ты монстр! Все, открыл!.. Игра посвящается памяти тех, кого с нами нет... Клепа! Мы скоро встретимся!

Ест гриб, передает бидон Пирожку. Че подает Пургену пластиковую пятилитровую тару.

Пурген. Вода?

Че. Запивай, жидкость для размораживания замков!

Пурген. Ядреные! Чешка, они с хреном?

Чешка. С дикими вишнями!

Пирожок. Хрен в лесу не растет, болван!

Чешка. Растет, места надо знать...

Пирожок *(передает бидон Хлеборезке)*. Мне повезло, я сыро-ежку съел!

Хлебозрезка. Везет тебе, Пирожок, в грибах разбираешься!.. Посмотрите, это съедобный гриб?

Компот. Хлебозрез, ты Чешку, что ли, не знаешь? Хавай спокойно, все съедобные! Понты просто!..

Жанна. Дайте выпить лучше.

Чешка. Я выпью, потом ты.

Пурген. Чешка, дочь моя, что ты там ножом на столе калябаешь?

Чешка. Число, месяц... *(Долго пьет из пятилитровки.)*

Пирожок. Ну ни фига, Чешка!

Жанна берет пятилитровку, делает большой глоток. Пурген подхватывает ржавую бочку, забирается с ней на стол, колотит по бочке. Пирожок стучит по столу, Компот играет на ложках из чашки с холодцом.

Хлебозрезка. О-о-о!.. Скоро Хлебозрезка всем покажет, как танцевать надо! Скоро пойдут чешские народные танцы!..

Пурген.

Кыш!!! Чешусь!
Свобода!
Меня тошнит
от лучших идей человечества.
Их кто-то вбивает
Ботинком в печень.
Требую воли
таким как я, насекомым, —
Убогая жизнь и смерть
Убогой свободы
Гольм
Ползти туда,
Куда хочет ползти
Мое Насекомое!..
Попробуй скинь,
попробуй прихлопни, —
Насекомое сдохнет,
Оборвется жизнь
Насекомого, —
И только!
Бог с ним!..

Че . Чешка! Дай нож мне! Дай! Да я хочу хлеб нарезать! Чешка!..

Чешка . Возьми другой! (*Кромсает стол ножом.*)

Хлеборезка . Клепа Волосатая, ты на грибы так не налегай, мы чем закусывать будем?

Пирожок . Поговори со мной, Хлеборезка!..

Компот . Дайте курить кто-нибудь!..

Хлеборезка . Клепа, оставь!.. Я тебя слышу, Пирожочек, слышу тебя!

Пирожок . Хлеборезка, объясни, почему мне сны не снятся уже? Раньше снилось говно всякое, там... Что я на краю обрыва стою — дна не видно — кто-то меня толкает в спину, в пропасть, я ору, падаю, — конец, думаю, — и в постели, прикинь, фу, — просыпаюсь... (*Жанне.*) Э!!! Чё там льется на меня! Аккуратнее, подонки!.. А щас такое не снится, вообще ничего не снится!.. Почему так, объясни мне?..

Хлеборезка . Я не поняла, Пурген, фиг ли так смотреть?..

Пурген . Я, между прочим, для тебя, Хлеборез, пел, а ты болтаешь сидишь...

Хлеборезка . Обиделся, что ли?

Пурген . Да. Пурген обиделся. Все. Он никому не нужен, он пошел в бочку... Навсегда...

Хлеборезка . Даун! Смотри, Пирог, Пурген в бочку залез!

Пурген . Компот! Ты один мне верный друг! Компот! Похорони меня в бочке!.. Пожалуйста... Это мое последнее желание...

Жанна . Это не бочка, это мы барабанную установку для Чехии нашли!

Компот . Клепа Волосатая, давай выпьем одновременно из одной канистры за брата... Ты мне его до слез напоминаешь... Только он всегда был грязный и лысый... Все время что-нибудь у него из волос выстригали... То краску, то клей, то цемент... То насекомых...

Жанна . Чешка, нож положи... Заберите у Чешки нож кто-нибудь!.. Чешка, ты ведь сама знаешь!..

Чешка . Что знаешь? Черная Жанна, положи мне свою голову на коленки, пожалуйста... Положи голову... Положи мне голову, Жанна...

Ж а н н а . Не надо. Ты сама знаешь, что нет ничего...

Над его головой возникает канистра спирта.

Чешке не передавайте!..

Канистра продолжает путь в другую сторону.

Чешка, между нами же ничего не существует, Чешка!..

Ч е ш к а . Тише-тише! А ты послушай!..

Ж а н н а . О чем ты? Знаешь, что такое настоящая... любовь? Я пьяный свалился на берегу, нет сил ползти, нет сил открывать глаза, подо мной вода хлюпает, камни в спину вгрызаются. И я не мог видеть, кто подошел, а это подошли четыре девушки, уверен. Они ничего не говорили, но улыбались — это точно, я это чувствовал. Потом они потащили меня по берегу — молча, улыбаясь... Куда вы меня, куда меня... Всю куртку об камни разорвали, вся кожа на спине клочьями. Потом чувствую что-то влажное и теплое — это они меня стали есть... У меня еще кожа так плохо жутется, и в ней кровь хлюпает, а они — улыбаются и едят... Ладно, говорю, ешьте, ешьте меня, пьяные распутницы!.. Мне больно, а самому так сладко на душе, и глаза такие тяжелые, сладкие, открыть не могу... Эти девушки улыбались, потому что любили меня, да, любили. Потом я понял, что меня собаки тащат, но это уже не важно было... Это было уже тогда, когда я немного отрезвел... Главное, что там была настоящая любовь, потому что я сам это почувствовал, понятно? Я когда-нибудь еще это почувствую, когда как следует надерусь... Может, они еще вернуться за мной. А у нас с тобой... нет ничего. У нас с тобой все понятно, по-моему... Просто я хочу как следует напиться, а ты хочешь меня порезать, да, Чешка? Тебе же пить нельзя, я помню, ты сразу за ножи хватаешься. Отдай нож, Чешка, давай сюда!..

П у р г е н *(поет в бочке)*.

В разбитых ботинках,
В расколотой лодке,
Дорогой над пропастью,
Над пропастью в бесконечность...

Чешка. Надо вскрыть твое истинное лицо, просто надо вскрывать истинные лица! Пока не поздно. Ну, где оно? Я тебе не верю! Я тебе не верю! *(Чешка бросается с ножом на Черную Жанну.)*

Жанна. Уберите ее! У Чешки нож!

Чешка и Компот держат Чешку, Пирожок отбирает нож. Чешка сопротивляется, сжимает в руке лезвие так, что нож оказывается в крови.

Чешка *(Жанне)*. Успела? Порезала тебя, порезала?

Жанна. Нет... вроде бы...

Компот. Вроде бы или нет? Посмотрите его, чё с ним?..

Пирожок. Живой. Не успела на этот раз.

Жанна. Ничего... Только блевать хочу.

Чешка. Блюй.

Жанна. А... Принесите мне чашку...

Жанне подают тарелку из-под хлеба.

Жанна. Нет... Это не такая, не пойдет... Принесите мне чашку побольше...

Компот ставит на землю миску, в которой был холодец, Жанна обнимает миску руками, повисает над ней.

Жанна. Не могу!.. Пните меня... Пните меня под говнище...

Пирожок пинает Жанну, Жанна освобождает желудок.

Пурген. Слушайте все! Пурген любит Хлеборезку, а Хлеборезка не любит Пургена, и Пурген спрыгнет с крыши! *(Забирается на крышу домика.)*

Чебурашка. Дядя Пурген! Давай прыгнем вместе!

Пурген. Нет. Тебя Хлеборезка любит, а меня нет — я один прыгаю!

Компот. Прыгай ко мне, Пурген, я дам тебе погонять свои кожаные штаны!..

Пурген. Обещаешь?

Компот. Обещаю! Еще я дам тебе погонять свою кожаную флейту! Прыгай!

Пурген раздевается.

Пурген. Кожаную флейту оставь себе! Я иду за штанами!

Прыгает с крыши, бежит за Компотом. Следом за Пургеном прыгает Чебурашка. Пирожок, Чебурашка, Хлеборезка, Волосатая Клепа отправляются за Пургеном в погоню. Чешка подбрасывает дров в мангал, освещающий улицу, греет над огнем руки. Че вылавливает в мангале печеную картошку, Черная Жанна спит под лавкой, обняв миску.

Пирожок. Гони его, голого, по трассе! Беги! Компот!

Возле «Чехии» появляется автомобиль. Водитель в белой кепке выходит из машины, в салоне остаются двое неизвестных. Мимо него пробегает шумная толпа волосатых. Тощий Пирожок останавливается перед водителем.

Пирожок. Чувачок, дай покурить, пожалуйста, а я поиграю на твоей кожаной флейте!..

Водитель молча протягивает сигарету, Пирожок пробегает мимо. Чешка замечает водителя, убирает из-под головы Жанны миску с блевотиной, ставит на стол. Че и Чешка оттаскивают Жанну в сторону.

Водитель. Весело у вас.

Чешка. В морге сегодня выходной, в Чехии — национальный праздник.

Водитель. Я... Просто вспомнил, где раньше тебя видел. Мы же с тобой в одной школе учились... У тебя еще мать поваром там работала и обвешивала всех, потом ее уволили — помнишь?

Чешка. Это не со мной. Нет.

Водитель. Вернуться в Нижний не хочешь? Как раз туда еду. Магазины там свои. Могу помочь тебе первое время...

Чешка. Нет. Проезжайте, проезжайте...

Че. Благодарствуем, почтенный, но Родина здесь!

Водитель. А ты помолчи, не с тобой. (Чешке.) Я тебя по рукам узнал тогда, не по глазам даже... Руки у тебя... Как были острые какие-то, так щас... Почему ты с таким мудаком живешь?

Че. Потому что я — справедлив и добр...

Водитель. Бобр...

Чешка. Он не бобр, он Че Гевара.

Водитель. Ребята, я пока вежливо говорю... Вас вытаскивать отсюда нужно. Это кто пробежал там, друзья ваши? Где мужик, где баба?.. Сборище мутантов. Что они бегают, вообще? Дерутся?

Че. Нет, свободе радуются. У всех отпуск — лето же начинается, почтенный!

Водитель. Какая свобода, о чем речь? Свобода — это когда я одет, обут, в машине чистой еду, куда хочу, захотел помыться — помылся, захотел выпить — в бар заехал — и выпил по-человечески... Свобода выбора у меня... Вам идти некуда, вы что делаете с собой, чем ты тут занимаешься, Оля? Оля, поехали, пока не поздно. Мы щас все твои обноски говенные сожжем, новые шмотки купим, у меня нарколог знакомый есть — в машине даже, вон... тебе потом самой противно будет про грибы свои вспомнить. У тебя случилось что-то? Что случилось? Расскажи, дядя Саша починит все!..

Чешка. Ничего не случилось, господи... Тебе нравится жить в Нижнем, мне — в Чехии. На том и разойдемся.

Водитель. Куда пошла-то? Не договорили!

Че. Она права, почтенный. Это ее земля, и уходить она отсюда не собирается.

Водитель. Слышь, обоснуй за ее землю? Я тут вышел, значит, и моя земля... Глупости-то не говори. Оля, подрывайся скорее, ребята ждут в машине. У нас время — деньги. Я понимаю, у тебя травма какая-нибудь, наверное, психологическая... Я-то слов на ветер не бросаю: сказал, вытащу тебя, значит, вытащу... Чего ты боишься-то? Сама не захочешь — не будет ничего. Я тебе просто помочь хочу, Оля!..

В это время все молча подтягиваются в темноте к столу, внимательно следя за происходящим.

Чешка. У меня одна психологическая травма — это тебе подобные. Почему вы считаете, что правильнее живете?

Водитель. Не понял... Конкретнее.

Пурген. Чешка!

Чешка. Пронумерованное быдло. Ты же всех здесь напрягаешь, не видишь? Забирай своих и уезжайте.

Водитель. Ничего себе ты попала. Оля, тебе на себя пофиг, а на своих заморышей тоже, выходит? Мне теперь гордость не позволит просто так вот уехать, после того, что ты в меня кинула.

Че. Это угроза, почтенный?

Водитель. Не угроза. Просто был шанс, и вы его не использовали. Мне остается похоронить каждого вместе с вашей Чехией.

Пурген. Чехи не сдаются!

Водитель. А что ты сделаешь, упырь? Что ты можешь? *(Вытирает ботинок о спящую Жанну.)* И что? Эта проститутка даже бровью не повела!..

Чешка. Чистый теперь? Нет? На! Об меня вытри!.. На! Вытри об него! Вытирай свои говнотопы об нас об всех и уезжай!..

Чебурашка. Мама не хочет с тобой ехать...

Водитель. Дочка твоя?

Чешка. Чебурашка, зайди в дом...

Водитель. Девочка, со мной поехали? Портфель человеческий красивый хочешь? Платье хочешь? Завтра здесь милиция будет, маму увезут навсегда, в тюрьму, а может, в зоопарк, — тебя в приют отправят. А я к себе в гости привезу, будешь у меня жить, сколько хочешь... Садись.

Чебурашка. Вытирай об меня ноги и убирайся.

Водитель. Как ты мне?..

Пурген *(поет в бочке)*.

Пойдем со мной, девочка,
Сплету тебе платице

Из розовых ленточек,
Из маленьких-маленьких
Волшебных корабликов
Сколочу тебе парочку
Деревянных сандаликов,
Тяжелых, как взрослые
Дубовые
Башмаки...
Носи их, не снашивай,
Тащи, моя девочка,
Тащи, моя ласточка,
Тащи по земле
Башмаки.
И не спрашивай...

Водитель. Едешь со мной? Едешь? Мы скоро вернемся.

Че. Вы — это кто?..

Водитель. Мы — это волки, санитары леса. Вон того — в бочке и похороним. Он самый вонючий.

Водитель садится в машину, уезжает. Все сидят у костра.

Че. Бред какой-то... Вечно цыгане не угодны... Похоже, придется сегодня подорваться.

Волосатая. Зачем, может, обойдется все, они же пьяные, вы не заметили?

Пирожок. Молчи, Волосатая. У меня череп в трех местах проломлен, мне пока хватит. Правильно Че говорит, надо сваливать.

Че. Пурген, может к Гидрокреветке поедем?

Пурген (*макает печеный картофель в чашку с блевотиной на столе, откусывает*). Фу! Поставили тоже, додумались... На стол... Я думал, там закуска какая-нибудь, холодец... Фу!..

Че. Пурген, поехали к Гидрокреветке, здесь оставаться — палево...

Пурген. Можно и к Гидрокреветке... А можно к Луноходу рвануть, он тоже у моря окопался...

Чешка (*дочери*). Иди, оденься. Оденься очень тепло, понятно?

Чебурашка. Бегу. *(Идет в дом одеваться.)*

Чешка. Чебурашку надо отправить к бабке в Нижний. Она одна быстро доедет.

Че. Одну?

Чешка. Пусть попробует одна, пора уже.

Че. Я не согласен, Чешка! Ты рехнулась, она же...

Чешка. Ей самой выбирать пора, она право выбрать имеет!..

Че. Она и моя дочь, Чешка! Ты рехнулась, Чешка!

Чешка. Отпустим к бабке на лето, потом посмотрим, что станет... Что она выберет... Посмотрим, какой она станет... Наша она или не наша.

Че. Как не наша? Чешка!

Чешка. Как будто ты тоже об этом не думал... Шанс разобратся есть...

Че. Она моя дочь, Чешка!

Чешка. Нет. Если на то пошло... Ее отец — Жанна... Слышишь?.. Я расскажу ей об этом, если ты не заткнешься, слышишь?

Че. Чешка... Ты Чешка, ты ведь Чешка? Чешет и чешет... Вы только послушайте ее... Чешет и чешет!.. *(Снимает протереть мокрые очки, замечает в мангале обгоревшую дверную ручку.)* О! Ручка. Откуда она здесь взялась? Вы не знаете? Вы не знаете, откуда ручка взялась?

Волосатая Клепа и Компот сворачивают палатку, Хлеборезка складывает себе в рюкзак остатки печеного картофеля, Пурген разливает спирт по маленьким бутылкам из канистры, Чешка застегивает Чебурашке молнию на куртке.

Че. Посмотрите, что за ручка в костре?

Компот. Это дверь от сортира сожгли.

Че *(оборачивается, видит сортир без двери)*. Вот подонки! Чешка, ты посмотри: дверь спалили от сортира, ведро семенной картошки съели, как я картошку садить буду?..

Пирожок. Ты же сам разрешил дверь сжечь! Холодно, говоришь, давайте дверь пожжем!..

Че. Вот бред... Не помню...

Пурген. Неважно, линять пора – море ждет, Луноход, Гидрокреветка.

Чебурашка (*обнимает Че*). Пока!

Че. Дочка, ты моя дочка!.. Ведь так? Ты слышала, разве я разрешал дверь от сортира жечь?..

Все прощаются с Чебурашкой, обнимаются, Чешка провожает Чебурашку до трассы, напевает: «Я ехала домой...» Компот с Хлеборезкой тушат костер дорожной пылью.

Пирожок помогает Че собрать и надеть на спину рюкзак. Пурген будит Черную Жанну.

Волосатая. Его тащить придется, наверное...

Пурген. Проснется, и не таких оживляли!..

Компот. Задолбал, Жанна! Подрывайся, мы сваливаем!

Пирожок. Ой... Придется нести его... Какой драйвер его к себе посадит...

Пирожок и Компот волокут спящего по земле, Жанна открывает глаза.

Жанна. Отпустите, подонки, дайте помереть спокойно...

Че. Оставьте его, Чешка подберет.

Че бросает на землю рюкзак Чешки, уходит. За ним уходят Волосатая, Компот, Пирожок, Хлеборезка.

Волосатая. Жалко, что Чехию пришлось так бросить...

Чешка (*возвращается к столу, слышит слова Волосатой*). Чехия в тебе. Я – Чешка, Чехия там, где я.

Все идут в сторону трассы. С Жанной остаются Пурген и Чешка.

Пурген (*кричит всем вслед*). Чехи! До встречи у Гидрокреветки!.. (*Чешке*). Бери за ноги его!..

Чешка. Отпусти, Пурген, Пурген, отпусти!.. Я сама с ним, я знаю, как с ним... Мы позже приедем. Иди, догоняй иди всех. Оставь нас.

Пурген. Ты его не подынешь, Чешка. Ноги бери!..

Чешка садится на землю, смеется.

Пурген. Что смешного? Бери уже!

Чешка. Ты зря стараешься... Он уже никуда не поедет... Мы ему не поможем теперь!..

Пурген. Хватит по ушам чесать, потащили!..

Чешка. Это же смешно! Послушай! Вот, наши все поехали, по машинам рассосались, начали, как обычно, драйверам лапшу на уши вешать, и тут каждый в машине почти одновременно блевать стал, задыхаться стал, языком своим стал давиться!.. И каждый драйвер везет своего покойника, и не знает, что с ним делать!.. То ли в больницу ехать, то ли так, на обочине выбросить. Тут кому как повезет! А прикинь, все наши чеши по обочинам валяются?..

Пурген. Че понесла-то?

Чешка. Чешская рулетка! Помнишь, играли? Там все грибы были отравлены. Все-все-все!.. Вот я и говорю — Жанну не тащи никуда: поздно. И я тоже. Мы с ним будем умирать здесь, в Чехии.

Пурген разглядывает зрачки Черной Жанны, бьет его по лицу.

Жанна (*неразборчиво бормочет*). Мне не сладко вообще... Че такое... Жарко... Убери свои слюни в голову...

Чешка. Пурген, беги отсюда, скажи нашим, что грибы все были...

Пурген. Дура, Чешка, на фига ты... Совсем из ума выжила, чеسابолка!.. Ты же их сама ела!..

Чешка. Это, Пурген, правда, это правда, все отравились. И ты...

Пурген. Тебя не поймешь, дура. Тебя даже Че не понимает, где ты гонишь, а где всерьез. Чтоб с вами тут гопы и менты в ваши чешские рулетки играли. (*Пурген уходит в сторону трассы один.*)

Чешка притягивает голову Жанны к себе на колени, укрывает его волосами. Жанна отворачивается, отползает.

Чешка. Вставай, Жанна, я все разрулила. Они все уехали, Жанна, мы одни остались... Я всех выпроводила, вставай! Мы с тобой вдвоечка к морю поедем, как раньше, помнишь?.. Мы с тобой вдвоечка едем!.. Вставай, Жанна, моя Черная, самая Черная Жанна моя, мы вдвоечка с тобой по трассе едем!..

Жанна (*неожиданно просыпается, смотрит на Чешку, встает*).
Чешка, у тебя руки грибами пахнут. Мутит меня уже от грибов от твоих.

Чешка. Жанна!..

Жанна. Я не еду никуда. Я к своей завтра еду. Я обещал.

Уверенной, но нетвердой походкой направляется в лес. Исчезает. Чешка остается одна. Молчит. Расстегивает и застегивает рюкзак. Оставляет его, уходит в сторону трассы належке.

4

Рассвет. Невдалеке оживает, шумит трасса. Чебурашка ищет что-то под остывшим мангалом. Ест.

Чебурашка. Э-э-эй! Сегодня в нашей забегаловке подается редкостное блюдо! Спешите попробовать, дорогие посетители! Сегодня в нашей забегаловке печеные картофельные кожурки!

С чердака выглядывает Черная Жанна.

Жанна. Ты разве не в курсе, что давно пора сваливать?

Чебурашка. А я за тобой вернулась. Мне пришла мысль, чтоб мы вдвоем с тобой уехали...

Жанна. А где Чешка?

Чебурашка. Она уже уехала, слазь!

Жанна. Ну и теснота у тебя там... *(Спускается с чердака.)* Что ты говорила, что сегодня подается в вашей забегаловке?

Чебурашка. Запеченные картофельные кожурки!

Жанна. Ну, если ничего больше нет, то и кожурки... *(Ест.)* Кстати, неплохо...

Чебурашка. Только на зубах скрипят, вчера их в землю повтаптывали...

Жанна. И какие у тебя планы, куда ты хочешь ехать?

Чебурашка. Нет, ты не понял, мы вместе едем. А куда — придумаем шас. Ты ешь, ешь, Черная Жанна...

Жанна. Вот даже как... Ну, раз ты за мной вернулась, еще бы по-другому...

Чебурашка. Жанна, а почему ты, когда приехал, мне руку поцеловал, а больше никому?

Жанна. Ты знаешь, тебя увидел, сразу забыл про других.

Чебурашка. Если честно, Жанна, ты мне тоже сразу понравилась. Раньше мне больше всех нравился Пурген, а теперь мне нравишься ты...

Жанна. Какое непостоянство. Я понимаю всю тему, дружок, но разве ты не слышала...

Чебурашка. Что?

Жанна. По-моему, это все услышали... Разве ты не слышала, Чешка взболтнула, что, возможно, я твой настоящий отец, что я тебя произвел на свет божий...

Чебурашка. Ничего подобного, Жанна! Ты же такой молодой!

Жанна. Не в том дело... Черная Жанна всегда был молодым, и таким будет вечно...

Чебурашка. Что у тебя, есть повод сомневаться?

Жанна. Боюсь, что есть... Мы с Чешкой слишком давно знакомы, я тогда еще совсем был мальчишка, помню все плохо достаточно...

Чебурашка. А ты закрой глаза, сосредоточься, загляни в себя — и все прояснится!

Жанна. Закрыл. Но Черная Жанна совсем черная, ничего же не видно, не проясняется.

Чебурашка.

Моя мамаша грязна,
Грязна и прекрасна,
Она ходит в пальто из паласа,
В самодельных калошах без дна.

Жанна. Это точно про Чешку!

Чебурашка. Пора бежать отсюда, мало ли что...

Жанна. А вот про тебя:

Легко подергивая лапами,
Собака по дороге сна
Бежит туда, где наступает лето,
Деревья обретают голоса,
И можно ртом хватать
Прически ветра...

Чебурашка. Ты мне доверяешь?

Жанна. Доверяю.

Чебурашка. Ну, бежим тогда скорее!

Жанна. К Луноходу, в Анапу?

Чебурашка. Чешка! Там же Чешка! От нее тем более надо сбежать.

Жанна. Моя жена ворчит, что я у всех иду на поводу, у тебя вот сейчас... Но мы и от нее сбегаем, пусть не ворчит больше никогда!

Чебурашка. Естественно! *(Выкидывает из рюкзака Чешки закопченные миски, пучки трав. Взваливает рюкзак Жанне на спину, весело смеется.)* И все-таки ты такая дура, Жанна, что согласилась со мной бежать! Сама подумай, что мы будем делать, когда нам путешествовать надоест?

Жанна. Как что? Я тут уже все наперед продумал! Когда нам надоест путешествовать, мы поселимся в хорошеньком домике у моря, где вокруг будут жить только одни простые глупые люди, индейцы будут курить с утра до вечера бамбуковые трубки, мы будем разводить лошадей, и совсем забудем, что есть другой мир, где люди спорят по пустякам, толкаются локтями

в тесноте, дышат отравленным воздухом через почерневшие марли в форточках. А мы состаримся там еще очень нескоро, и умрем счастливыми!..

Идут в сторону ярко освещенной, как серебряная ленточка, трассы.

Чебурашка. Все здорово, но где мы найдем столько денег, чтобы построить твой домик и лошадей купить, к примеру?

Жанна. Я прикинул, где. У меня мечта есть. Можно в Питере грибочков набрать галлюциногенных, набить этими спичками рюкзаки, привезти их по трассе ко мне, в Казань, и впарить. Двадцать ходок — и домик наш. Успеем даже за одно лето.

Чебурашка. Успеем. Должны успеть. В дороге всякое может быть, но вдвоем-то мы прорвемся, вдвоем мы всегда выберемся!

К о н е ц

ТЕРРИТОРИЯ

МУСОРА

пьеса в трех картинах

Действующие лица:

Мусорщик — 40 лет.

Темный — 16 лет.

Колючий — 16 лет.

Гарсон — 13 лет.

Рая — 23 года.

Моль — собака, 3 года (умерла).

1-я картина

За чертой небольшого города есть пустыри, заваленные мусором. Днем здесь кормятся птицы, ковыряются грязные бездомные люди, изредка заезжают грузовики с новыми отбросами и старые псы

приходят помирать; ночью здесь горит костер, а у костра сидит мужчина с собакой.

Ночь. Горит костер. Мужчина пригласил друзей: вчера умерла собака. Ветер раскачивает над костром черный котелок с рыбной похлебкой, котелок скрипит. На хижине из старой палатки, жердей и коробок шевелится брезент — как будто хлопает крыльями огромная ночная птица.

Мужчина заваривает чай в алюминиевой кружке. Гарсон вылавливает палкой картошку из пекла. Колючий греет в своей куртке молодую женщину. Незнакомый парень сидит на корточках: сутулый, огромные руки, грязные соломенные волосы.

Мужчина *(поднимает кружку)*. Мы не бомжи!

Бомжи не мы! *(обращается к знакомому)*.

Я хочу, парень, чтобы ты это сразу уяснил.

Парень. Уяснил.

Мужчина. Как звать?

Парень. Я — Тёмный. А вас как называть?

Мужчина. Мусорщик... Так и зови.

Тёмный *(мрачно)*. Не знаю, как вас, но меня от слова мусор... мусорщик... Передергивает...

Мусорщик. Передергивает — не живи!

Колючий. Да он не то хотел сказать!.. У него с мусорами беда вышла... *(переставляет женщину в сторону)*. Иди, отсидела...

Тёмный *(оправдывается)*. Да как с мусорами...

Гарсон. А дайте соль!

Тёмный. Участковый задолбал, то к мамке придет, то в технарь... Вчера заявил, что уже нарыли под меня... что я... что это я...

Гарсон. Что он угнал!..

Колючий. Красная «десяточка»...

Тёмный. Что типа я угнал, потом спалил и утопил в карьере... *(Пауза)*

Мусорщик. А нафига ты, а?

Тёмный. А это не я!

Мусорщик. А, это не ты... Тогда другое дело... *(Пауза. Девушке.)* Кушайте!..

Рая. А чем запивать?

Темный *(Колочему, вслух)*. Ты где ее взял?
Колочий. Нравится? *(Щелкает перед девушкой зажигалкой. Девушка кокетничает, улыбается во все зубы.)*

Темный. Да...

Мусорщик. Пока Гарсон все не умял, уважаемые, прошу угощаться. У меня умерла Моль.

Темный. Че?

Мусорщик. Помяните Моль. Это собака. У нас как было... Сваливает грузовик... Сначала Моль пробует, а потом мне говорит — хавай, все вкусное привезли!.. А тут она наелась... выла всю ночь...

Колочий. А потом я прихожу — хлабысь — она уже твердая... *(живает в сторону)*. Вон лежит!..

Темный. Еще не лобает...

Гарсон. Она добрая, большая...

Рая *(рассматривает собаку в темноте)*. Светлая... Большая розовая бегемотица... Такие длинные ушки...

Мусорщик. Ей всего три года...

Темный. А вы тут сколько?

Мусорщик. Все лето и вот...

Темный. А зимой?

Колочий. С ним не пропадешь!

Мусорщик. Не можешь — не живи. Здесь живут свободные люди. Здесь живут настоящие люди. Пока нас единицы, но только пока! Я составил карту, гляди: на севере две свалки, на северо-западе до станции одни пустыри, там тоже скоро все завалят! Вот она, земля свободы, а!

Гарсон. Правда бомжи... Конкуренты ведь?..

Мусорщик. Бомжи в основном на Большой Свалке. На-фига мне их большая свалка? Я провинциал.

Мы не бомжи!

Бомжи не мы!

Здесь не будет бомжей, здесь не будет панков!

Рая. Кто такие панки?

Мусорщик. Это трупы засранцев, посягнувших на мою землю. Пойди посмотри — за домом.

Рая отправляется смотреть трупы.

Колючий. Ну куда пошла? Он гонит! Помой чашку! Иди сюда, я сказал!

Мусорщик играет на заклеенном аккордеоне «Под небом Парижа».
Рая танцует.

Темный. Колючий, где ты ее взял-то?

Колючий. Увел у отца. Прикинь, прихожу из технаря — отец спит, а она телевизор смотрит. Как тебе?

Темный. Страшила... А кто у тебя отец?

Колючий. Нормальный отец...

Темный. А мать?

Колючий. Да нормальная у меня мать!!!

Темный. Че ты сразу!..

Колючий. Я, в отличие от некоторых, сам зарабатываю на свои штаны.

Гарсон. Да он у баб мобильники подрезает!

Колючий кидает Гарсону в глаз картошкой.

Гарсон. Ушлепок! (*размахивает палкой из костра*).

Мусорщик. Колючий, он же псих, ты в курсе!

Гарсон. Я псих!!!

Мусорщик. Дай сюда палку! (*Отбирает. Кружит тлеющей палкой в воздухе, палка оставляет светящиеся дорожки в темноте.*)

Рая. Ой! Бабочка!

Мусорщик. Это не бабочка, это душа моей собаки.

Рая. Дай мне!

Колючий. Райка! Ты кружку помыла? Ты ведь женщина, ты че, не умеешь? Как мы будем жить, если ты будешь моей женой, а?

Мусорщик. А?

Колючий. Райка, ты будешь моей женой? Ты хочешь быть женой? Хочешь? (*Райка моет кружку, улыбается.*) Посмотрите, какая у меня жена!

Мусорщик наигрывает знакомый вальс.

Гарсон. Еще поцелуй ее!

Райка и Колючий целуются.

Темный. Горько...

Колючий (*вытирает губы*). Супа хочю.

Мусорщик. Подставляй кружку! Гарсон, поварешка там...

Колючий. Райка! Наливай-ка!

Гарсон. Райка, а ты его на сколько старше?

Колючий. Молчи, малёк!

Гарсон вытаскивает палку из костра, Колючий тушит палку в котелке с похлебкой.

Мусорщик. Поели супа... придурки.

Колючий. Гарсон не умеет вести себя за столом!

Рая. Ну и хорошо! А то я толстая. Сижу дома, а мать говорит, поешь да поешь, поешь да поешь! А я и так толстая!

Райка наряжается в белую тряпку, смеется.

Темный. Выдра...

Колючий. Убери, не позорься!

Рая. Фата!

Мусорщик. Отдай майку! Не стирала, не таскай.

Райка плачет.

Темный. Ты че, дурочка?..

Гарсон. Ну, распустила...

Колючий. Сожми челюсти и не шамкай! Смотреть противно!

Рая. Я беременная...

Мусорщик. А?

Темный (*Колючему*). Поздравляю, отец-героин.

Колючий. Э! Ты ответишь, что это я? Ты где успела-то? Ты, хлебало?!!

Ра я. Я... я...

Мусорщик. Тихо! Суп, кстати, ничего. Пробуйте... Что я тебе скажу, Колючий... Вырастим.

Колючий. Да нифига себе!..

Мусорщик. Ну ведь женился?

Гарсон. Я свидетель!

Колючий. Да нифига себе!.. Отец-героин в восемнадцать лет!

Темный. Че ты врешь, тебе шестнадцать!

Мусорщик. Что сказать... Дом построим. Спальный мешок за мной.

Колючий. Да нифига! Ты посмотри на нее! Женщины аккуратные, а эта – посмотри, вся грязная какая-то! Ты посмотри: у!!! Лунатик! Лунатик это! У!!! Крольчиха! Уродина!

Темный. Колючий! Я предлагаю тебе с ней вернуться в город. Там хотя бы есть больница.

Колючий. В город? Там одни засранцы, которые придумали себе свинарник и заставляют меня хлебать из их корыта! Я не свин, – вот свиноматка! Иди, свиноматка! Вали, откуда пришла! На кой ты сдалась, выдра? Вали, давай! Ковыляй!

Ра я *(плачет)*. Куда я пойду?.. Куда я пойду?

Колючий *(Рае)*. Слушай, ну ты достала уже! Убить тебя, что ли? Тебя убить? Вали скорее! Вали, чтобы пятки свистели!

Ра я. Поженились!..

Колючий. Ты еще здесь, милая? Не смотри на меня так! Не смотри, Крольчиха! *(Отрокидывает на Раю суп.)*

Мусорщик *(обливает Колючего супом из своей чашки, Гарсон и Темный сбрасывают с одежды макароны)*. Молчать!

Колючий. Оформляйте развод! Зараза! Как в говно наступил!

Гарсон. Обломись! Теперь не выгонишь!

Мусорщик. Гарсон, забирайся спать. Разбужу в шесть – пойдем сдадим металл.

Гарсон. Опять я?

Мусорщик. Гнида!..

Гарсон. Понял...
Ра я (*плачет*). Предатель... предатель!
Колючий. Уберите ее лучше!
Ра я. А! Что за люди, мамочка... что за люди!..
Мусорщик. Тихо! Как с бабой-то? Предлагайте!..
Колючий. Да кому она нужна! Никто про нее не вспомнит! Оставьте-ка нас!..
Темный. Ты о чем? Не дури, нормальная баба... Я возьму.
Колючий. Чё?
Темный. Ну возьму я ее, возьму себе.
Колючий (*смеется*). Понеслась! По кочкам... Скройся с глаз моих.
Мусорщик. У вас все как-то быстро происходит, я не... Ну и слава богу. Завтра... Колючий! Ты идешь в город за лопатой, — Моль похоронить надо по-человечески. (*Темному*.) Тебя проведу по территории. Уяснишь, что к чему.
Весной заставлю вас, черти, работать. Картошки посадим. И окучивать будете, и полоть... Пробурим скважину — будет своя вода. Я нашел две лейки. Заклеить целлофаном — и можно поливать огород.

2-я картина

Конец осени. Утро. Вокруг хижины сушится белье после стирки. Мусорщик бреется, чистит зубы возле дырявого умывальника. Приходит

Темный. На нем черный свитер с капюшоном, теплая куртка.

Темный. У меня пятилитровка воды осталась — возьми.
Мусорщик. Вы в город?
Темный. Откуда у тебя такие?
Мусорщик. А?
Темный. Я про ботинки... военные?
Мусорщик. Не! Просто ботинки. Нашел... или на барахолке взял... не помню уже...
Темный. Райка сбежала.

Мусорщик. Как сбежала?

Темный. А я... пришел попрощаться. Друг зовет в Нижневартовск. А мне сейчас, сам знаешь, чем дальше, тем лучше. Я и Райку хотел с собой увезти, а она...

Мусорщик. Какой Нижневартовск?

Темный. Товарняк в двенадцать уходит. Райка приходила?

Мусорщик. Вот так, значит... Нижневартовск...

Темный. Я очень тебе... благодарен... Но мне действительно надо уже что-то делать. Я не могу жить на помойке до старости, понимаешь?

Мусорщик. Значит, не срослось. Чужая кость. Чужая кость.

Темный. Тебе надо вернуться в город... Скоро зима... Возвращайся к жене... Мне кажется...

Мусорщик. Тебе неправильно кажется!..

Темный. На той неделе Райка удирала — я ее на Большой Свалке нашел. С бомжами пила. Может...

Мусорщик. Может. Я схожу проверю.

Темный. Ну, я пошел...

Мусорщик. Эй! Что это у тебе на ногах? Что за ласты?

Темный. Кеды...

Мусорщик. Вот говнюк! Поехал в Нижневартовск, говнюк лысый! *(Снимает свои ботинки.)* Ну-ка одень...

Темный. Не! Не! Мусорщик!..

Мусорщик *(кидает в Темного ботинком)*. Одень, сказал! Нижневартовск!..

(Заставляет Темного надеть и зашнуровать ботинки.) И попробуй сними по дороге! Даже не рыпайся, не оборачивайся!.. Пульну в говнище из воздушки! Вали! Нижневартовск...

Темный молча плетется по свалке, оборачивается, Мусорщик ныряет в хижину за воздушкой, маячит Темному. Взбегает на мусорную кучу, стреляет в воздух. Темный удирает. Мусорщик возвращается к хижине. У костра сидит Гарсон.

Мусорщик. Одним говнюком меньше. Колючего в городе видел? Ушел — ни самого, ни лопаты.

Гарсон. Он не вернется...

Мусорщик. С чего это? Лопатой прибили? Или тоже, в Нижневартовск?

Гарсон. Колючий нашел работу.

Мусорщик. Вагоны разгружает?

Гарсон. Нет, он разносит по городу какие-то бумажки, заказы... Ему понравилось вроде у них... Жирно... шоколадно...

Мусорщик замечает на затылке Гарсона слипшиеся в крови волосы.

Мусорщик. Иди сюда! Ну-ка, что у тебя?..

Гарсон. Что у меня?

Мусорщик. Кто тебе голову проломил-то?

Гарсон. Фигня.

Мусорщик осматривает рану. Гарсон уворачивается, закрывает руками голову. На рукавах, воротнике — ошметки клея.

Мусорщик. Куда башку подставил-то опять? К матери бегал?

Гарсон. Это не от матери...

Мусорщик. С крыши присвистело? Кирпичом присвистело?

Гарсон. Это не от матери!..

Мусорщик обрывком майки перевязывает Гарсону голову.

Мусорщик. У тебя слова гнилые.

Гарсон. Не гнилые.

Мусорщик. Гнилые! Ты же обещал — к мамке не бегаем, клей не нюхаем...

У меня тоже... и мамка есть... Я же не бегаю...

Гарсон (вяло). Я не нюхаю...

Мусорщик. Только руки-то не отмыл. И куртка вся...

Гарсон. Холодно... тошнит. Я потерял кровь!..

Мусорщик. Ага, литров пять. Кранты тебе! (Укрывает Гарсона одеялом, спальником, пледом. Раздувает огонь в костре.)

Гарсон. Похаваем?

Мусорщик. Поспи сначала. Потом похаваем.

Гарсон. А у меня брат сбежал из интерната... Че он, с мамкой будет?... У ней холодно...

Мусорщик. Зачем на зиму удрал-то? Дурак. Кормили что ли плохо?

Гарсон. Можно я сюда приведу... брата?

Мусорщик. Отсыпайся. Потом приведешь. Весной будет с нами картошку садить...

Гарсон. Ему семь лет...

Мусорщик. Большой. Научится...

Гарсон. Порошком пахнет... стиральным...

Мусорщик. Я стирался. Мокрое все еще, капает...

Гарсон. Помнишь?

Мусорщик. Что?

Гарсон. Я хочу щас... провалиться... Я хочу... простыню... Мама! постирай мне простынку...

Мусорщик. Спи...

3-я картина

Ночь. Мусорщик ждет Гарсона и его брата из города. Разжигает костер. Мусорщику говорит его мертвая собака.

Моль. Я думаю, что Гарсон не придет. Можешь идти спать.

Мусорщик. Ты мертвая.

Моль. А ты меня не похоронил...

Мусорщик. Не надо обвинять. Я без лопаты...

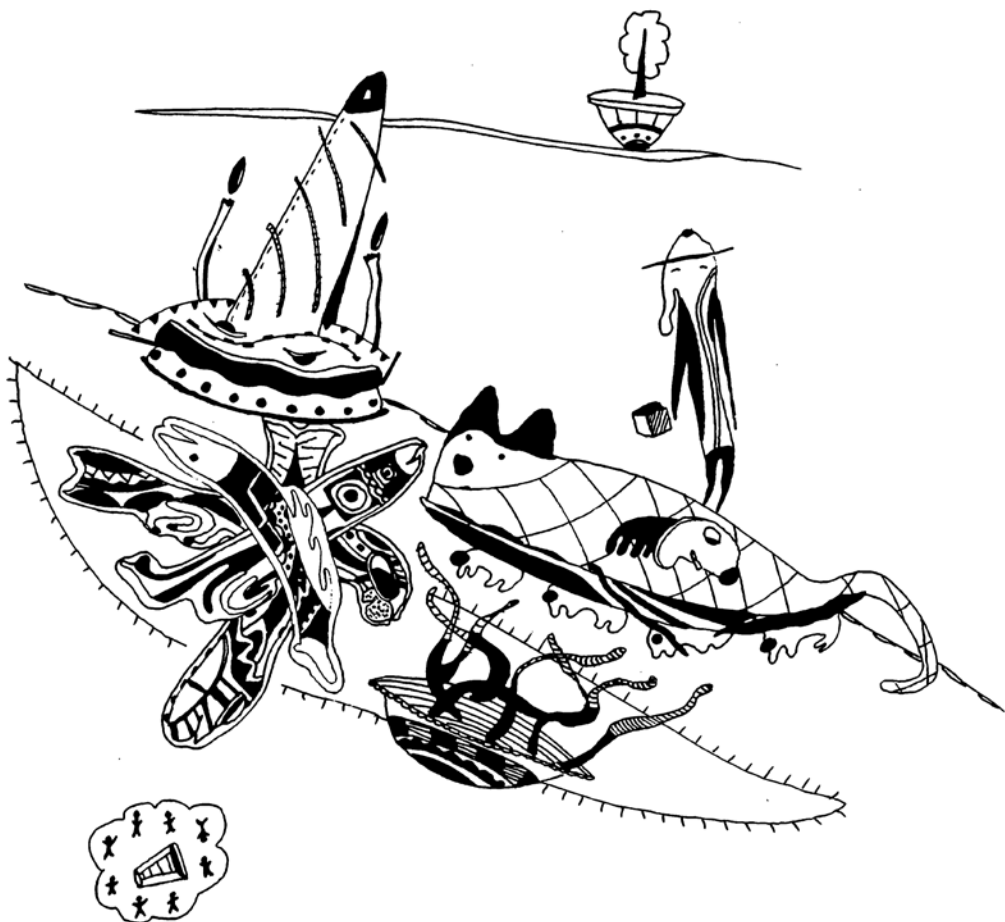
Моль. Передо мной встал выбор: вонять и разлагаться или заговорить и снова терпеть твое общество...

Мусорщик. Ты похудела.

Моль. Похудеешь...

Мусорщик. Он не вернется? Пообещал, что придет с братом... останутся с матерью, да?

Моль. Нафига они матери. Им надоело играть на помойке...

Мусорщик. Они не придут?

Моль. Не они, так другие... А я ходила к твоей жене, и она спит с полковником.

Мусорщик. Желаю счастья. Ты меня не удивила.

(Слышатся шаги. Кто-то приближается к хижине. В темноте наступает на пустую пластиковую бутылку, запутывается в целлофане.) Идут! Слышишь!..

Моль. Это не Гарсон! Это которая обозвала меня розовым бегемотом. *(Возле костра появляется Рая. На ней новые вещи – шляпа и цветные гамаши.)*

Мусорщик. Погреться?

Ра я . Ты на Большую Свалку ходил, меня спрашивал. Я пришла. Хочешь со мной жить?

Мусорщик . Не, это Темный тебя искал. Боялся, вдруг тебя бомжи съели.

Ра я . Тебя все бросили?

Мусорщик . Тебя выгнали или сама пришла?

Ра я . У меня к тебе доверие. Хочешь, я только тебе скажу?

Мусорщик . Да ну!

Ра я . Да... Темный меня бил. Да, бил. Просто я никому не говорила. Он меня по голове бил, по животу бил. У меня теперь никогда не будет детей.

Моль . Не верь ей, она брешет.

Мусорщик . Моя собака говорит, что ты врешь.

Ра я . Она не говорит, она дохлая...

Мусорщик . И что ты предлагаешь?

Моль . Пусть она избавит нас от своего общества.

Ра я . Позови меня к себе жить.

Мусорщик . А что ты умеешь делать?

Ра я . Я красивая.

Мусорщик . Это тебе на Большой Свалке сказали?

Ра я . Там тоже люди.

Мусорщик . Вот и проваливай к ним.

Моль . Давно пора. Скажи еще раз.

Ра я . Мы с тобой подходим друг другу! Мы подходим! Мы подходим! Ты – мусорник, я – мусорница! Я мусорница!..

Мусорщик . Моя собака говорит, что ты обозвала ее розовым бегемотом.

Ра я . Она похудела.

Моль . Пусть извиняется.

Мусорщик . Извиняйся.

Ра я . Я не буду, она мертвая.

Мусорщик . Сюда приходит умирать столько собак, что если бы я хамил каждой мертвой собаке, я сам себя перестал бы уважать. Мертвая собака – главный закон этой территории. Если ты его не усвоила – тебе здесь нечего делать.

Ра я (*тпруну собаки*). Прости меня, ты не розовая бегемотица.

Моль . Пусть поцелует мне нос и назовет по имени.

Р а я . Я хочу настоящую свадьбу. Вокруг все какие-то легкомысленные... да. Ты такой же? Я вижу, что ты немножко нездоровый, но зато не как другие. Ты важнее. Ты, наверное, был солдатом в прошлой жизни... или дальнобойщиком. Ты хочешь жениться?..

Мусорщик . Поцелуй ее в нос и назови по имени.

Р а я . Хочешь?..

Мусорщик . Потом поговорим.

Рая целует мертвую собаку.

Р а я . Прости меня, Моль. Ты больше не розовая бегемотица. (*Мусорщику*) Все!.. Ты обещал.

Мусорщик . А?

Р а я . Что мы поговорим. Ты хочешь пожениться? Я тебе хоть чуть-чуть вообще нравлюсь?

Мусорщик . Ага... Я когда тебя в первый раз увидел, подумал, может, не отдавать тебя никому... Но я потом еще подумал... Что настоящий мусорщик не пьет, не нюхает клей. А не всякий, кто живет на мусорке, — настоящий Мусорщик. А еще знаешь что? Настоящий мусорщик живет с настоящей собакой, а вот когда появляется женщина, появляются неприятности...

Моль . Спасибо, друг. Не слова, а золото...

Р а я (*толкает собаку*). Молчи, волосатое животное! Я не верю, что я тебе совсем... Что совсем не нужна... Я же все замечаю, я замечаю, как ты смотришь, например... И ты даже приходил искать меня на Большую Свалку...

Мусорщик . А есть одна причина... Если я раскрою ее тебе, ты сразу все поймешь. Райка, мы не можем быть вместе, мы все-таки не поженимся...

Р а я . Нет?

Мусорщик . Как честный человек, я покажу тебе паспорт.

Р а я . У тебя есть настоящий паспорт?

Мусорщик . (*Приносит из хижины грязный кусок целлофана. В целлофане замотана газета, а в газете паспорт.*) Конечно, настоящий. А в нем штамп — о браке. У меня есть жена. Жена живет в городе. Ее зовут Любовь Ивановна. Любка. Вот он, штамп.

Молчание. Сидят, болтают ногами.

Р а я . Нет. Нет...

М у с о р щ и к . А ты как думала...

Р а я . Кругом одни предатели, куда ни пойдешь!.. предатель!

Ведь я – мусорница, я – мусорница!

М о л ь . Заткнись! Разоралась!

Р а я . Сама заткнись!

М у с о р щ и к . Рая, у нас не предают, это моя территория, у нас не предают!.. Уходи.

Р а я . А?

М у с о р щ и к . Уходи.

Р а я . Куда?

М у с о р щ и к . На Большую Свалку – там тоже люди.

Мусорщик тихонько играет на заклеенном аккордеоне. Аккордеон сопит и свистит, проглатывает звуки.

М у с о р щ и к (*бормочет*). Промок... отсырел...

Р а я . Лучше бы я уехала в Нижневартовск со своим вторым мужем... Что мне делать?

М у с о р щ и к . Иди.

Р а я . Куда?

М у с о р щ и к . Подальше, к чертовой матери. Пореви там как следует, а потом построй домик из соли. И живи сколько тебе надо. (*Играет на аккордеоне.*)

М о л ь . Друг, похаваем?

М у с о р щ и к . Давай, похаваем.

ВОЕННЫЙ ОБРУБОК

мультфильм

Утро. Переполненные пепельницы из консервных банок. За окном грязной кухни грохочут трамваи. В раковине копошатся огромные тараканы, толкаются:

- Нет уж, извините!
- Извините-извините!.. Подвиньтесь!
- Пошел!
- Убери лапы!
- Мой сухарик!
- Нет, мой сухарик!

Ворчат, дерутся, запихивают лапки в сток: достать хлебную крошку.

Из прихожей слышится шум.

Прихожая. Перед входной дверью на секунду замирает главный герой: это замотанное в тряпки существо в бушлате и одном валенке. Вместо другого валенка — деревянная культышка, в руке — костыль. Нос и рот закрывает шерстяной платок, видны только большущие глаза с тревожными зрачками. Существо выходит в подъезд, и начинается еще один новый день.

Герой ковыляет на трамвайную остановку, трамвай вот-вот уйдет без него, существо стучит по корпусу трамвая костылем, и дверь распахивается.

Кондукторша:

— По голове постучи!

Герой поскальзывается деревянной культышкой на подножке и почти вползает в трамвай. В вагоне болтовня стихает, все подглядывают за инвалидом. Существо сгоняет костылем пацаненка, занимает его место.

Кондукторша:

— Документы.

Герой мычит.

— Документы!

Инвалид бормочет:

— Вчера уже... Было...

Кондукторша:

— Было, да сгнило! Плати.

(Мычание.)

— Плати мне! Оглох? Оглох? Вон из трамвая, говорю, вон из трамвая из моего!

Трамвай останавливается. Существо бормочет кондуктору:

— Ну че ты рисуешься? Че рисуешься?

Выходит на остановке «Площадь». Идет к подвалу старинного здания. Стучит в дверь:

— Это Обрубок!..

Чьи-то руки отдают Обрубку аккордеон.

Инвалид по кличке Обрубок ковыляет в сторону площади, привычным движением находит в сугробе железную кружку. С железной кружкой и аккордеоном спускается в переход.

Тут уже продавцы газет, ларьки-фастфуды, бабки с носками и бабки с семечками. Продавец шапок молча наливает Обрубку. Обрубок молча выпивает, высовывает синий язык, громко дышит и начинает играть:

По разным странам я брожу,
И сдох сурок давно уж...

Торговка вязаными носками:

— Сынок! (Показывает носки с кроличьим пухом, надетые на руки.) Помяни моего сына, сын приснился, говорит, мама, че-то ноги мерзнут! На-ка, поминок!

Продавец шапок:

— Дура!

Обрубок:

— Мне одного носка хватит, спасибо.

Торговка:

— Два бери.

Продавец шапок:

— Дура!

Торговка:

— В двух теплее, ничё!

Обрубок принимает носки:

— Спасибо.

Обрубок играет, в его сторону иногда поглядывают прохожие, высунув нос из-под воротника, кто-то успевает на бегу кинуть в кружку мелочи.

В это время тараканы на кухне водят хоровод. Один из тараканов спотыкается, падает:

— Ой!

Его поднимают, ведут хоровод в противоположную сторону.

Обрубок в переходе поет, изо рта идет пар. Возле него останавливается сомнительная дамочка, денег в кружку не кидает, манерно курит. Обрубок поет, голос его срывается:

Я рубил вас, Крапива,
Ножом и ребром ладони.
Я имел вас, Крапива,
Так, что больше
Никто не тронет.
Я просил ваше сердце
И вашей руки,
Я любил вас, Крапива,
И сотню таких, как вы.
Шлюхи портовой
Больше не жаль,
Ваш крик подзаборный
Не жалит!..

Замолкает. Женщина невозмутимо разглядывает костыль, деревянную культышку вместо ноги.

Ж е н щ и н а . А... это какая война? Которая первая или которая вторая?

Об р у б о к . Которая третья.

Ж е н щ и н а . Бедный мой! Иди сюда, так и быть. Старая Дева тебя утешит совершенно бесплатно. Иди ко мне, солдатик, иди, мой малыш!

Обрубок замечает ее толстенные накрашенные губёхи, волосы, свалявшиеся в рыжую мочалку, облезлую лису через плечо.

Об р у б о к . А я ухожу щас.

Уходит. Из рук падает то кружка, то костыль. Старая Дева не отстает:

— Ну куда же ты! Я денег не беру, я ж по-человечески!

Герой выходит дворами на тихую улицу. Старая Дева по-прежнему с ним. Не разговаривают. Он останавливается возле школы, сквозь железные прутья ограды заглядывает в школьный двор. Там кудрявая женщина встречает из школы кудрявых детей — двух мальчиков шести и девяти лет. Они обнимаются, женщина смеется, треплет их по кучерявым макушкам.

Старая Дева. Это кто?

Обрубок. Катька...

Старая Дева. И что?

Обрубок. Катька — моя, а дети — нет. Серега вернулся на двух ногах, а я только на одной...

Катька замечает Обрубка, с ее лица исчезает улыбка, она потирает детей к машине, в салоне их встречает огромная добрая псина, лижет руки. Уезжают.

Старая Дева и Обрубок идут по улице мимо шумных школьников. Перед ними шагают длинноногие старшеклассницы, курят. Старая дева замечает хриплым голосом:

— Красивые, да?

Старшеклассницы оглядываются:

— Педофил одноногий!

Старая Дева застывает:

— Дорогу, палки дифтерийные! — Лиса на ее плече скалит зубы, рычит. Старшеклассницы расступаются.

Обрубок и Старая Дева в магазине. За прилавком очень толстая женщина. Она повернется — стукнется об одну полку, повернется обратно — ударится о другую полку.

Обрубок смотрит на свою ладонь: там горсть монет. Бормочет. Считает деньги:

— Ень, бень, двасать... пият... Хм... не хват...

Старая Дева добавляет свой полтинник. Обрубок высыпает деньги на прилавок:

— Хм!.. Портвэйнь!

Толстая продавщица, не оборачиваясь, дотягивается сильными руками до верхней полки и решительно выдает из-за

спины на прилавок две бутылки красно-черного, густого портвейна.

Темнеет. Валится липкий снег. По улице движутся два силуэта: один вышагивает гордо, высоко подняв голову, другой сementит, подтаскивая деревянную ногу. Старая Дева и Обрубок останавливаются возле старинного дома на площади, где в подвале горит малиновый свет. В большой комнате с низкими потолками накурено, мигают елочные гирлянды. В помещение входят люди и докладываются хозяину — косолапому армянину с оттопыренными ушами:

- Нищий с бубном.
- Бабушка со скрипкой.
- Геннадий!

Хозяин разливает вино по стаканам:

- Обрубок пришел?
- Здесь я, ну.
- Накатим?
- Накатим...

Обрубок и Старая Дева выгружают портвейн на общий стол. Бабушка со скрипкой тут же откупоривает бутылки зубами. Потрепанная публика гудит, затягивает песню. Старая Дева скидывает лису с плеча, сбрасывает ботинки с ног, ботинки летят через всю комнату, впечатываются в стену, падают. Старая Дева прыжком перемахивает через стол и начинает выплясывать. Вокруг кричат, визжат, посыпают одобрениями. Белые ножки Старой Девы мелькают в воздухе, на них засмотрелся Обрубок. Старая Дева кружится, подпрыгивает, отбивает чечетку, ловко перебирает носочками. Обрубок ставит локоть на стол и ловит ее взгляд.

Обрубок. Ты сама где?.. Живешь где?

Старая Дева.

Снимаю чулан,
Стираю чулки,
Сушу по ночам их
При свете луны.

Чулки-занавески
В проеме окна
Встречают тебя!

Обрубок. А поехали ко мне?

В это время на его кухне напыщенные тараканы танцуют танго на подоконнике.

Старая Дева Ну, поехали к тебе!..

Обрубок оставляет аккордеон, ковыляет к выходу. Старая Дева подхватывает ботинки, набрасывает на плечо лису, лиса громко икает.

Прихожая. Включают свет. На полу мусор, окурки.
Обрубок. Не разувайся.

Старая Дева идет по коридору, не разуваясь. Под каблуками трескаются бутылочные стекла. Останавливается возле грязного дивана на четырех кирпичках. Отбрасывает в сторону лису, падает в ботинках на диван, зевает. Обрубок гасит свет и робко пристраивается на краешке дивана. Комната наполнена бликами уличного освещения.

Обрубок. Так вот... У меня нет денег заплатить вам...

Старая Дева. За что?

Обрубок. Ну за это... За это утешение... Как сказал поэт, «за эту дряблую сладкую кожу...»

Старая Дева. Я никогда не была жестокой школьницей. Я давала всем, кто попросит. И где сейчас все эти жестокие школьницы? Только я – вот она! Всегда здесь и сейчас, вечно красивая и вечно живая! Правда же? Ведь так? (долго целует ему нос). Ой! Ой-ой-ой! Что там?

Обрубок. Где?

Старая Дева. На потолке. Точки. Раз. Два. Три, четыре... они движутся! Видишь? Ой! Это не точки!

Обрубок. Не точки...
Старая Дева. Это Тараканы!
Обрубок. Тараканы. Тараканы мои...
Старая Дева. Какие милые!.. Да уж... (Храпит.)

Обрубок чихает:

— Да что такое...

Снова чихает:

— Вот ить... Привязалось!

Старая Дева, сквозь сон:

— А ты горчицы в носки насыпал бы... (Снова храпит.)

Обрубок в пушистых вязаных носках. Разглядывает носок на здоровой ноге и носок, надетый на деревянную культышку, вздыхает. Мимо кровати пробегают тараканы:

— Посмотрите налево! У него новые носки!

— Кыш!

Тараканы убегают. Он и она спят. В углу храпит облезлая шкура лисы, свернувшись клубочком.

Старая Дева просыпается от шума, лязга и грохота. В комнате, кажется, двигают мебель и веселится тысяча чертей. Открыв глаза, Старая Дева видит, что Обрубок, почти голым, скачет, беснуется, мечется из угла в угол на двух здоровых ногах! С неподвижным остервенением на лице он то прыгает с тумбочки, то разбегається вверх по стене, кувыркается и приплясывает:

— А ты так?! А ты так? Умеешь так? Умеешь? Смотри! Смотри-смотри! Ноги у меня! Я проснулся, а у меня — ноги! Как ты думаешь, что она теперь скажет, что теперь Катька скажет?

Старая Дева медленно одевается, прихорашивается:

— Прости, скажет...

— Вот именно! Прости, скажет, какая я была дура, скажет!

Старая Дева. Ну я пойду?

Обрубок. Стой! А куда ты? Ты же — моя фея! Посмотри на них — я проверил, они настоящие, настоящие мои ножки!..

Старая Дева закуривает:

– А это не я фея, это моя мать – колдунья. Она отдала тебе носки, помнишь?

– Оставайся!

– Да не умею я оставаться, я только утешать умею, один раз, понимаешь!

– Оставайся!

Силой усаживает ее на диван. Старая Дева кусает его за руку, убегает.

– Возвращайся!

Обрубок остается один, гладит оставленную на полу лисью шкуру, плачет. Лиса сладко потягивается, зевает.

В прихожей скрипит дверь, возвращается Старая Дева:

– Слушай, а если мне за чуланчик за мой так квартплату, так по-хамски повысили, можно будет у тебя... до весны пожить?

– Ну да...

– А Катька что скажет...

Улица возле школы. Весна. На Обрубке – белая рубашка, он похож на курносого белого человека; на Старой Деве легкое короткое платье с бантом, ноги у нее по-прежнему худые и кривоватые. Из школы выходит Катька с сыновьями.

Обрубок. Начинай!

Старая Дева (свистит). Эй, гражданочка! Прослушайте композицию!

И Обрубок запекает свою злую пафосную песню «Крапива»:

«Я любил вас, Крапива...» и все такое. На словах:

...Шлюхи портовой
Больше не жаль
Ваш крик подзаборный
Не жалит.
Не жалит.
Не жалит.

Один из сыновей спрашивает:

– Мам, эткто?

– Не помню, сынок.

Другой сын спрашивает:

– А кем он работает?

– Никем не работает, сынок.

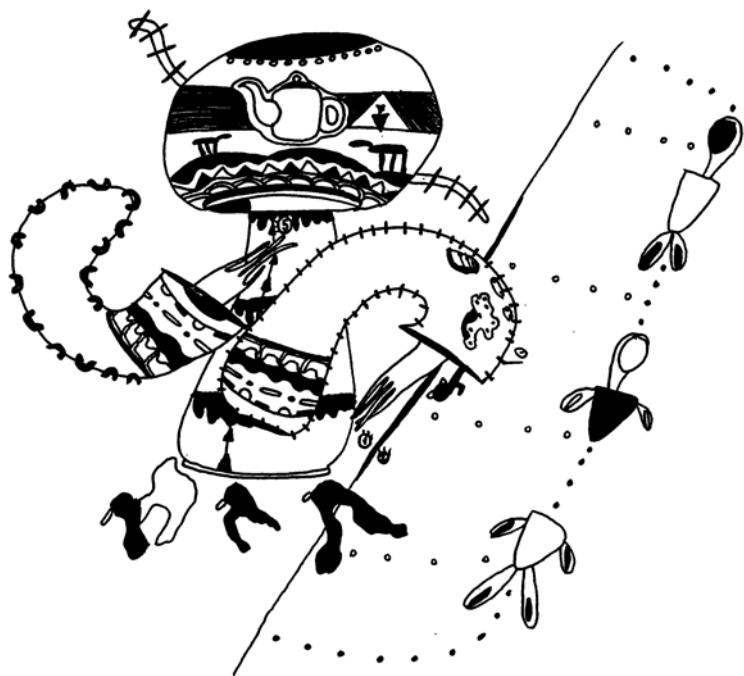
Катька и дети идут к машине, Обрубок кричит им вслед:

– Я работаю кондуктором, Катя, и мы с тобой никогда не встретимся!

Машина уезжает.

– Катя! Я работаю кондуктором!

Обрубок и Старая Дева танцуют, у дороги лисья шкура играет им на аккордеоне.

Юлия Пospelова

бах

БАХ-БАХ-БАХ

бах

бах
бах

бах

Действующие лица:

Витя — цирковой пёс.

Кеша — дворовый пёс.

Катя — коза.

Гусятников — гусь.

Руки.

Ноги.

Лица.

Умиравший солдат (целиком).

1

Цирковой манеж. Лица зрителей. Улыбки только на детских лицах. Взрослые не улыбаются. На манеже Витя и ноги в клоунских ботинках. Это Аркашины ноги.

Аркаша (голос сверху). Умри! (Витя падает на манеж, ноги ходят вокруг лежащего Вити, рука поднимает одну Витину лапу, другую, лапы опускаются вниз, слышен Аркашин смех.) Отомри! (Витя не отмирает.) Витя, отомри! (Витя продолжает лежать.) Отомри? (Витя не встает.)

Аркашино лицо. Из глаз бьют струи слёз. Рыдание. Ноги ходят по манежу. Витя встает и ходит за ногами, ноги не останавливаются, потом останавливаются. Лицо Аркаши, слезы выключаются, голос Аркаши — Аркаша ругается, радуется. Аплодисменты.

2

Городская площадь. Здание цирка. Зима. Афиши, прикрепленные к пузатым круглым тумбам, сообщают о вечернем представлении: «1941 год. Госцирк. Сегодня и ежедневно. Обновленная программа. Большое представление в 3 отделениях. Лучшая в СССР группа акробатов-прыгунов Дарвест. Лучший в СССР жонглер Махлин. Лучший в СССР комик Цхомелидзе. Лучший в СССР клоун Аркаша с лучшим в СССР дрессированным псом Витей. Лучшая в СССР воздушная гимнастка Лапина. Весь вечер Чарли Чаплин. Лучший в СССР».

Гул самолетов. Уууууу. Раздаются взрывы. Бах-бах-бах. Из цирка выбегают животные — лошади, обезьяны, львы, слоны. Они разбегаются в разные стороны. Попугаи разлетаются. Медленно выползают из горящего здания и ползут к протекающей рядом с цирком реке морские львы. Львы уплывают по замерзающей реке.

Витя выбегает из цирка. Ноги в клоунских ботинках рядом.

3

Прихожая незнакомой квартиры. Витя. Рядом с Витей маленький дорожный чемоданчик, обклеенный газетой. Ноги Аркаши в черных сапогах (стоят так же по-чарличаплински, как на манеже). Женские

ноги в тапочках. Лицо Аркаши. Слезы на глазах. Но почему-то они не брызгают из глаз, а только блестят немного, и катятся по щекам. Витя обнюхивает Аркашу, слизывает слезу с его щеки, морщится.

Аркаша. Я вернусь, приятель. Умри! (*Витя падает на пол, лицо Аркаши, улыбка.*) Отомри!

Витя не встает.

Аркаша. Отомри!

Витя не встает. Тишина. Звук закрывающейся двери. Витя открывает глаза. Он один у двери. Встает, кидается на дверь, пытается допрыгнуть до замка.

Проходит время. Темнеет. Светлеет. Витя допрыгивает до замка, открывает дверь, убегает.

4

Витя, зажав в зубах чемоданчик, бежит по Аркашиному следу. Бежит по городу, мимо домов с заклеенными крест-накрест окнами, мимо закрытых магазинов, оббегает противотанковые ежи, бежит вдоль пустых трамваев, застывших на путях. Забегает за поворот и видит ноги. Много ног в черных сапогах. Ноги выстроены в ряд и шагают одинаково. Раз-два. Раз-два. Витя бежит мимо ног, добегают до двери, из которой выходят ноги в черных сапогах. Останавливается. Сидит у двери, обнюхивает выходящие из двери ноги. К Вите подходит тощий облезлый пёс. Садится рядом. Тоже нюхает.

Пёс. Жрать охота. Аж нутро все сводит.

Витя не отвлекается, продолжает нюхать.

Пёс. Куска не жди. Тут им сейчас не до того. Они отсюда тютю. Шить (*присвистывает*) в вагон и тютю. На фронт.

Витя. На фронт? А что такое фронт? А это далеко?

Пёс. Да пес его знает. Говорят тут все: на фронт, на фронт. А сами шить в вагон и тю-тю. А ты, значит, не голодный. Своего, что ли, ищешь?

Витя. Ты откуда знаешь?

Пёс. Сколько тут нас таких, брошенных-оставленных.

Витя. Брошенных? А почему вас... то есть нас много?

Пёс. Война, братец, война...

Пауза. Витя пытается осмыслить.

Пёс. Знаем-знаем. Друзья. С детства. Одну песню поете. Ага, я тоже со своим с детства... Из-под лавки меня метлой вымел... А холодно было. Пожалел. В карман посадил и унес. Во как.

Витя. Твой тоже тю-тю? На фронт?

Пёс. Видал, ссс-ва, ссс-ва (*смотрят на ноги в черных сапогах*). А мой хромым. Только ссс, без ваа. Одна у него завелась. Шу-ра. Му-ра. Он ей всё веники таскал, вечерами пропадал. А потом она к нам с вещами.

Витя. Ну? Не понравился ты ей?

Пёс. Э? Я всем нравлюсь. Я хороший. У нее это, чихала она. С собакой ей нельзя, в общем. Аллергия у ней.

Витя. Аллергия, что ль?

Пёс. Во-во. Я в прихожку спать ушел. Извини-подвинься. Вооот, а она не успокаивается. Чихает и чихает. Чихает и чихает. Чихает и чихает. Чи... вот, и тогда совсем уж, здесь вот теперь.

Витя. Делааа.

Пёс. Вот тебе и тю-тю. А ты тут нос по ветру — разыскиваешь его.

Витя. А я и не разыскиваю.

Пёс. А что же ты делаешь?

Витя. Разыскиваю.

Пёс. Так разыскиваешь или НЕ разыскиваешь?

Витя. Нужно больно. Он меня на какой-то дурацкий фронт променял.

Пёс. Вот и молодец, ну его, этот фронт, забыли. Всё. Всё.

Сидят.

В и т я . Эта... а что там хоть на фронте на этом делают?

П ё с . А пес их... Вон, видишь, вон, в валенках. Топ-топ. Хр. Хр. Скрипят.

Смотрят в сторонке, ноги в валенках, ног в валенках тоже много, как и ног в черных сапогах, но они в ряд не идут, они на месте перетаптываются. Топ-топ. Хр. Хр.

В и т я . Ага.

П ё с . Эти, значит, шить и тью-тью. А эти всё на одном месте топчутся. И это как-то связано.

В и т я . Как?

П ё с . Когда эти не шли на фронт, эти не топтались.

Витя бежит к валенкам. Пёс за ним. Витя проталкивается, пытается понять. Но его отталкивают, не обращают на него внимания.

Женские голоса . Шшавка. Ф. Фу. Ф. Отсюда.

Витя достает из чемоданчика шляпу, достает шарманку, заводит шарманку, звучит «Рио-рита». Валенки расступаются, заключив Витю в кольцо. Витя пронесет шляпу по кругу, руки кидают в неё мокрые носовые платки, черно-белые фотографии молодых солдатиков. Витя накрывает шляпу лапой, водит сверху, затем достает из шляпы желтоватые бумажные квадратики. Руки разбирают квадратики.

Женский голос . Извещение. Ваш сын сержант... Антоша Степанович в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявил геройство и мужество, был убит.

Другой женский голос . Извещение. Ваш муж Петя Никанорович проявил геройство и мужество, пропал без вести.

Слышны плачущие женские голоса. Витя кладет шарманку и шляпу в чемодан, они с псом убегают. Садятся в сторонке.

П ё с . Слышал, как завывают.

Витя. Это из-за какого-то *геройствомужества*? И что это?

Пёс. Сам же слышал, то, от чего умирают и пропадают без вести, тю-тю.

Витя. Умри-отомри? И Аркаша, значит, может тю-тю?

Пёс. Ага. Все тю-тю. Но тебе-то что, ты ж его не разыскиваешь же, да? Или разыскиваешь?

Витя. Нет. Не разыскиваю. А что это у них мокрое из глаз? Слезы должны во как (*достает из чемоданчика устройство, показывает, как слезы должны брызгать*), а тут мокрое. И у Аркаши тогда, у двери той, было мокрое...

Пёс. А пес их знает.

Витя. Что ты всё заладил? Пес знает, пес знает. А сам ничего не знаешь.

Пёс. Возражу. Я про то, что мне надо, знаю. Знаю, что друзей вот своих оставлять не хорошо. Ни ради анлергии, ни ради какого фронта.

Витя. Это верно. Это я и сам так думаю.

Пёс. И что теперь делать собираешься?

Витя. Не знаю. Пойду, куда лапы выведут. Новый цирк искать пойду. В другой город пойду. Думали, с Аркашей. А теперь вот. Даа. Было у меня всё, и работа любимая. Я, значит, в цирке служил.

Пёс. Это я понял.

Витя. Был у меня теплый дом. Квартира однокомнатная. Зато отдельная.

Пёс. Не, мы в коммуналке.

Витя. И был у меня лучший и единственный...

Пёс. Тю-тю. Слушай, а возьми меня с собой? Вместе веселее. Я тебе другом буду, а? Я хороший.

Витя смотрит на пса, задумывается.

Витя. Нет, не возьму.

Пёс. Почему?

Витя. Не хочу.

Пёс. Но почему? Я тебе не нравлюсь?

Витя. Нравишься.

Пёс. Тогда почему? Ну почему? Ты думаешь, я в цирке себе дела не найду? Это не думай. Я работающий. Мой-то дворником был. Так что я (*Витя, не дослушав, уходит*)... э, э, погоди!

Витя уходит. Идет мимо домов, мимо окон, мимо мешков, сложенных стеной. Город заканчивается, он идет, все идет, уже по полю идет, уже по лесу идет. Слышит чье-то частое дыхание где-то сзади. Хххх-хххх-хххх. Витя останавливается.

В и т я . Кто здесь?

Дыхание не слышно – Витя идет дальше. Хххх-хххх-хххх.

В и т я . А ну, выходи!

Из-за дерева выходит Пёс.

В и т я . Я же сказал, что тебя с собой не возьму.

Пёс. А я и не с тобой иду. Я сам по себе иду.

В и т я . Ага, конечно. И куда же ты направляешься?

Пёс. В другой город иду, в цирк иду.

В и т я . Ну-ка, повтори! Это я в другой город, в цирк.

Пёс. Вот и замечательно. Вместе пойдем. Вместе веселее. Мы ведь друзья, а? Меня Кешей звать.

В и т я . Нет, мы не пойдем вместе. Еще чего...

Пёс. Ну почему?

Витя задумывается.

В и т я . Имя у тебя дурацкое, птичье. У нас в цирке так каждого второго попугая зовут.

Витя идет дальше, Кеша остается, он обиделся. Витя идет по лесу, снег под ним скрипит. Вдруг земля расступается, Витя летит вниз и оказывается в яме.

В и т я . Приехали. (*Витя трогает лапу – лапа болит, Витя поскуливает, соображает, что делать, долго сидит, потом поднимает*

ется, вытягивает голову вверх, понимает, что выбраться самому не получится.) Ээ, как там тебя?

Кеша. Кеша.

Витя. О! Давай, помоги мне!

Кеша. Правда? А мы дружить тогда будем?

Витя. Я что тебе — из ямы должен в любви признаваться? Вытаскивай меня. Палку сюда спусти.

Кеша исчезает, появляется с палкой.

Кеша. Такая пойдет?

Витя. Спускай ее сюда.

Кеша. Нет, ты сначала скажи, друзья мы с тобой или нет?

Витя. Ну.

Кеша. Вот. Вытаскивать?

Витя. Давай уже, давай.

Кеша спускает палку. Останавливается.

Кеша. Постой. А какое у меня имя, ты сказал?

Витя. Какое?

Кеша. Птичье, ты сказал.

Витя. Я? Да никакое и не птичье совсем, нормальное собачье имя.

Кеша. А какое? Назови!

Витя. Кеша, что ли? Кеша.

Кеша. Я не расслышал.

Витя (*кричит*). Кеша!

Кеша. А тебя как зовут?

Витя. Витя.

Кеша. Витя. А Витя и Кеша кто?

Витя. Кто?

Кеша. Дру... ну?

Витя не отвечает.

Кеша. Ладно, я пошел, пока.

В и т я . Стой.

К е ш а . Витя и Кеша — дру...

В и т я . Витя и Кеша — друзья.

Спускает палку, Витя хватается за палку. Кеша тащит.

К е ш а . Ну вот, у меня теперь есть друг, мы с ним пойдём в цирк, мы будем теперь вместе всегда и никогда теперь не расстанемся.

Витя выбирается на землю и неожиданно для Кеши бежит прочь.

К е ш а . Куда же ты, друг? Друг, стой! Друг! Друг!

Витя выбегает на опушку леса, он еле живой, лапа болит. Сил идти дальше совсем не осталось. Витя уже почти остановился, и вдруг видит огромное темное пятно. А на краю пятна дом. А рядом с домом — сарай. Витя собирает последние силы и идет к дому. Где-то далеко раздаются взрывы.

5

Утро. Сарай. В сарае холодно. В потолке щель, через которую, если встать прямо под ней, то снег на тебя будет падать. Катя и Гусятников лежат в углу, зарылись в старые тряпки. Катя открывает глаза, осматривается и замечает незнакомца. Он лежит прямо посреди сарая, под щелью, засыпанный снегом. На незнакомца падает свет. Кате кажется, что незнакомец весь сияет.

Катя аккуратно толкает Гусятникова в бок. Тот не просыпается. Она снимает с себя его крыло, он поджимает крыло, продолжает спать. Катя попластунски ползет к спящему незнакомцу. Гусятников начинает замерзать без Кати, расправляет крыло, подтаскивает Катю к себе. Обнимает.

Катя (*громким шепотом, пытаясь вырваться из крепких объятий*). Гусятников. Гусятников!

Гусятников не реагирует. Ему снится какой-то очень приятный сон.

К а т я . Подъем, Гусятников! (*Катя шепчет что-то на ухо Гусятникову.*)

Г у с я т н и к о в (*подскакивая*). Из кого суп? Меня в суп? Гусятникова? За что? Я невкусный.

К а т я . Да тссс, ты. Смотри, изменилось.

Гусятников смотрит на незнакомца. В это время солнце, видимо, скрылось, и Гусятникову незнакомец не показался таким уж сияющим. Катя указывает ему на незнакомца. Гусятников поднимает голову, внимательно всматривается в спящего. Катя по-пластунски, а Гусятников на полусогнутых двигаются к незнакомцу. Подползают совсем близко. Незнакомец открывает глаза и видит склонившиеся над собой две головы: одну серую с кривыми короткими рогами и вытянутыми вдоль глаз зрачками, другую в форме кирпичика, с характерным прищуром и приподнятой бровью.

Н е з н а к о м е ц . Хадзимэмаситэ, ёросику о-нэгаи симас.

Гусятников молчит и хлопает глазами. Они с Катей переглядываются.

Г у с я т н и к о в (*Кате*). Он калмык.

К а т я . Почему калмык?

Г у с я т н и к о в (*незнакомцу*). Ты калмык?

Н е з н а к о м е ц . Я артист Госцирка.

Г у с я т н и к о в (*Кате*). Он калмык.

Незнакомец, вылезает из сугроба, держа в лапах маленький дорожный чемоданчик, отряхивается. Пытается двигаться, проверяет, как лапа. Лапа болит – незнакомец прихрамывает. Замечает, что Катя и Гусятников смотрят на него внимательно. Старается прихрамывать меньше. Он вынимает из чемоданчика шарманку, заводит, ставит, звучит «Рио-Рита». Достает мячики, приподнимается на здоровой лапе, жонглирует. Гусятников и Катя смотрят с удивлением, хлопают глазами. Незнакомец подбрасывает мячи выше, они даже вылетают через щель в потолке на улицу. Катя и Гусятников смотрят вверх. Ждут, когда мячики упадут, но они не падают. Гусятников и Катя с удивлением смотрят на незнакомца. Вдруг один из мячиков появляется из рта

незнакомца. Другой мячик незнакомец находит за ухом у Кати. Катя смеется, Гусятников смотрит с недоверием. Тогда незнакомец протягивает лапу к Гусятникову и третий мячик вынимает из-под крыла Гусятникова. Закончив, незнакомец фыркает, садится.

К а т я . Чудо-чудо-чудо.

Г у с я т н и к о в (*подойдя к незнакомцу ближе и протягивая крыло*). Ээ, Гусятников.

Н е з н а к о м е ц (*деловито жмет крыло*). Витя.

Гусятников садится рядом с Витей. Катя, не сводя глаз с Вити, тоже присаживается рядом. Витя трогает больную лапку.

В и т я . Дальше идти нельзя. Не прогоните? Рану залижу и дальше тогда.

К а т я . Рана?

Г у с я т н и к о в . Кто ранен? Немедленно. Так, сюда. Сюда-сюда его! Немедленно!

Катя и Гусятников хватают Витю, волокут его в уголок, укладывают.

В и т я . Что вы? Зачем это всё? Вот этого не надо!

К а т я . Лежать и не говорить.

Г у с я т н и к о в (*роется в куче*). Где же? Где? Вот! Нашел! (*Бежит к Вите, радостный*.)

В и т я . Что это?

Г у с я т н и к о в . Что это? Это лопух называется. Сам сушил.

Гусятников прикладывает лопух к Витиной больной лапе. Витя вырывается. Катя держит его.

В и т я . Не надо лопух. Тут зеленкой надо. Аркаша всегда мне зеленкой мазал. Прекратите немедленно!

Катя заматывает рану, накрытую лопухом, веревкой. Гусятников укутывает Витю в теплую тряпку. Витя лежит, пошевелиться не может.

Г у с я т н и к о в . Я еще в чемодан положил, пригодится.

В и т я . Что? У меня там реквизит. А этот ваш лопух воняет. Уберите!

Г у с я т н и к о в . Конечно, воняет. Я его... не холодный же прикладывать.

Витя закатывает глаза. Лежит молча. Катя и Гусятников сидят рядышком.

К а т я . Вы такой замечательный. И ваши эти шарики. А куда вы направляетесь, если не секрет?

В и т я . Иду искать цирк. Артисту, как вы понимаете, без цирка нельзя. Форму можно потерять (*Катя утвердительно кивает головой, смотрит на Витю с восторгом, Витя осматривается*). А вы, значит, здесь обитаете..?

Г у с я т н и к о в . Тут у нас банки, а вот тут у нас склянки, а здесь тряпье всякое, ло-пу-хи опять же. Не богато, но нам с Катюшей, когда мы вместе, ничего и не нужно, и не страшно ничего.

Раздается громкий звук. Бах-бах-бах. Гусятников (впереди всех), Катя и Витя бегут в угол, прижимаются друг к другу. Шум прекращается.

К а т я . Скажите, Витя, а что там за шум? Что там на станции все время гремит? Бах-бах-бах?

В и т я . Война, братцы, война.

Г у с я т н и к о в . Во-йна.

К а т я . Вой-на. То есть вой-на?

Г у с я т н и к о в (*Кате*). Вот видишь, и никакая не ксалила, и не берра, поняла? А вой-на.

Г у с я т н и к о в . На вой.

К а т я . А что такое вой-на?

В и т я . Война — это война. Понятно?

К а т я . Понятно. Вой-на — это на-вой. А что такое все-таки война?

Г у с я т н и к о в . Когда стало шуметь, стало холодно.

К а т я . Когда бах-бах-бах, и похлебка не каждый день.

В и т я (*тихонько*). Когда...

К а т я . Стало греметь и все изменилось (*осматривается во-круг*). И я (*смотрит на свое отражение в старом ведре*). Когда-то я была молодой и красивой козочкой. И мечтала о настоящей большой любви.

Г у с я т н и к о в (*укрывает Катю своим облезлым тусклым крылом*). А-а теперь что же?

К а т я . А теперь, где теперь ее найдешь, большую любовь для маленькой козочки?

К а т я смотрит на Витю. Гусятников вздыхает.

Открывается дверь. С улицы задувает. Показываются красные от мороза, худые, даже когтявые руки. Руки держат миску с чем-то полупрозрачным, с чем-то белесым. Гусятников и Катя бегут к двери, улыбаются кому-то. Витя пятится назад, прячется. Руки ставят миску на пол у входа. Одна рука протягивается и медленно гладит Катину голову, затем указательный и средний пальцы одной из рук почесывают шею Гусятникова. Витя вылезает из-под тряпки, прихрамывая, идет навстречу рукам. Руки осторожно протягиваются в Витину сторону, чешут его за ухом. Витя поскуливает от удовольствия. Руки исчезают, дверь закрывается.

Гусятников, Катя и Витя стоят у миски, смотрят в нее.

В и т я . Ин-те-рес-но.

В миске надувается пузырь, лопается. Все трое морщатся. Гусятников и Катя идут в центр сарая, становятся под щель, через которую падают снежинки. Катя высовывает навстречу снежинке язык, ловит и глотает ее, зажмуривая от удовольствия глаза. Ей представляется, как будто с неба падает не снежинка, а свежайший дубовый листик.

Гусятников, глядя на Катю, морщится, фыркает, листья — это, конечно, не еда. Вот червяки, это да. Он открывает клюв пошире и видит, как с неба медленно спускается жирный дождевой червяк, медленно-медленно, как это умеет делать только снег. Червяк опускается на язык Гусятникова и преступно тает, превращаясь в холодную лужицу. Витя, посмотрев недолго на Гусятникова и Катю, встает рядом с ними и, широко раскрыв рот, ловит по очереди все блюда, представленные в меню одного из советских цирков за июнь 1941 года.

Г у с я т н и к о в (*Вите*). Ну как?

*Он открывает клюв пошире и видит, как с неба
медленно спускается жирный дождевой червяк,
медленно-медленно, как это умеет делать только снег*

В и т я . На вкус, как снег. И лапша, и говядина отварная, и гречневая каша со сливочным маслом, и кулебяки с рисом и визигой (*глотает слюну*), и даже клюквенный кисель. Все, что по пятницам в нашей столовке, в цирке, подавали, все отдает снегом.

К а т я (*пережевывает свежайший дубовый листик*). И правда, снег.

Г у с я т н и к о в (*глотая жирного дождевого червя*). Снег. А ведь есть же где-нибудь на земле место, где с неба падают жирные дождевые червяки. Или листья всякие. Или... что ты там говорил?

В и т я . Куле-бя-ки. С ви-зи-гой. Ага.

Г у с я т н и к о в . Кому что нравится, тому то и падает. Прямо в рот. А?

К а т я . Не выдумывай.

В и т я . Нет, такого нет...

Г у с я т н и к о в . А вот и есть!

К а т я . Ну, и как оно выглядит?

Г у с я т н и к о в (*осматривается, замечает обрывок старого журнала с цветной картинкой*). Там, это, домик с соломенной шляпкой. И дети... Черные дети.

К а т я . Черные дети? А разве такие бывают?

В и т я . Еще как бывают. Негритята называются.

Г у с я т н и к о в . Такие толстые и веселые черные дети. Они смеются, они танцуют вокруг (*смотрит на картинку, рассматривает пальму*) березы, что ли, только это не такая береза, ну, не как наша, а пожелтее, и как будто перьями вся покрыта, и у нее сверху огромные листья.

В и т я . Как фикусы?

Г у с я т н и к о в . Чего-чего?

В и т я . Как лопухи?

Г у с я т н и к о в . Нет, еще больше.

К а т я . Странная береза.

Г у с я т н и к о в . Замечательная береза. Вот бы туда. Далеко это, наверно.

К а т я . С Лысой горки не видать.

Г у с я т н и к о в . А может, пойти, а? Пойти-найти. Через поле пойдем. Через лес пойдем. А в лесу волки. А за лесом там

болото. Ночка бабки Ньюры рассказывала, помнишь? Пропадем. Да и куда мне? Старый, больной гусь. Сиди, Гусятников, в своем сарае, не вылазь.

Витя. Но надо что-то делать. Скажите, а где у вас тут люди? Есть у вас тут зрители?

Катя. Люди есть только на станции.

Витя. На станции? А что они делают на станции?

Гусятников. Они едут мимо.

Катя. А у нас останавливаются. Сначала чух-чух.

Гусятников. Гудок. Уууууу (*орет, имитирует звук гудка, из ушей у него валит дым*).

Катя. Чччччччччччч (*имитирует звук останавливающегося поезда*). Потом тишина. Не долго. А потом снова чух-чух-чух.

Витя (*трогает большую лапку*). Ой. А это далеко?

Катя. Это совсем близко.

Витя. Гениально! Это спасение! Надо немедленно отправиться на станцию, заработать и поесть как следует.

Катя. Ура! Ура! Ура! Теперь мы не пропадем! У нас теперь есть... друг!

При слове «друг» шерсть Вити встала дыбом. Гусятников и Катя прыгают от радости.

Катя и Гусятников. Мы не пропадем! Витя – наш друг!
Витя – наш друг! Друг! Друг! Друг!

Витя с удивлением на них смотрит.

Витя. Ну вот что, мне пора.

Гусятников и Катя останавливаются, смотрят на Витю вопросительно.

Витя. Я пойду на станцию, Я заработаю, и Я поем как следует.

Катя. А как же мы?

Гусятников. А как же наша дружба?

Витя. Какая дружба? А есть она – дружба? Покажи мне ее! Давай мне ее сюда.

Гусятников. Вот. Я и Катя. Мы друзья.

Витя. Уверен?

Гусятников. Что? Да как ты... Да ка... Катись отсюда. Проваливай из нашего сарая!

Витя. Хочу и не провалю. А что вы сделаете?

Витя срывает с лапки лопух, уходит. Катя и Гусятников провожают его взглядом.

Катя. Пусть только попробует вернуться! Мы же его ведь не пустишь?

Гусятников. А правда, что мы сделаем? Что мы можем? Я – старый больной гусь. А он... сама видела, что он с шариками вытворял (*ищет шарик у себя под крылом*).

6

Поезд. На фоне вагона лица солдат. Много лиц. Много-много. Обветренные губы. Папироса. Улыбка. Голубые глаза. Выцветшие брови. Смеющийся рот. Ряд зубов – одного нет. Витя нацепил свою шляпу и, стоя на здоровой лапе, жонглирует. Из шарманки звучит «Рио-Рита». Витя снимает шляпу. Идет с ней. Рука кладет в шляпку патрон. Витя достает патрон, обнюхивает, рассматривает, кладет обратно. Водит над шляпой лапами, достает оттуда цветок, рука забирает цветок. Другие руки кладут в шляпу гранаты, штыки от винтовок. Витя рассматривает предметы, кладет их в шляпу, достает из шляпы цветы. Поезд едет. Руки с цветами уезжают. Витя бежит за поездом, руки бросают в Витину шляпу еду.

7

Сарай. Вечер. Сквозь щель в потолке видны огромные звезды. Посреди сарая разложена газетка. На газетке остатки еды, пустые консервные банки, хлеб. Рядом сидит Витя, он вылизывает банку, причмокивает. Гусятников и Катя сидят в уголке. Гусятников отвернулся, ему противно. Катя смотрит на Витю голодным взглядом. Витя замечает взгляд Кати.

В и т я (*Каме*). Тут еще осталось. Я наелся. Если желаете...

К а т я подходит, собирается взять кусок хлеба.

В и т я . Маленькая просьба. На меня снег падает. Не могли бы вы...

К а т я . Да-да, конечно...

Она берет старые тряпки, разбросанные по сараю, подходит к двери, выглядывает, слышны взрывы, Катя резко закрывает дверь.

К а т я . Ойй!

Оборачивается, смотрит на еду, опять открывает дверь, выглядывает, очень медленно, дрожа, выходит за дверь... Гусятников косится из угла на Витю.

В и т я . Гусятников, ты говорил, что дружба существует, да? Г у с я т н и к о в . Да, говорил. Говорил. И это так оно и есть!

В и т я . А хочешь, я докажу тебе, Гусятников, что нет никакой дружбы?

К а т я , закрыв щель, бегом возвращается в сарай.

В и т я . Смотри, Гусятников! (*Каме*.) Не желаете ли угоститься теперь?

К а т я подбегает к еде. Берет кусочек хлеба, собирается положить его в рот.

В и т я . А вы не думаете, что ваш друг, тот, что в уголке пристроился, что он так же голоден, как и вы?

К а т я кладет кусочек хлеба на место. Смотрит на Гусятникова. Потом на кусочек хлеба.

К а т я . Так, может быть, мы вместе, мы напополам? Да, Гусятников?

В и т я . Э, не, так дело не пойдет. Он на меня катись-прова-
ливай. Мысли на меня злые думает. А я ему хлеб свой отдавать
должен? Нет, хотите, сами угощайтесь. Тут я не возражаю.

К а т я . Катя смотрит на Гусятникова, на хлеб, на Гусятникова, на хлеб.

К а т я . Я только кусочек.

Катя съедает кусочек хлеба. Потом другой, третий, вылизывает бан-
ку. Гусятников закрывает глаза, чтобы не смотреть на это. Витя под-
зывает Катю к себе, что-то негромко ей рассказывает. Она смеется.
Долго он ей что-то такое шепчет, очень уж смешное. Слышны обрыв-
ки фраз.

В и т я . Это называется фокус...

К а т я . Вы на станции фокусы показывали?

В и т я . Давай на «ты»? Никогда не любил...

К а т я . Сколько занимательных фокусов ты... вы... знаешь...
знаете...

Ха-ха-ха...

В и т я . Занимательных... в сущности, простой парень...

К а т я . Сама скромность...

В и т я . Клоун должен белить свое лицо, чтобы его могуще-
ственные противники не заметили, как он бледнеет...

Ах-ах-ах...

Гусятников закатывает глаза.

В и т я . Вы поете? Спойте.

К а т я . Спеть? Пластинки по воскресеньям. Сельская моло-
дежь.

Звучит граммофон. Катя поет песню Петра Лещенко «Моя Марусеч-
ка». Витя засыпает. Катя подходит к Гусятникову, расталкивает его,
дает ему поесть.

8

Утро. Витя просыпается. Ему холодно. Он весь дрожит. Видит Катю и Гусятникова. Они лежат, обнявшись. Витя смотрит на них. Встает, прохаживается по сараю, наступает на ногу — вроде не болит. Задумывается. Еще раз смотрит на Катю и Гусятникова. Берет чемоданчик и уходит.

9

Вечер. Дорога. С одной стороны от дороги поле, с другой — лес. Витя с чемоданчиком идет по дороге. Хххх-ххх-ххх. Останавливается. Прислушивается.

В и т я . Кто здесь?

Не отвечают. Идет дальше. Хххх-ххх-ххх.

В и т я . А ну, выходи!

Из леса выходит Кеша.

К е ш а . А я думаю, ты — не ты. Сначала за фрица тебя принял.

В и т я . За кого?

К е ш а (*смеется*). Ну, здорово! Ты чего тогда утек-то? А может, и хорошо, что я с тобой не пошел. Я теперь, знаешь, я кое-что теперь понимаю.

В и т я . И про фронт?

К е ш а . А как же?

В и т я . И про *геройствомужество*?

К е ш а . И про геройство, и про мужество.

В и т я . Ну и что это?

К е ш а . Так в двух словах не расскажешь. Хочешь сам увидеть?

В и т я . Хочу. (Пауза.) Только мне в цирк надо.

К е ш а . Так хочешь про геройство и мужество или в цирк? (Витя не отвечает.) Ну, как хочешь. У меня и у самого дела, я тут, думаешь, просто так? Не, брат, у меня тут пункт наблюдательный. Ну, бывай!

Кеша идет в сторону леса.

В и т я . Погоди! Я с тобой.

Они заходят в лес, идут по тропинке.

К е ш а . Я, это, спросить хотел, вот ты тогда сказал, у каждого второго попугая имя, как у меня, а у каждого первого какое? Мучает меня этот вопрос. Понимаешь, спать стал плохо, чешусь.

Выходят на поляну. На поляне костер горит. Уже темно. Лица солдат освещаются светом от костра. Витя и Кеша садятся к костру. Тихо. Никто не разговаривает.

В и т я . Что это они?

К е ш а . А, это? Завтра на задание. На очень опасное задание, понимаешь? А тут еще почта запаздывает. Ведь для солдата что главное? Письма из дома вовремя получать. А тут, брат, вот какая штука. На задание.

Витя выходит в круг, достает из чемоданчика шляпу, из темноты появляются руки, руки опускают в Витину шляпу слезинки. Витя достает несколько слезинок из шляпы, трогает их, даже на вкус пробует, морщится, кладет обратно. Подбрасывает шляпу вверх, и из нее высыплются треугольники писем. Руки выхватывают письма и забирают их с собой в темноту.

Первый голос из темноты. «Дорогой папа! Мы пишем тебе не из нашего родного Лебяжьего, а из Ивановской области. Здесь я и Коля вместе находимся в детском доме. Ты о нас, папочка, не беспокойся и не волнуйся. Нам тут все дают,

кормят, одевают, тут река совсем близко и местность очень красивая. Я учусь в пятом классе и получаю хорошие отметки. Мы тебе уже писали, папочка, о нашем горе: немец бросал на наше Лебяжье много, много бомб и убил нашу мамочку и братика Лёню. Передай от меня и Коли, от ребят нашего детского дома, у которых Гитлер-зверь также убил мам и пап, привет своим боевым товарищам. Пусть они все дерутся с фашистами, как герои, не дают им пощады. Твоя дочка Люся.

Здравствуй, папа. Мы живем на втором этаже. У меня пропали носки. Я съел сухари и ириски. Отошли мне ответ. Мне скучно. Твой сын Коля». Посмотреть бы на них. Раз хоть. Всё бы отдал.

Сидят молча.

Второй голос из темноты. Пора. Выбирать будем. Кто завтра пойдет. Сынки, может сам кто вызовется?

Тишина. Долгая пауза.

Первый голос из темноты. Я пойду.

Витя. А что? Что там на этом опасном задании?

Кеша. А пес его знает. Я ведь здесь недавно. Еще не про все знаю. Знаю только, что оттуда не возвращаются.

Витя. Как же, как же это он? Сам?

Кеша. Это и есть, брат, геройство и мужество. Понимаешь?

Лица солдат. Лицо одного солдата пропадает в темноте. Витя достает из чемоданчика брызгалки, выпускает струи слёз.

10

Станция. Витя и Кеша идут по платформе.

Кеша. Вот, Витя, ты сейчас в поезд сядешь, и езжай до самой конечной станции. На этой станции большой город. Мои говорят, там все есть. И цирк там тоже должен быть.

Вдалеке показывается морда поезда с обледеневшими усами.

Кеша. Ну, прощай. Другом не называю, еще сбежишь.

Витя. Прощай. Спасибо тебе.

Кеша. Да что там. Пустяки.

Витя уходит.

Витя (*возвращается*). Послушай, я тут ночью все думал, ну, про задание про это. Ну, про опасное.

Кеша. Ну? И чего надумал?

Витя. Не пойму я что-то. Что это за задание такое? Он к детям хотел, а сам на задание.

Кеша. И?

Витя. Да нет, я так чего-то...

Кеша. Э, брат. Не отпускает? Так ты, знаешь, найди его, Аркашу-то своего, да сам у него спроси, чего он от тебя ушел. Измучился ведь весь. Чего ты? Нюх позволяет. Поезд на фронт вечером идет.

Поезд с надписью «Большой город» подъезжает к платформе. Останавливается.

Витя. Мне пора.

Витя забирается в вагон. Кеша уходит.

11

Та же платформа. Вечер. На единственной скамейке сидит Витя с чемоданчиком. Платформу снегом засыпало. И сейчас снег идет. Фонарик горит. На платформе появляются Гусятников (шею шарфом замотал) и Катя. Идут к скамейке. Садятся рядом с Витей. Катя поглядывает на Витю. Гусятников — ни-ни.

К а т я (*Вите*). Когда поезд, не подскажете?

Гусятников дергает Катю за лапу.

К а т я (*Гусятникову. Шепотом*). Я спросить только.

В и т я . Вечером.

Молчат.

К а т я . А куда поезд идет, не подскажете?

В и т я . На фронт.

Молчат.

В и т я . Метет.

К а т я . А?

В и т я . Снег, говорю. Дома надо сидеть в такую погоду. Чего шатаетесь?

К а т я . Руки. Руки... не было утром, днем не было, ждали-ждали. В дом зашли, а там...

Г у с я т н и к о в (*злится*). Все рассказала? (*Затягивает шарф на шею, причитает.*) Бедный, бедный, старый, больной гусь. Всё болит, всё...

В и т я . У нас так у одного слона было. Тоже все болело. И по ночам он еще задыхался.

Г у с я т н и к о в . Я не вам это говорю.

Долго молчат.

Г у с я т н и к о в . И?

В и т я . Что?

Г у с я т н и к о в . Что со слонем-то с этим?

В и т я . С каким слонем? А, с этим. Ну, что, по врачам бегал. Всех специалистов обошел. Все говорили, что у слона здоровье как у быка. А он задыхался. Никому спать не давал.

Г у с я т н и к о в . И что же? Прошло?

В и т я . Сдох.

Гусятников (*кипятится*). Ах ты...
Витя. Сам ты...
Гусятников. Задавала. Пустышка.
Витя. Хрипун недобитый.
Гусятников. Шавка с шариками.
Витя. Нытика кусок.
Гусятников (*думает, что сказать, раздувается*). Ты... ты...
ты. А у тебя друзей нет!

Витя не отвечает. Долгое молчание.

Витя. Он меня из корзинки достал, да... и к лицу поднес. Вот так. Близко очень. Я испугался. Аркашино лицо было белым, как сахарная косточка, глаза были обведены черным, на голове у него был вместо волос мохнатый парик. Я задрожал, а Аркаша посмотрел на меня, ласково так, и сказал: «Ну что, приятель?» Он сказал «приятель». Он сказал, а я его в нос лизнул. Не знаю, чего это я. Лизнул, да. На носу у Аркаши появилось розовое пятно, а я почувствовал вкус мела. Я испугался, я нарушил белое. Аркаша посмотрел на меня внимательно, нацепил на нос маленький шарик и... рассмеялся. Он смеялся, а мой хвост начал вилять. Он вилял так быстро, что мог отвалиться.

Катя и Гусятников оглядываются назад, чтобы проверить, на месте ли
Витин хвост.

Катя. Я поняла, этот Аркаша твой друг, да?

Витя не отвечает.

Катя. А сейчас он где?
Витя. Ушел... на фронт.
Катя. А почему он тебя с собой не взял? На фронт на этот?
Витя. Потому что он плохой человек.
Катя. Погодите, но ведь поезд тоже идет на фронт, значит, ты едешь искать плохого человека?

Подходит поезд с надписью «На фронт». Витя встает, идет к поезду.
Катя и Гусятников переглядываются. Идут за ним.

Гусятников. Мы идем с тобой!
Катя. Мы идем искать плохого человека!

Забираются в поезд, поезд уезжает.

12

Утро. Поле. Бегущие ноги. Крик. Дыхание вокруг. Витя с чемоданчиком в зубах, Катя и Гусятников тоже бегут среди ног. Тоже орут. Тоже дышат. Дым, бах-бах-бах.

Витя. Аркашу не видели?
Гусятников. Мы ищем Аркашу.
Катя. Мы ищем плохого человека.
Гусятников. Это и есть война?
Катя. Больше похоже на берру.
Гусятников. Нас не замечают. Давайте тоже делать бах-бах-бах?
Катя. А как? У нас нет таких трубочек.

Гусятников смотрит на стреляющих солдат, пытается подражать звуку стрельбы, плюется. Катя и Витя повторяют за ним. Они бегут и плюются.

Голос. Смотрите, смотрите. Звери. Маленькие звери.
Другой голос. Да уж, маленькие звери на большой войне.
Что они делают?

Катя. А куда мы бежим?
Витя. Туда же, куда и все.
Гусятников. А куда все?
Витя. Кажется, туда.
Катя. А что там?

Гусятников. Там бах-бах-бах.

Катя. А зачем бежать туда, где бах-бах-бах?

Витя. Не знаю.

Бегут-бегут.

Катя. Смотрите.

Видят, как ноги подкашиваются и человек падает. Он медленно опускается на землю. Его видно целиком. Видно не отдельно: лицо, или руки, или ноги. Его всего видно. Всего целиком. Он умирает. Катя, Витя и Гусятников останавливаются у его лица, смотрят.

Солдатик (*улыбаясь*). А, маленькие звери на большой войне. Что вы здесь делаете? Это не ваша война. Я же говорил. Раз, и всё.

Солдатик закрывает глаза.

Гусятников. И всё?

Катя и Гусятников уходят. Витя задерживается, продолжает смотреть на солдатака.

Витя. Умри.

Витя ставит свой чемоданчик, ложится возле солдатака. Пытается принять ту же позу, что и солдатик. Витя лежит, как убитый.

Витя. Отомри (*встает, смотрит на солдатака, тот не отмирает, Витя опять ложится*). Отомри! (*Витя опять встает, а солдатик нет, Витя ложится*). Отомри!

Витя встает, а солдатик нет, Витя трогает солдатака носом, пытается его поднять, поднимает ему руки — руки падают на землю, солдатик не встает. Витя забирает чемоданчик, бежит дальше, пытается догнать Катю и Гусятникова. Оборачивается, чтобы посмотреть на солдатака — вдруг встал. Не встал. Витя бежит. Грохот, дым, дыхание вокруг. Витя оглядывается по сторонам, рядом уже никого, ноги не бегут

А, маленькие звери на большой войне. Что вы здесь делаете? Это не ваша война. Я же говорил. Раз, и всё

рядом. Как-то даже тихо рядом. Витя поднимает голову вверх и видит,
как что-то темное его накрывает.

13

Три мешка падают на пол. Из одного мешка аккуратно выползает Витя с чемоданчиком в зубах. Витя оказывается в просторном, светлом помещении. Слышен чей-то смех. Три пары ботинок, ботинки топчутся на месте. Голоса переговариваются на непонятном языке. Появляется рука, указательный палец руки показывает на мешок, из которого вылезает Катя. У Кати на боку красное. Она делает несколько шагов и падает. Смех. Другой мешок начинает активно шевелиться, из него выпадает Гусятников. Гусятников мечется по комнате. Руки показывают на Гусятникова, смех.

Г о л о с . Ганс! Ганс! Ганс! Ком цу мир.

Руки подхватывают Гусятникова, забирают его куда-то наверх. Катя поднимает голову.

К а т я . Гусятников.

Г о л о с (*передразнивает Катю*). Беее. Эс вэрэ зупер дизэс цигляйн цу мелькен.

Хохот. Руки с кружкой приближаются к Кате, доят ее. Молока нет.
Пинок. Хохот.

Г у с я т н и к о в (*сверху*). Ка-ка-катиюша.

Г о л о с а . Млеко, млеко. Ко-ро-шо.

Пара ботинок двигается к Вите. Витя рычит. Пятится назад. Руки хватают его за холку, сажают обратно в мешок. Витя наблюдает из мешка. Мешок поднимается вверх, вешается на крючок. Теперь Вите видны не ноги, а лица. Стол. На столе разделочная доска, нож. На доске лежит Гусятников. Он прижат к доске руками. Гусятников дергается, видит над собой огромный нож, а чуть повыше толстое, обтянутое красной

бугристой кожей лицо. Лицо оскаливается. Глаза блестят. Руки отпускают Гусятникова. Он приподнимается, встает на лапки, развязывает клювом шарфик, кладет шарфик рядом, опускается, вытягивает свою длинную шею вдоль доски.

Г у с я т н и к о в . Раз, и всё.

Нож приближается. Гусятников зажмуривается. Гусятников уже почувствовал холодное на своей шее.

Г о л о с . Млеко, млеко. Корошо. (*Звук удара, смех.*)

Пауза. Гусятников вскакивает, гогочет, спрыгивает со стола, три пары ног гонятся за ним. Они бегают вокруг стола, Гусятников подбегает к ногам сзади и кусает их. Крик.

Г у с я т н и к о в . Это моя война.

Человек с лицом. Ганс, Ганс!

Г у с я т н и к о в . Я вам не Ганс, Гусятников я.

Гусятников оборачивается на бегу, плюется.

Г у с я т н и к о в . Бах-бах-бах. Спасайтесь, я их отвлеку.

Гусятников выбегает из комнаты. Ноги выбегают за ним. Витя ворочается в мешке, пытается выбраться. У него не получается. Катя встает, ей тяжело. Она подходит к мешку, поднимается на задние лапки, упирается передними в стену. Раскачивает мешок. Слышны шаги за дверью. Катя раскачивает мешок, старается изо всех сил. Шаги слышны совсем близко. Раскачивает еще. Мешок падает на пол. Витя и Катя бегут к окну. Витя пытается открыть окно, не получается, еще и еще пытается. В комнату врывается Гусятников. Гусятников бежит тоже к окну. Врезается в оконное стекло, оно разбивается. Гусятников вылетает на улицу. В комнате появляются ноги, бегут к окну. Витя и Катя выпрыгивают. Витя, Катя и Гусятников бегут по дороге. Слышен звук приближающейся машины, выстрелы.

Г о л о с а (*кричат*). Хендэ хох (*хохот*).

Витя, Катя и Гусятников останавливаются. Оборачиваются. Видят яркий свет и три винтовки, направленные на них. Слышат смех.

К а т я . И того из трубочки.

Г у с я т н и к о в . Раз, и всё.

В и т я . Умри без отомри? Зачем я вам? Мне надо идти, мне надо выяснить одну важную вещь.

Одна из винтовок стреляет вверх. Очень громко.

В и т я . Из меня не сварить суп, и молока у меня нет.

Г о л о с (*хохочет, передразнивает Витю*). Гав-гав-гав-гав.

Г у с я т н и к о в (*Вите*). Ты правда должен идти. И ты, Катюша, иди с ним. Я сделаю шаг вперед, распушусь, замашу крыльями. Там, сзади вон, куст, спрячьтесь за него, а дальше туда утекайте, в лес бегите.

В и т я . Отличный план.

К а т я (*Гусятникову*). Да-да-да! Постой-ка, а ты?

Г у с я т н и к о в . Я же сказал. Я сделаю шаг вперед, распушусь, замашу. Шаг-пух-взмах. Шаг...

Катя смотрит на Гусятникова. Винтовки смотрят на них. Хохот. Из света появляется фотоаппарат, фотографирует сцену на дороге. Смех.

В и т я . Ну, всё. (*Кате*.) Идешь?

Катя смотрит на Витю, на Гусятникова, на Витю, на Гусятникова. Катя не идет за Витей. Стоит рядом с Гусятниковым.

Г у с я т н и к о в . Какая глупость! А как же большая любовь для маленькой козочки, помнишь? Ты должна ее найти. А за меня, пожалуйста, не беспокойся. Мне не страшно. Гусятников больше не больной, старый, бесполезный гусь, не нытика кусок и не хрипун недобитый. Пора-пора. Эти черные трубочки сейчас опять будут греметь.

В и т я (*Кате*). Идем скорее.

К а т я . Иди один. Мы тебя прикроем. Иди и найди плохого человека.

Гусятников раскрывает крылья, делает шаг вперед. Катя тоже делает шаг вперед. Из света слышен хохот. Витя стоит на месте.

Гусятников. Давай же, давай, мотай отсюда. Вон куст. Раз, и всё.

Витя стоит на месте, смотрит на Катю и Гусятникова. Долго смотрит. Потом смотрит на свой нос и замечает мокрое. Слизывает мокрое языком. Морщится. Трогает мокрое лапкой. Смотрит на Катю и Гусятникова. Мокрого становится больше. Капельки падают на землю.

Гусятников. Что ты, в землю, что ли, врос, болван? Беги.

Витя. Без вас не побегу. Вместе бежим.

Голос (*выстрел*). Айн.

Голос (*выстрел*). Цвай.

Раздаются два выстрела. Катя и Гусятников оказываются в милом дворике, залитом солнцем. Во дворике дом с соломенной шляпкой. Посреди дворика стоит пальма. Вокруг пальмы бегают толстые смеющиеся чернокожие дети. Они напевают песенку Петра Лещенко «Моя Марусечка». По дорожке идут Катя и Гусятников.

Гусятников. Смотри, береза с лопухами.

Катя. Какая красивая!

Катя и Гусятников смотрят наверх и видят, как с неба медленно падают жирные дождевые червяки и свежайшие дубовые листики.

Голос (*выстрел*). Драй. (*Выстрел еще.*) Драй!

Витя прыгает в кусты, убегает в лес.

14

Витя тихо бредет по дороге. Волочит за собой свой дорожный чемоданчик. Хромает. Лапа опять болит. Витя садится на краешек дороги. Трет большую лапу. Раскрывает чемоданчик. Смотрит. Достает оттуда

лопух, смотрит на него долго. Слезы его падают на лопух. Витя прикладывает его к ране. Опять смотрит в чемоданчик. Закрывает. Открывает опять. Достает стопку фотографий. Рассматривает. Вот они с Аркашей в парке, едят мороженое, а вот — после первого совместного выступления (Витя еще маленький). А это они в Японии, на гастролях. Стоят на фоне цветущей сакуры. Аркаша держит статуэтку. Металлический клоун с металлической собакой. Они тогда завоевали первый приз на международном конкурсе. На фотографии тоже падают слезы. Витя аккуратно кладет фотографии обратно в чемоданчик. Закрывает чемоданчик и убегает.

15

Весна. Город. Витя грязный, обросший и худой. Он бежит по пустым улицам. Иногда встречаются черные сапоги. Немного. Айн-цвай. Айн-цвай. Вот мотоцикл проехал. Витя бежит по следу. Бумажка падает сверху и летит по ветру. Витя гонится за бумажкой, ловит. На бумажке нарисован красный квадрат. В квадрате — белый круг, в круге — черный крест. Витя обнюхивает бумажку и бежит дальше.

Поле. Снег уже почти сошел. Витя бежит по полю. Видит столбы, обтянутые колючей проволокой. Витя бежит к столбам. Выстрел. Витя останавливается, ложится. Ползет по следу. Доползает до проволоки, смотрит. За проволокой бараки. Витя замирает-ждет. Проходит время. Шум. Появляется много ног (пыльные сапоги, обмотки, ботинки), идут. Раз-два, раз-два. Витя всматривается очень внимательно. Ноги проходят. Идет время. Витя ждет. Опять много ног. Прошли. Витя ждет. Опять и опять появляются ноги. Проходит несколько часов, а может, и несколько дней. Раз-два. Раз-два.

Г о л о с . Эй, приятель?

Витя встает, прислушивается.

Г о л о с . Приятель!

Витя идет вдоль проволоки, идет за ногами. Выстрел. Витя бежит вдоль проволоки.

Г о л о с . У м р и .

Витя продолжает бежать.

Г о л о с . У м р и .

Выстрел, Витя бежит.

Г о л о с . У м р и .

Витя падает.

к о н е ц
(п л о х о й)

Витя слышит дыхание. Хххх-ххх-ххх. Витя открывает глаза. Видит мохнатую морду, внимательно всматривающуюся в него.

В и т я (улыбается). Ке-ша.

Витя поднимается. Отряхивается. Перед ним стоит Кеша.

К е ш а . Жив?

В и т я . Кажется.

К е ш а . Дрых, значит. Пока ты тут храпака давал, мы и забор снесли, и фрицев победили.

Витя видит, как из барачков выходят ноги, много ног, ноги переступают через поваленный забор, уходят. Видит ноги, ступающие по-чарли-чаплински. Ноги приближаются. Лицо Аркаши.

А р к а ш а . Ну что, приятель?

Аркашины ноги, Витя, Кеша идут по дороге.

К е ш а . Так что там с попугаями-то?

к о н е ц
(х о р о ш и й)

Весна, 2015

Анастасия Букреева

ЧУЖОЙ

Действующие лица:

Олежа.

Маша.

Орлов.

Витя.

Даша.

Официант Коля.

Людмила Владимировна.

Муж Людмилы Владимировны.

Бабушки-активистки.

Ира и Вадим, Оля и Артем, Вика и Сережа, Таня
и Костя, Боря и Петя, Юля и Нина.

Примечание. Все ремарки озвучиваются.

Картинка 1

Кирпичная стена с граффити. Эвакуатор забирает разбитую машину. Орлов и Маша идут по тротуару. Маша равнодушно оглядывает место аварии. Орлов смотрит в смартфон.

Орлов думает: Можно ли здесь что-то делать? Ага. Всё очень удобно и хорошо. Все счастливы. Ура!

Орлов говорит: Говно. Я думал, он будет легче.

Орлов хочет: Спать.

Маша думает: Лай-лай-ла, дилайла.

Маша говорит: Третий. Два предыдущих не подходили по цвету. Ты – придурок ненормальный. За полгода уже три. Тебе некуда деньги девать? Отдай их мне.

Маша хочет: Денег.

Орлов тянет Машу в магазин. Она упирается, но вяло.

Маша думает: Орлов, сволочь, куда ты меня тащишь?

Маша говорит: Орлов, куда ты меня тащишь?

Маша хочет: Зайти в этот магазин.

Орлов думает: Смартфон Fly Sharp доступен только в салонах «Евросети», в белом и черном цветовых вариантах по цене 4990 рублей.

Орлов говорит: Пойдем, мы только посмотрим.

Орлов хочет: Купить смартфон по цене 4990.

Маша думает: Может, мне, наконец, купит Samsung Galaxy S17. Только в августе за 30 999 рублей 99 копеек. Плюс бесплатный планшет.

Маша говорит: Опять деньги некуда девать? Пошли лучше в Макдак сходим.

Маша хочет: Зайти в этот магазин.

Маша и Орлов НЕ заходят в этот магазин и идут в Макдоналдс.

Орлов думает: Интересно, они плюнули в гамбургер или нет?

Орлов говорит: Вкусная картошка.

Орлов хочет: В туалет.

Маша думает: Интересно, они плюнули или пронесло.

Маша говорит: Я просила без льда. А они его кинули.

Маша хочет: В дорогой ресторан.

Орлов думает: «Стрида SX» в «Велодрайве» стоит 28 500 рублей. Педали складываются, рама усиленная, багажная сумка в подарок. Но лучше брать Ево за тридцать девять, серую, матовую. И седло на нее поставить английское бруксовское за 4780 рублей. Лучше скорее. Потому что доллар опять растет.

Орлов говорит: Может, ролики купим?

Орлов хочет: В туалет.

Маша думает: Если котлета падает на пол, ее подбирают и кладут в гамбургер.

Маша говорит: Давай поженимся.

Маша хочет: Выйти замуж.

Орлов думает: Биг мак, макнагетс, картошка фри, сырный соус. Вот что я люблю.

Орлов говорит: Мороженку будешь?

Орлов хочет: В туалет.

Орлов уходит в туалет.

Маша думает: «Хаггис» — и ваш малыш спит спокойно.

Маша говорит: Йоптэ.

Маша хочет: Ребенка.

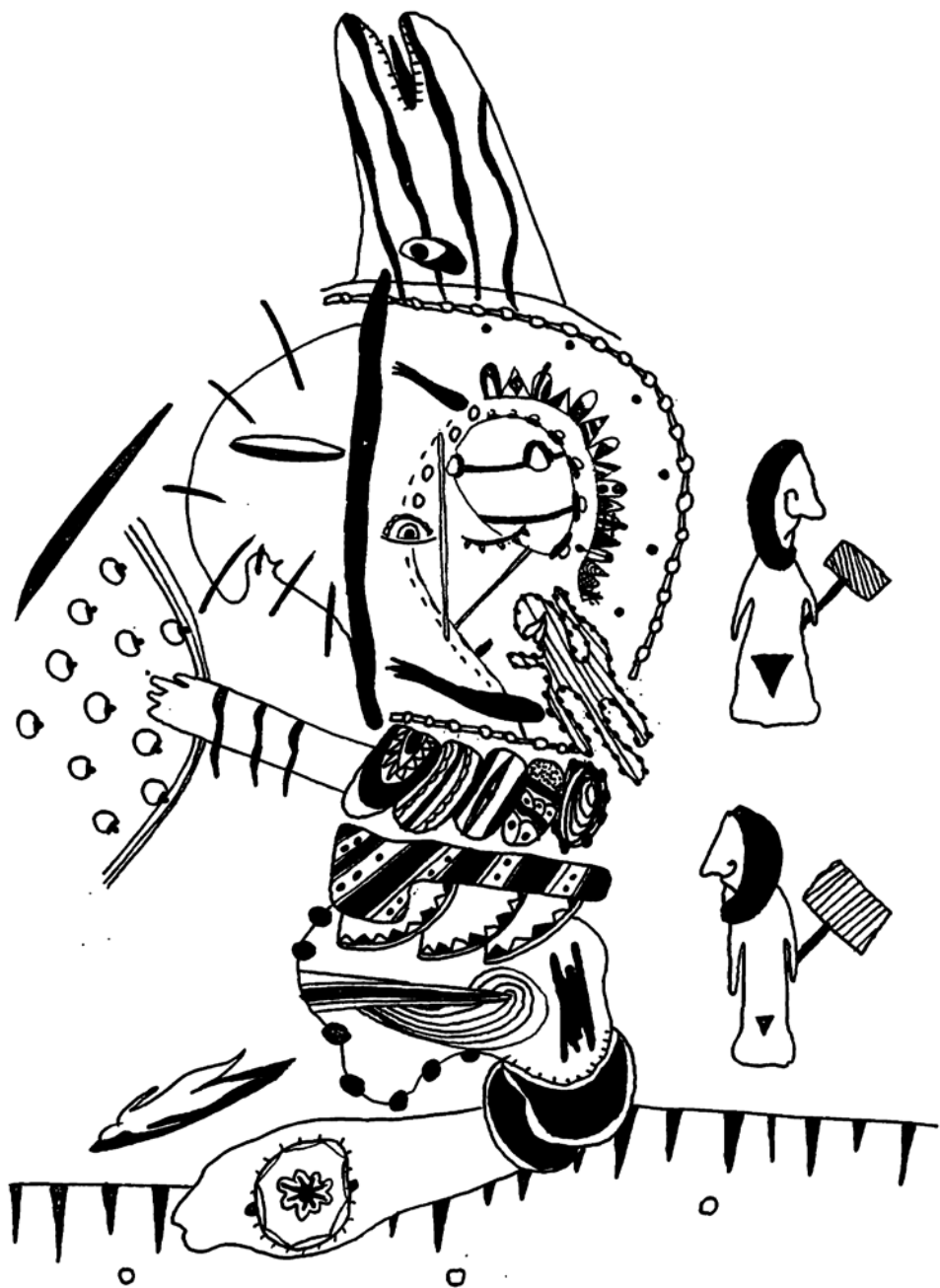
Орлов не думает, когда ходит в уборную. Он вообще редко думает. Маша думает, что клоун — страшный. Орлов возвращается из туалета, гладит Машу по волосам.

Орлов думает: Испытай оружие яркости звезд. Шампунь «Лошадиная сила».

Орлов говорит: Давай «Пилу» седня посмотрим. Все части.

Орлов хочет: Экстремального секса.

Маша думает: «Л'Этуаль», «Рив Гош», «Иль Де Боте», «Ив Роше».

Орлов хочет экстремального секса

Маша говорит: Тошниловка. Не хочу.
Маша хочет: Для начала в Турцию.
Орлов думает: Они плюнули в гамбургер или пронесло?
Маша говорит: Ты меня любишь?

Картинка 2

Даша тянет Витю в магазин. Он упирается, но не сильно.

Даша думает: Пятнадцать процентов годовых. Первый взнос – двадцать процентов от стоимости. Для оформления нужен только паспорт. Кредит для молодой семьи.

Даша говорит: Мы только посмотрим.

Даша хочет: Купить джинсы. У нее стресс.

Витя думает: Хочу иконки на рабочем столе. Хочу иконки. И «мышью» закрывать и открывать окна.

Витя говорит: У тебя их сколько? Двадцать восемь пар, нет?

Витя хочет: Уйти от Даши.

У «Макдоналдса» Витя и Даша встречаются Машу и Орлова. У Маши и Даши одинаковые голубые джинсы, и майки тоже похожи. Это им не нравится. У Орлова и Вити одинаковые смартфоны. Это им нравится.

Витя думает: Это «Голос». На Первом канале. Меня зовут Дмитрий Нагиев.

Витя говорит: По пивасику и в «Революцию»?

Витя хочет: В Эрмитаж. Шутка. Не хочет.

Маша думает: О Боже, какой мужчина, я хочу от него сына...

Маша говорит: Давай быстрее, пока Орлов новый смарт не купил, шопоголик долбанутый.

Маша хочет: Торт «Наполеон» со взбитыми сливками и кедровыми орешками. Все это полить литром сгущенки и посыпать тертым шоколадом. У нее стресс.

От «Макдоналдса» до клуба «Революция» всего пять минут ходьбы. Они идут молча мимо парка, мимо красивых зданий в стиле модерн, мимо музыкального фонтана, мимо памятника Гоголю Николаю Васильевичу, мимо несанкционированного митинга против насилия, мимо десятка омонцовцев, защищающих город от банды старушек-активисток с митинга против насилия, мимо киоска «Первая полоса» с разбитым стеклом и пьяным продавцом, мимо музея гигиены с ободранным фасадом, мимо глухой подворотни, где прячется что-то страшное, мимо кирпичной стены, на которой парни из подворотни, где прячется что-то страшное, рисуют мужика с крыльями, мимо строительных лесов, на которых висит прораб и смотрит на мужика с крыльями неодобрительно, мимо магазина «Розовый кролик» с охранником в костюме пасхального зайчика у входа, мимо кучи мусора, выпавшего из мусоровоза.

Орлов. О, мусор!

Витя. Охренеть! Это в «Инстаграм».

Даша достает смартфон, встает на фоне мусора.

Даша. Селфи.

Маша смотрит со скучающим видом на Витю и Дашу.

Орлов думает: Если купить один планшет за 5999 рублей, а другой за 11 274 рубля, то до пятницы придется экономить.

Орлов говорит: Но с другой стороны, есть еще пенсия Машиных родаков.

Орлов хочет: Два планшета.

Даша думает: Мальчик канадского сфинкса на «Авито» продается за 10 000 рублей. Вообще недорого.

Даша говорит: Мы купили чихуахуа.

Даша хочет: Йоркширского терьера.

Маша думает о маршрутке номер 46.

Витя думает: Брить или не брить? Или лучше эпиляция? Может быть, шугаринг?

Витя говорит: Прикольная куча.

Витя хочет: Уйти из клуба пораньше, потому что завтра на работу.

Орлов думает: Или лучше купить айфон малинового цвета?

Орлов говорит: Мы уйдем в одиннадцать. Завтра на работу.

Орлов хочет: В туалет. В гамбургер все-таки плюнули.

Орлов и Маша, Витя и Даша заходят в клуб «Революция». В клубе «Революция» никто не думает, но все хотят. Орлов и Маша, Витя и Даша садятся за столик в центре зала. Они машут рукой Ире и Вадиму, Оле и Артему, Вике и Сереже, Тане и Косте, Боре и Пете, Юле и Нине и другим малознакомым посетителям. К ним подходит официант Коля. Он работает в клубе «Революция» уже три года, поэтому ко всему привык и иногда действительно думает.

Коля думает: Где пьет толпа, все родники отравлены.

Коля знает, что это Ницше.

Коля говорит: Добрый вечер, как обычно? Виски с колой?

Коля хочет: Плюнуть во все четыре стакана с виски.

Маша думает о мусорной куче.

В клуб заходит Олежа. Орлов и Маша, Витя и Даша, Ира и Вадим, Оля и Артем, Вика и Сережа, Таня и Костя, Боря и Петя, Юля и Нина и другие посетители поворачивают к нему свои удивленные, похожие друг на друга лица. Дело в том, что в «Революцию» Олежа заходит в революционно-патриотическом виде — в красных семейных трусах.

Картинка 3

Олежа думает: Сначала я пойду по Омской улице, сверну на Торжковскую и встану на углу перед заправкой. Я знаю, через какое-то время появится сорок шестая. Она белая с

красными цифрами. Похожа на скорую. Я так однажды скорую и остановил: думал, что сорок шестая.

Олежа не любит разговаривать.

Олежа хочет: Мира во всем мире.

У Олежи есть машина. Белый мерс, который попал к нему случайно. История темная, неинтересная. У Олежи есть машина, но он любит ездить на маршрутках.

Олежа думает: Сорок шестая идет через весь город, по центру. Красиво! Хорошо вот так весь день кататься на маршрутках. Водила каждый раз курит в форточку, гад. А они везде на остановках пишат: если водитель курит, настучи — позвони по такому-то номеру. Как мразь последняя — анонимно.

Маршрутка проезжает мимо парка, мимо красивых зданий в стиле модерн, мимо музыкального фонтана, мимо памятника Гоголю Николаю Васильевичу, мимо несанкционированного митинга против насилия, мимо десятка омонцов, защищающих город от банды старушек-активисток с митинга против насилия, мимо киоска «Первая полоса» с разбитым стеклом и пьяным продавцом, мимо музея гигиены с ободранным фасадом, мимо глухой подворотни, где прячется что-то страшное, мимо кирпичной стены, на которой парни из подворотни, где прячется что-то страшное, рисуют мужика с крыльями, мимо строительных лесов, на которых висит прораб и смотрит на мужика с крыльями неодобрительно, мимо магазина «Розовый кролик» с охранником в костюме пасхального зайчика у входа, мимо кучи мусора, выпавшего из мусоровоза.

Маша думает: Я всегда хотела просто так на ней покататься, да все времени не было. То на работу ехать, то с работы.

Олежа говорит: Остановите, я хочу пройтись.

Его заинтересовала банда бабушек-активисток, налаживающих контакт с парнями из органов. А также крылатый мужик и прораб, который может свалиться с лесов в любой момент.

Олежа думает: Если твой работодатель платит тебе серую зарплату, позвони по телефону восемь — длинный гудок — три-два-два, два-два-три, три-два-два, два-два-три. Сделай так, чтоб он платил только белую, то есть треть или четверть того, что было. Позаботься о своей семье...

Олежа ничего не говорит по причинам, указанным ранее. Да ему и не с кем разговаривать.

Олежа хочет вступить в банду бабушек-активисток и поймать прораба, когда он будет падать с лесов.

В клубе «Революция» Орлов и Маша, Витя и Даша пьют виски с колой, в который хотел плюнуть официант Коля.

Маша думает: Мусорная куча и... Махатма Ганди.

Маша говорит: Вы видели серенький автобус?

Маша хочет: Уйти из «Революции».

Орлов не думает.

Орлов говорит: Какой автобус? Серебряный?

Орлова тошнит, он бежит в туалет.

Картинка 4

Бабушки-активистки стоят с плакатами о равенстве и братстве. Их много, и у них коллективное сознание.

Олежа. Помощь нужна?

Бабушки думают: С точки зрения субъективного империализма проявление в нашем мире в высшей степени персонафицированного космического зла...

Тут их мысль резко обрывается, поскольку они не всегда понимают то, что думают.

Бабушки говорят: Спасибо, сынок.

Бабушки хотят: Прижать Олежу к своей коллективной груди.

Олежа думает: Мама — анархия, папа — стакан портвейна.

Олежа говорит: Человек человеку брат.

Олежа хочет: Быть деликатным.

Бабушки думают о Махатме Ганди.

Бабушки говорят: Судный день грядет.

Олежа не успевает подумать и не знает, что сказать.

Бабушки говорят: Антихрист не пройдет!

Омоновцы вяжут бабулек за несанкционированность и заталкивают в серенький автобус. Олежу учили, что старших надо уважать, и он уважительно бьет омоновца кулаком по каске. Омоновца учили выполнять приказы, поэтому он обреченно избивает Олежу дубинкой на глазах банды бабушек-активисток.

Орлов пьет виски с колдой, в который плюнул или не плюнул официант Коля. Маша свой уже допила и хочет еще. Орлов хочет Машу. Витя и Даша хотят малознакомых людей, сидящих рядом.

Официант Коля думает: Идюл тядис, тюп йач, а в отэ ямерв ухин ястишур ьнзиж.

Но он не знает, что это означает. Но вообще-то это из Чехова.
Все остальные просто хотят. Но многие уже не могут.

Картинка 5

Олежа думает: Настоящий фотограф никогда не делает фотографий, он снимает сюжеты. Нужно, чтобы в неподвижной картинке что-то произошло. Иначе это просто фотки. Идиотские портреты ни о чем. Я как-то купил камеру и ходил за всеми тенью, как папарацци. Все искал их, сюжеты. Меня

реально удивляет одна вещь. Это всё, всё, что я сфотографировал, никогда не повторится. То есть я стою, нажимаю эту кнопку, это секунда времени, да... И эта секунда никогда не будет такой больше. Она изменится навсегда. Цвет твоих глаз, твои волосы, твои мысли уже не будут такими же. Я хочу сказать, это невероятно. Это страшно и это невероятно. Слышишь, что я хочу сказать?

Олежа говорит: Да так получилось просто. Не специально же я голый бегаю.

Олежа хочет: Одеться.

Маша думает о маршрутке номер 46.

Маша говорит: Олежа?

Маша хочет: Дотронуться до него.

Олежа думает: В школе у меня была девочка. То есть она не была у меня. Просто нравилась, и всё.

Олежа говорит: Машка!

Олежа хочет: Обнять Машу.

Олежа обнимает Машу.

Орлову не нравится, что малознакомые люди видят, как незнакомый мужик в красных трусах обнимает его девушку, и он отталкивает Олежу в сторону.

Орлов думает: Спартак — чемпион!

Орлов говорит: Слышь, баклан...

Орлов хочет: Поехать на матч с «Манчестер Юнайтед».

Олежа. Маша, поехали на Байкал?

Маша. Что?

Картинка 6

Квартира Маши и Орлова, в которой вместе с ними проживают домработница — мама Маши и охранник — предположительно папа Маши. Это обслуживающий персонал.

Людмила Владимировна думает: А для вас чистота дороже денег? Тогда мы идем к вам.

Людмила Владимировна говорит: Сними рубашку, она воняет.

Людмила Владимировна хочет: Ударить мужа.

Муж Людмилы Владимировны думает: «Сникерс» голод утолит досрочно. И призы получишь, это точно. Лай-ла-ла. Убить гадину.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Конечно, дорогая.

Муж Людмилы Владимировны хочет: Напиться.

Людмила Владимировна думает: Майонез — 600 калорий, картошка — 80, банан — 90, говядина — 190, вареная колбаса — 300, шоколад — 500, арахис — 550...

Людмила Владимировна говорит: Котлеты по-киевски или борщ?

Людмила Владимировна хочет: Отравить мужа.

Муж Людмилы Владимировны прячет бутылку «Столичной» в корзине с грязными носками, потому что все другие места Людмила Владимировна уже знает. А в это лишний раз не полезет. Муж Людмилы Владимировны — обычный мужчина-электрик пятидесяти шести лет, поэтому он пьет именно водку, а не виски, коньяк или текилу.

Муж Людмилы Владимировны думает: Что?! У вас перхоть? Не дайте перхоти испортить себе жизнь.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Гастарбайтеры весь подъезд засрали. Понаехали. Америкосы проклятые их на нас натравили. Это заговор.

Муж Людмилы Владимировны хочет: Эмигрировать в Евросоюз.

Людмила Владимировна берет мешок для мусора и кидает туда айфоны, айпады, айподы, окурки, грязную посуду, пустые банки из-под пива и прочее.

Людмила Владимировна думает: Женщина без мужа — неполноценная лохудра.

Людмила Владимировна говорит: Орлов любит нашу Машеньку. Хороший мальчик.

Людмила Владимировна хочет: Выдать дочь замуж за кого-нибудь.

Муж Людмилы Владимировны думает: Орлов — урод.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Очень надежный парень. Главный менеджер по продажам все-таки.

Муж Людмилы Владимировны хочет: Котлет по-киевски.

Людмила Владимировна думает: Хочешь танцевать? Только не в эти дни. Прокладки «Олвейс» с запахом клубники. Он почувствует разницу.

Людмила Владимировна говорит: Омлет готов.

Муж Людмилы Владимировны. Я не просил омлет.

Людмила Владимировна. Ничё не знаю. Ты сказал, что хочешь омлет.

Муж Людмилы Владимировны. Я ненавижу омлет.

Людмила Владимировна. Жри, не подавишься.

Муж Людмилы Владимировны думает: Сучка крашенная.

Людмила Владимировна и муж Людмилы Владимировны в этот особенный момент ничего не думают и ничего не хотят. Они берут разные предметы, попадающиеся им под руки, и молча, по привычке, кидают друг в друга. Среди этих предметов вилки, ложки, телефоны, ручки, одежда, клетка с волнистым попугайчиком и фотоальбом Маши.

Людмила Владимировна думает: О, фотоальбом.

Людмила Владимировна говорит: Фотоальбом.

Людмила Владимировна хочет: Посмотреть фотографии.

Муж Людмилы Владимировны думает: Сучка крашенная. Краска «Лореаль». Советуют профессионалы.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Что это за хрень?

Муж Людмилы Владимировны хочет: Запустить альбом в голову Людмилы Владимировны, пойти в ресторан и поесть котлет по-киевски.

Людмила Владимировна думает: Женщина должна родить ребенка. Туфли-лодочки полнят фигуру. Снимите это немедленно.

Людмила Владимировна говорит: Какая у нас Машка хорошенькая была!

Людмила Владимировна хочет: Внуков. Определенно.

Муж Людмилы Владимировны думает: Какая она старая стала, прикоснуться страшно.

Муж Людмилы Владимировны говорит: А это что за чудо?

Муж Людмилы Владимировны хочет немного покопаться в корзине с грязными носками. У него стресс.

Людмила Владимировна думает: Так ты ничего не знаешь? Это не твой ребенок. Он украл мою молодость и подменил себя в роддоме. Не прощу его никогда! Премьера в двадцать один ноль-ноль. «О чем поют соловьи — 5».

Людмила Владимировна говорит: Это же Олег, Машкин одноклассник. Такой странный был мальчик. Не помнишь?

Людмила Владимировна хочет закрыть альбом.

Муж Людмилы Владимировны думает: Хреново здесь. Хреново там. А я спокойна, как удав. Кризис — это время возможностей.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Это Ромео на подоконнике?

Муж Людмилы Владимировны хочет: Любви.

Людмила Владимировна. Помер он года три назад.

Муж Людмилы Владимировны. Да ладно.

Людмила Владимировна. Да помер, я тебе говорю.

Муж Людмилы Владимировны. Да путаешь ты, не помер.

Людмила Владимировна. А я говорю, разбился он. Тупица...

Муж Людмилы Владимировны. Это не он разбился, дура.

Людмила Владимировна думает: Брак — это важная ячейка общества, тихая гавань мира и добра.

Муж Людмилы Владимировны ничего не думает и ничего не хочет.
Звонок в дверь.

Картинка 7

Звонок в дверь. На пороге стоит Олежа в революционных трусах и в пиджаке Орлова. У него синяк под глазом. Позади него стоит Орлов без синяков и без пиджака. Маша проходит между ними с гордо поднятой головой.

Людмила Владимировна думает: Любовь — это когда ты знаешь, о чем мечтает мама, а мама знает, о чем мечтаешь ты.

Людмила Владимировна говорит: Это кто?

Людмила Владимировна действительно хочет знать, кто это. Она не любит красный цвет.

Орлов думает: Он настоящий. Они настоящие. Скоро дед Мороз придет, всем подарки принесет.

Орлов говорит: Это Машин одноклассник Олег.

Орлов хочет: Покопаться в корзине с грязными носками. Он тоже знает это место.

Олежа думает: Окна всегда были какие-то заляпанные, особенно почему-то летом. А на подоконнике было очень много надписей. Их стирали периодически, поэтому я там никогда

не писал. Я вырезал ножиком. И всегда только одно имя. Этот подоконник на четвертом этаже, третий от кабинета математики, я любил больше всего. В мае уже наступала жара, поэтому окна часто открывали во время уроков. А наш урок отменился. И так пахло приятно с улицы. Счастьем пахло.

Людмила Владимировна, Орлов и Маша терпеливо ждут, когда Олежа вволю надумается. Муж Людмилы Владимировны в ванной копается в корзине с носками.

Олежа говорит: Я учился с Машей в одном классе. Вы не помните меня, Людмила Владимировна?

Олежа хочет, чтобы его вспомнили.

Людмила Владимировна думает: Красный цвет — это цвет агрессии.

Людмила Владимировна говорит: Ну как же, конечно, мы помним тебя. Ты фотографом хотел стать.

Людмила Владимировна хочет, чтобы ее оставили в покое. Ей плевать, что Олежа хотел быть космонавтом, а не фотографом. Но ее очень беспокоит цвет его трусов. Мужа Людмилы Владимировны, который уже покопался в корзине с носками, тоже это беспокоит.

Олежа думает: Только у нее одной вместо резинок были бантики, и она завязывала их сама.

Олежа говорит: Я забыл одеться.

Людмила Владимировна. Что?

Олежа. Я решил искупаться в реке, а хулиганы украли одежду.

Людмила Владимировна. Что?

Олежа. Нет, это все неправда. Одежду забрали омоновцы, когда я спасал бабушек-активисток.

На самом деле Олежа ничего этого вслух не говорил, а только подумал.

Олежа говорит: Я был в душе, позвонили в дверь, вышел, а дверь захлопнулась.

Людмила Владимировна и муж Людмилы Владимировны вместе. А-а-а.

Орлов. А почему трусы красные?

Олежа. Я коммунист.

Муж Людмилы Владимировны. Что?

Олежа думает: Наша директриса, Татьяна Александровна, как раз в это время выходила замуж за профессора педагогического института. У него зрение было минус двенадцать, и он курил «Беломор», но когда любят, на это не обращают внимания, оказывается. Она была счастлива, и поэтому меня не исключили.

Олежа говорит: Маша, а ты помнишь Татьяну Александровну?

Олежа хочет, чтобы Маша вспомнила.

Маша думает: Даже в эти дни вы будете чувствовать себя уверенной... И так пахло приятно с улицы. В мае уже наступала жара, поэтому окна часто открывали во время уроков. А наш урок отменился.

Маша говорит: Хочу кофе. Кто-нибудь хочет?

Маша хочет: Не кофе. Она хочет того, что лежит в корзине с носками. Только там уже ничего не осталось.

Картинка 8

Витя и Даша, Орлов в баре «Революция».

Витя думает: Маска мироздания была похищена армией паучьих червяков.

Даша думает: Чики-бум-чики-бум, чики-чики-чики.

Витя говорит: И че, она хочет уехать с ним?

Даша говорит: Вот стерва.

Витя хочет быть хорошим другом. Но не может. Даше все равно, какой он друг. Она хочет, чтобы Витя встал на одно колено и поклялся ей в вечной любви. Она сама удивлена.

Витя и Даша думают: У них тоже проблемы. Ура.

Витя и Даша говорят: Все будет хорошо. Вы такая красивая пара.

Витя и Даша хотят: Посмотреть телевизор.

Орлов думает: Бросают только неудачников. Только позвони мне еще, гадина. Ненавижу.

Орлов говорит: Очень ее люблю. Что делать...

Орлов хочет: Пока есть возможность, переспать с буфетчицей с работы, промоутершей из гипермаркета, Леночкой из «Революции», бабушкой с митинга... *(Про бабушку он думал не серьезно.)*

Маша и Олежа едут в маршрутке номер 46.

М а ш а . Ты о чем думаешь?

О л е ж а . Ни о чем. Я медитирую.

М а ш а . Как?

О л е ж а . Просто. Смотрю на тебя.

М а ш а . И что, никаких мыслей?

О л е ж а . И желаний никаких.

М а ш а . То есть как?

О л е ж а . Когда медитируешь, никаких желаний и мыслей. Это все в космосе. Ты просто молча просишь.

М а ш а . Помогает?

О л е ж а . Нет.

М а ш а . Тогда зачем медитируешь?

О л е ж а . Приятно.

Олежа берет Машу за руку.

О л е ж а . Знаешь, я хотел бы жить в другом месте.

М а ш а . В каком?

О л е ж а . С тобой.

Маша думает, что памятник Гоголю Николаю Васильевичу, который стоит возле музыкального фонтана, скорее всего, гуляет по ночам. Поэтому что неподвижность убивает талант.

Орлов думает, что официант, сука гребаная, педрило сраное, обсчитал на сорок пять рублей.

Официант Коля думает: Сидеть нельзя двенадцать часов. Даже когда никого нет. И так уже третий год. Сажу только на толчке. Специально. Админ уверен, что у меня что-то с кишечником. Сидеть нельзя.

Официант Коля говорит: Прекрасный вечер. Очень рады, что вы выбрали наш клуб.

Официант Коля хочет: Застрелиться.

Картинка 9

Квартира Маши и Орлова.

Людмила Владимировна думает: Когда болит голова, мир прекращает существовать. Это молекулы кератин эktiv.

Людмила Владимировна говорит: Она была дома?

Людмила Владимировна все еще хочет внуков.

Муж Людмилы Владимировны думает: Красный сладкий арбуз повышает потенцию.

Муж Людмилы Владимировна говорит: Нет, сегодня ночью ее не было.

Муж Людмилы Владимировны хочет: Уйти куда глаза глядят.

Людмила Владимировна думает: Надо что-то делать. Маска мироздания была захвачена армией паучьих червяков.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Чем она была захвачена? Червяками?

Муж Людмилы Владимировны прочитал мысли Людмилы Владимировны. Во время долгой семейной жизни некоторые супруги обретают сверхспособности.

Людмила Владимировна говорит: Ты debil?

Людмила Владимировна не верит в способности мужа Людмилы Владимировны, не верила и никогда не поверит.

Муж Людмилы Владимировны думает: Терпеть не могу маленьких детей.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Заткнись, жаба. И вчера ее тоже не было.

Муж Людмилы Владимировны не хочет продолжать этот разговор.

Людмила Владимировна думает: Что за хрень? Так не бывает. Откуда он знает про паучьих червяков?

Людмила Владимировна говорит: Ты больной? При чем здесь маска мироздания?

Людмила Владимировна хочет: Разгадать знак «бесконечность».

На самом деле этого хочет муж Людмилы Владимировны, но не подозревает об этом.

Муж Людмилы Владимировны думает: Никогда Штирлиц не был так близок.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Давай купим арбузов.

Муж Людмилы Владимировны хочет: Сменить имя, национальность и профессию.

Людмила Владимировна ничего не говорит, но смотрит на мужа Людмилы Владимировны с большим подозрением.

Муж Людмилы Владимировны думает: Да, я хочу сменить имя и уехать в Африку.

Людмила Владимировна думает: Ну и вали в свою Европу.

Муж Людмилы Владимировны думает: Не в Европу, дорогая. В Африку. Заведу себе семь жен.

Людмила Владимировна думает: Точка-тире-точка-тире-точка.

Муж Людмилы Владимировны думает: Сама такая!

Людмила Владимировна думает: Я ничего такого не подумала, идиот.

Но муж Людмилы Владимировны умеет предсказывать будущее.

Людмила Владимировна говорит: Кирпичная стена и мировой океан? Серьезно? Что ты пытаешься скрыть от меня, дорогой?

В голове Людмилы Владимировны возникают смутные очертания корзины с грязными носками. Поэтому муж Людмилы Владимировны начинает срочно думать о внуках.

Людмила Владимировна думает: Мальчик должен быть старше девочки. Он будет помогать сестре.

Людмила Владимировна говорит: Тебе наплевать на счастье нашей дочери. Какое будущее с таким человеком?

Людмила Владимировна хочет: Сделать какую-нибудь гадость. Неважно кому. Но желательно мужу Людмилы Владимировны.

Муж Людмилы Владимировны думает: Маленькие жуткие младенцы, пьют и писают. Писают и пьют. А еще они орут.

Муж Людмилы Владимировны говорит: Ужасное, ужасное будущее. Увезет ее в тундру. Никакой жизни. Одни олени.

Муж Людмилы Владимировны хочет, чтобы засранцы мелкие в тундре с оленями жили, а не в их с Людмилой Владимировной квартире.

Людмила Владимировна думает: Ненадежный, странный, бесперспективный. Куда он ее увезет? В вигвам на реке Иордан? Он же шею себе чуть не сломал на подоконнике. Ромео...

Людмила Владимировна говорит: Другое дело — Орлов. Такой хороший, уравновешенный мальчик. Добрый, Машку не бьет. Машину в кредит собирает брат. Уже целых два года вместе. Не курит, почти не пьет, слово держит. По бабам не бегаёт. Не мужчина — мечта.

Людмила Владимировна хочет: Счастья для своей дочери. Да нет, правда хочет.

Орлов в клубе «Революция».

Орлов думает: Гадина, гадина, гадина. Надо было бить.

Орлов говорит: Приехал такой на маршрутке в красных труселях...

Орлов хочет убить Машу, потому что не хочет быть неудачником.

Официант Коля. Где ваша девушка?

Орлов. Пшел в жопу.

Орлов думает, что промоутерша из гипермаркета круче буфетчицы с работы.

Квартира Орлова и Маши.

Людмила Владимировна (*мужу Л. В.*). Ты, скотина, вставай! Звони Саше, Даше, Вите, Коле, Ире и Вадиму, Оле и Артему, Вике и Сереже, Тане и Косте, Боре и Пете, Юле и Нине... Надо что-то делать!

Картинка 10

Маршрутка № 46 проезжает мимо парка, мимо красивых зданий в стиле модерн, мимо музыкального фонтана, мимо памятника Гоголю Николаю Васильевичу, мимо несанкционированного митинга против насилия, мимо десятка омовцев, защищающих город от банды старушек-активисток с митинга против насилия, мимо киоска «Первая полоса» с разбитым стеклом и пьяным продавцом, мимо музея гигиены с ободраным фасадом, мимо глухой подворотни, где прячется

что-то страшное, мимо кирпичной стены, на которой парни из подворотни, где прячется что-то страшное, рисуют мужика с крыльями, мимо строительных лесов, на которых висит прораб и смотрит на мужика с крыльями неодобрительно, мимо магазина «Розовый кролик» с охранником в костюме пасхального зайчика у входа, мимо кучи мусора, выпавшего из мусоровоза.

О л е ж а . Как он нехорошо висит.

М а ш а . Кто?

О л е ж а . Мужик в лесах рядом с мужиком с крыльями. Надо сказать ему.

М а ш а . Не надо.

О л е ж а . Он упадет.

М а ш а . Тогда тебе нужно выйти из маршрутки.

О л е ж а . Тогда да.

М а ш а . Ты не успеешь.

О л е ж а . Успею.

М а ш а . Маршрутка быстро проедет.

О л е ж а . Я добегу.

М а ш а . Ты странный.

О л е ж а . Да.

М а ш а . У тебя мерседес.

О л е ж а . Да.

М а ш а . Ты странный.

О л е ж а . Да. Я люблю ездить на маршрутках.

М а ш а . Почему?

О л е ж а . Потому что тогда я могу не следить за дорогой и видеть.

М а ш а . Видеть что?

О л е ж а . Тебя.

М а ш а . О чем ты думаешь?

О л е ж а . Я люблю.

М а ш а . Что ты любишь?

О л е ж а . Это.

М а ш а . А это — это что?

О л е ж а . Поехали со мной.

М а ш а . К этому?

Оле жа думает: Меня не исключили. Меня перевели в другую школу. Татьяна Александровна сказала, что если у нее будет инфаркт, я буду в этом виноват. Она так сказала. Отец поставил меня в угол на все воскресенье, а мама плакала. Врач спросил, не страшно ли мне было. Я ответил, что нет. Не страшно. Ведь она посмотрела на меня. Ведь она очень удивилась.

Оле жа г о в о р и т: Маша, смотри, как я могу! Маша!

Картинка 11

Людмила Владимировна думает: Ну и что, что немолода. Ну и что, что обжигалась. Пойду и куплю еще акции АО «МММ».

Людмила Владимировна говорит: Ты с ума сошла? Маша... Он же больной. Его же тогда на учет хотели поставить.

Людмила Владимировна очень хочет знать, где прячется Мавроди.

Маша думает: И потом все ребята шептались по углам, а он ходил за мной тенью. А я подумала, что он дурак. Я подумала, что ничего особенного. Как это я могла такое подумать? Как?

Маша г о в о р и т: Безумные умнее умных, мама.

Маша х о ч е т: Уехать с Олежей и жить в шалаше на Разливе.

Витя и Даша думают: Весна, чумачечая весна. Ла-ла-ла.

И так они думают долго.

Витя и Даша говорят: Дура ты, Машка. У вас были такие планы. С Орловым.

Даша и Витя хотят, чтобы эти планы никогда не стали явью. Ни у кого. Не потому, что они такие злые люди. Просто настроение плохое.

Маша думает: Я подумала, ничего особенного. Как это я могла такое подумать? Как?

Орлов думает: Каждый второй брак распадается.

Орлов говорит: Где он работает? Он нигде не работает. Почему он ездит на маршрутке? У него нет денег на бензин?

Орлов хочет пива.

Маша говорит: Вы видели рисунок на кирпичной стене рядом с музыкальным фонтаном и памятником Гоголю Николаю Васильевичу?

Муж Людмилы Владимировны. Там, где бабушки проводят митинги?

Маша. Да.

Муж Людмилы Владимировны. Там, где здания в стиле модерн?

Маша. Да.

Муж Людмилы Владимировны. Там, где висит прораб?

Маша. Да.

Муж Людмилы Владимировны. Нет, не видели.

Витя и Даша. Это там, где куча мусора на дороге?

Маша. Нет.

Орлов. Он – странный. Даже официант знает, чего хочет. А он – нет.

Маша хочет: Уехать с Олежей и жить в дольмене на Кавказе.

Картинка 12

Орлов едет в маршрутке мимо парка, мимо красивых зданий в стиле модерн, мимо музыкального фонтана, мимо памятника Гоголю Николаю Васильевичу и так далее. Видит бабушек-активисток и выходит на улицу. Он хочет, чтобы его побили омовцы, но не знает, с чего начать.

Бабушки думают: С точки зрения субъективного империализма проявление в нашем мире в высшей степени персонафицированного космического зла...

Бабушки говорят: Спасибо, сынок.

Но бабушки не успевают захотеть прижать Орлова к своей коллективной груди, потому что Орлов передумывает бить омовцев.
Орлов думает о мусорной куче.

Орлов говорит: Много их таких без предупреждения на улицы выходит.

Орлов хочет помочь омовцам затолкать бабулек в серенький автобус. Орлов помогает им это сделать.

Картинка 13

Официант Коля сидит в уборной. В одной руке у него револьвер, который он взял посмотреть у охранника. В другой — виски с колой. Он плюет в стакан, выпивает залпом.

Официант Коля думает: Если где-то плачут, значит, где-то смеются.

Он думает, что это Горький, но это Беккет. Причем цитата не верная. Официант Коля сейчас не может говорить, он мычит.

Официант Коля хочет: Счастья всем, каждому и чтобы никто не ушел обиженным.

Он знает, откуда это.

Официант Коля думает, что, согласно Горькому-Беккету, его смерть принесет кому-то много счастья.

Официант Коля стреляет в сердце. Это не очень удобно. Но он не хочет, чтобы его мозги расплозились по кафелю и уборщица Фатима оттирала их «Адриланом».

Картинка 14

М а ш а . Мама, мама. Ты видела, как красиво разрисовали стену у центрального парка? Там облака, мама. И небо голубого цвета.

Людмила Владимировна. Все говорили, что он больной.

Маша. Все говорили, что он сделал странную вещь. Никто не говорил, что он больной.

Людмила Владимировна. Если люди делают странные вещи, они больны.

Даша. Маша. Что с тобой? Это заразно? Ты так странно себя ведешь.

Витя. Почему он ездит на маршрутке, если у него есть белый мерс?

Людмила Владимировна. Небо у нас серое. Где ты видишь голубое?

Орлов. Мы же счастливы.

Маша. Мы счастливы?

Орлов. Конечно. Мы были счастливы, а теперь нет. А теперь нет. Из-за него.

Муж Людмилы Владимировны. Кто-нибудь видел корзину с носками?

Маша. Мы уедем?

Олежа. Мы уедем.

Маша. А куда?

Олежа. Куда-нибудь.

Маша. А разве не нужно знать, куда, если уезжаешь надолго, если уезжаешь насовсем? Разве не нужно знать, куда ты едешь?

Олежа. Зачем? Мы ведь едем вместе.

Ира и Вадим. Куда он тебя тащит?

Оля и Артем. В дольмен на Разливе?

Вика и Сережа. Ты знаешь, что люди про него говорили? Что больной он.

Таня и Костя. В шалаш на Кавказе?

Боря и Петя. У него белый мерс. Почему он ездит на маршрутке? У него нет денег на бензин?

Юля и Нина. В вигвам на Байкале?

Людмила Владимировна. Ты подумала о матери?

Даша. Если о матери не думаешь, подумай о друзьях.

Орлов. Мы были счастливы.

М а ш а . Да?

О р л о в . Конечно.

О л е ж а . Ты всегда была больше жизни.

М а ш а . Как это — быть больше жизни? Я не хочу быть больше жизни. Я не хочу, чтобы ты залезал на подоконник. Пообещай, что не будешь.

О л е ж а . Я не могу обещать тебе это.

Л ю д м и л а В л а д и м и р о в н а . В пещеру на горе Синай?

М а ш а . Ты всегда был не такой.

О л е ж а . А какой я был?

М а ш а . Другой. Ты всегда все делал не так.

О л е ж а . А как надо было?

О р л о в . У нас все было хорошо и понятно.

Л ю д м и л а В л а д и м и р о в н а . В хижину на Северном полюсе?

О л е ж а . Ты поедешь со мной?

М а ш а . Конечно.

О л е ж а . Конечно.

М а ш а . То есть... Господи. Что же мне делать?

О р л о в . Забыть.

М а ш а . Просто больше никто не пытался прыгнуть из окна ради меня.

Муж Людмилы Владимировны. Кто-нибудь видел эту чертову корзину?

Картинка 15

Прораб качается на лесах недалеко от стены, на которой нарисован мужик с крыльями. Прораб смотрит на него с неодобрением. Ему кажется, что ровные линии кирпичей превратились в страшные уродливые пятна. Он не ходит в музеи и не любит живопись. Он замирает на мгновение, и мимо него проносятся здания в стиле модерн, поющий фонтан, бабушки-активистки, памятник Гоголю Николаю Васильевичу и множество разных бессмысленных картинок, которые не повторяются никогда.

О л е ж а . Памятник Гоголю Николаю Васильевичу наверняка гуляет по ночам.

М а ш а . Было высоко.

О л е ж а . Да.

М а ш а . Ты не боялся, что упадешь?

О л е ж а . Что бы изменилось, если бы я упал?

М а ш а . Мне было бы грустно.

О л е ж а . Ты никогда бы не забыла меня.

О р л о в . Почему он ездит на маршрутке, если у него есть мерс?

М а ш а . Где мы будем жить?

О л е ж а . Разве это имеет значение?

О р л о в . Я купил «Хаггис». Я подумал, мало ли, когда-нибудь понадобится.

М а ш а . Что ты купил?

О р л о в . «Хаггис». Я подумал, мало ли...

М а ш а . Олежа... Олежа, почему ты едешь на маршрутке?

О л е ж а . Что?

М а ш а д у м а е т : Что я говорю? М а ш а г о в о р и т : О чем я думаю? М а ш а х о ч е т молчать и ни о чем не думать.

М а ш а . Почему ты едешь на маршрутке?

Картинка 16

Олежа подходит к машине, у него полный бак и бутылка водки мужа Людмилы Владимировны. Он ее сейчас откроет и выпьет половину. Сядет за руль и выжмет сто восемьдесят. На белом мерсе, история которого темна и неинтересна. Он поедет ночью мимо парка, мимо красивых зданий, мимо музыкального фонтана, мимо памятника Гоголю, мимо газетного киоска, мимо музея гигиены, мимо глухой подворотни, мимо строительных лесов... Утром по дороге поедут маршрутки, пойдут люди. Они увидят на асфальте останки белой иномарки. Они будут думать, что какой-то алкоголик врезался в мужика с крыльями и исчез навсегда. Это они так будут думать.

(Факзесистем.)

О л е ж а . Маша, смотри, как я могу! Маша!

Витя и Даша идут в клуб «Революция», у которого как раз в этот момент стоит скорая помощь. Врачи выносят официанта Колю. Он лежит не двигаясь и смотрит прямо перед собой.

О ф и ц и а н т К о л я д у м а е т : Хочешь рассмешить Бога?

Официант Коля больше не говорит.

Официант Коля хочет быть мертвым.

Пистолет, который он взял «посмотреть» у охранника, оказался настоящим.

О р л о в д у м а е т : Один товар со скидкой 25 процентов, второй – 35, а третий – бесплатно. Только на этой неделе.

О р л о в г о в о р и т : Наггетсы хочешь?

О р л о в х о ч е т : Воспользоваться уборной в «Макдоналдсе».

М а ш а д у м а е т : Женщина должна родить ребенка до тридцати лет. Надо, чтобы мальчик был первым.

М а ш а г о в о р и т : Опять машина разбилась. Алкаш за рулем.

М а ш а х о ч е т : артошку по-деревенски и красный БМВ с детским креслом.

Мимо проезжает маршрутка. Маша смотрит на номер. Но не помнит, зачем ей это нужно. У маршрутки номер 46 изменился маршрут, и теперь она ездит мимо торгового центра, мимо заброшенной стройки, мимо трамвайного депо, мимо автомобильной свалки, мимо городского моря, вокзала и рынка. Бабушки больше не ходят на митинги. У них радикулит. У всех.

Маша и Орлов проходят мимо стены, на которой нарисован мужик с крыльями. На асфальте лежит мертвый прораб. Просто никто его не поймал.

з а н а в е с

2015

Мужик с крыльями. В одном городе, на одной улице

Светлана Лисакотя

ВЬЕТНАМЧИК

*попсово-туристическая пьеса
в четырех картинах*

Действующие лица:

К о л я – оддскульный футбольный фанат, раскочанный и бритый, ухоженный, 30 лет.

Д и м а – манерный поноватый молодой человек, восторженный и добродушный, 30 лет.

Ф е д я – IT-шник, красивый и открытый, 30 лет.

А л и с а – его жена, актриса, красивая и по-хорошему инфантильная, 27 лет.

А р т е м и й – их приятель, художник, высокий, любит внимание, 30 лет.

Р о м а – три недели назад вышел из тюрьмы, улыбочив и крайне молчалив, крупный, 30 лет.

Н а т а ш а – его пассия, начальница, громко и много говорит, 32 года.

Яна — маникюрша, миловидная с огромными голубыми глазами, мужиковатая и нарочито грубая хабалка, 29 лет.
Миша — ее бойфренд, тихий и спокойный, 37 лет.
Лёня — считает себя плейбоем, пошлый во всех смыслах, маленького роста, 30 лет.
Лица — симпатичная белокурая девушка неопределенного возраста, пытается выглядеть гламурно.
Агнесса Кирилловна — ее мама, упитанная молодящаяся женщина с недовольным брюзгливым лицом, 50–60 лет.
Надежда — приятная женщина, около 50 лет.
Борис — приятный мужчина, ее муж, чуть старше.
Тин — вьетнамец, разнорабочий в отеле, артистичный, все время пьян, любит пошутить, не говорит по английски, слегка за 40 лет.
Красивая вьетнамка — его жена, что-то вроде администратора в отеле, не говорит по английски, под 40 лет.
Мео — вьетнамский парень с ресепшена отеля, неплохо говорит по английски, 27 лет.
Кен — его напарник, застенчивый и доброжелательный, знает несколько английских слов, 23 года.
Хея — горничная, угрюмая и добрая, улыбается редко, влюблена в Кена, 21 год.
Лепрекон — хорошо выглядит)))) (можно заменить на любой другой вымышленный персонаж с плохой репутацией).
Мама Лепрекона (соответственно).
Голос с пляжа.
Голос из телевизора.

Действие происходит во вьетнамской курортной деревушке Муйне. Двухзвездочный отель Kalі. Все, кроме Артемия, постояльцы отеля. Здесь отдыхают только русскоговорящие туристы. Такая дотошная точность возраста персонажей не важна, но приведена для полноты картины....

Картина первая

Утро. Яркое освещение. Вестибюль отеля. Никаких дверей: в одну сторону — улица, в другую — номера. За стойкой ресепшена Кен. На стойке стоит телефон, под стойкой раскладушка, над которой висит постоянно включенный телевизор. Кен лежит на раскладушке и смотрит

рит ТВ. (Телевизор можно заменить на мобильный телефон, уткнувшись в который он проводит время, например, играет. Игра должна издавать звуки, но не очень громкие.) Рядом слева — холодильник с прохладительными напитками и алкоголем для туристов. Для них же напротив расположен большой овальный стол с плетеной мебелью. За столом сидят Лёня, Лиза и Артемий. На столе беспорядок и раскрытый ноутбук, на котором Артемий показывает свои картины. Лиза одета во что-то белое, Лёня с голым торсом, Артемий в широких штанах и пестрой футболке, скорее всего, бородат. Справа от них стоит небольшой столик для персонала. Там никого и ничего.

Лиза. Вот эта — класс! Все такое синее... Она тоже кредиткой нарисована?

Артемий (*многозначительно*). Ага.

Лёня. О, кстати, чувак! А ты их продаешь?

Артемий утвердительно кивает головой.

Лёня. И че стоит, ну примерно?

Артемий. 120 косарей в среднем.

Лиза (*смотрит на него с восторгом*). Офигеть...

Лёня. За одну?

Артемий утвердительно кивает головой.

Лёня. И че, много купили?

Артемий (*глядя вдаль*). Пока ни одной.

Смеются. Лиза пристально смотрит на Артемия.

Лёня. А желающих хоть много было?

Артемий (*хитро улыбаясь*). Это непростой вопрос, чувак....

Лиза (*кокетливо*). Кстати, первый раз встречаю живого художника.

Лёня. А то обычно только мертвые, блин, попадаются.

Лиза. Ха ха ха, Лёня, как смешно.

Артемий. Ну и как тебе живой художник?

Лиза. Не знаю, не похож....

Артемий. На кого не похож?

Лиза. На художника...

Артемий (*приподнимая бровь*). На какого?

Лиза. Да ни на какого!

Смеются.

Артемий. Опа! Понял, мне по ходу нужен берет и еще эти... как их там?

Лиза (*смеется*). Ага, типа того! Да ладно, не парься, шучу, похож, похож.

Артемий (*флиртуя и манерничая*). Поздно, Лизаветта! Ты уже посеяла во мне зерно Сомнения — а художник ли я? Теперь я начинаю погружаться в тяжкие раздумья с приближающейся депрессией. И как виновница сего, ты просто обязана мне помочь обрести себя вновь....

Лёня (*настороженно*). И чё ей теперь делать надо?

Лиза смотрит вопрошающе и улыбается.

Артемий (*подсаживаясь к Лизе в упор и заглядывая ей в глаза*). Она должна попозировать мне. (*Продолжает стебаться*.) О, Лизаветта, мой белокурый ангел, только вы одна теперь можете спасти душу художника! Я должен написать ваш портрет.... Только это поможет мне вновь обрести веру в себя. А ваш отказ погубит меня....

Лиза задумывается.

Артемий (*продолжая в своем ключе*). Умоляю.

Лиза. Это шутка?

Артемий (*серьезно*). На самом деле я хотел предложить... ууу... попросить, как только тебя увидел. У тебя очень интересное лицо... ммм... одухотворенное

Лиза (*кокетливо*). И красивое?

Артемий (*улыбаясь*). Разумеется. Не хотел быть тривиальным. Ну так что? Состоится портрет?

Лиза. Ну можно попробовать...
Лёня. Эй, чувак! Можт и меня заодно нарисуешь?
Артемий. В следующей жизни... чувак.
Лиза. А когда мы будем все это делать? И где? Ты ведь не отсюда?
Артемий. Ты когда улетаешь?
Лиза. Через пять дней. А ты?
Артемий (*загадочно*). Не знаю.
Лиза и Лёня. В смысле?
Артемий. Ну я тут живу пока.
Лиза. Кайф!
Лёня. Давно?
Артемий. Месяца четыре, пять.
Лёня. А живешь здесь где? Снимаешь чё-то?
Артемий. Ага. Комнату в доме.
Лёня. А где?
Артемий. В соседней деревне.
Лёня. И чё стоит?
Артемий. Это допрос?
Лёня. А ты рэп, кстати, не читаешь?
Артемий. Опа! Неожиданно. А ты с какой целью интересуешься? На рэпера похож?

Лёня и Лиза утвердительно кивают.

Артемий (*смеется*). Это потому что я в широких штанах с мотней?
Лиза. Ну и вообще такой стайл у тебя, как у... рэпера...
Лёня (*кривляется*). Хип-хоп, мазафака, йоу, чувак, вся фигня!
Артемий (*хлопая его по плечу*). Красава, чувак! Выпалил вот так вот, все, что знал. Да?
Лёня (*продолжая кривляться*). Да, йоу, чувак, респект.
Артемий (*сниходительно улыбаясь*). Забавный ты тип, Лёня...
Лёня. Ты тоже йоу, художник-рэпер такой, йоу.
Лиза. Фигли ты к нему пристал, можт, он не рэпер никакой и вообще, какая разница?!

Лё н я . Да просто интересно, рэпер он или не рэпер, и не приставал я ни к кому. (*Придвигаясь к Лизе.*) Вот к тебе могу пристать, крошка! (*Пытается ее приобнять.*)

Л и з а (*кокетливо*). Отвали от меня... олень!

Лё н я . Ох как грозно!

А р т е м и й . Лёнь, а кто такой, по твоему, ре-пер?

Лё н я . Нууу... Кто рэп слушает, в широчах ходит, на сленге весь такой, зачитать может. О! Еще траву курить должен. Ну не знаю, чё там еще? Тупака чтить...

А р т е м и й . Пиздюческие у тебя рассуждения какие-то. Что у пятиклассника, блин. Я так реально рассуждал лет в 12. Бляяя... Вот эт ты отжигашь. Рэпер, бля. Школьная иерархия. (*Разражается хохотом.*) Не, ну реально такие прихваты в школе были: рэперы, скинхеды, эмо и прочая суета. Да, мужик, тогда я был суровым рэпером! У меня даже свой клан был, где граффити только четырьмя цветами бомбить можно было. Всякая атрибутика, все как надо. Ахахах. Эх, были времена! А когда Dr. Dre вы...

Л и з а (*перебивает*). А я в школе от Backstreet Boys тащилась!

А р т е м и й . Не будем о них.

Лё н я . Эт точно.

А р т е м и й . И о субкультурах тоже (*смеется*). Я уже не в том возрасте, чтобы разбираться, кто рэпер, а кто нет. Я нет. И вообще себя ни к кому и никуда причислить не могу. И надеюсь, никогда не придется.

Лё н я . Не, чувак, ну ты рэп любишь?

А р т е м и й . И хип-хоп люблю. И трип-хоп люблю. И фанк. И Баха. И break bit тоже люблю. И Высоцкого. И ваще я музыку люблю. И сочиняю ее даже иногда. И траву курю. Чё там еще? А! И Тупака уважаю. И людей, кстати, не классифицирую, особенно по музыкальным пристрастиям и внешнему виду. И...

Лё н я . Ладно, ладно, чувак. Всё, отстал. Я же просто спросил. Чё ты так завелся.

А р т е м и й . Хер его знает! Стремная тема. Не понимаю таких вопросов.

Л и з а . Так ты рэп сочиняешь?

Смеются.

А р т е м и й. Только фристайл, детка!

Л ё н я. А можешь че-нить прям щас забачать?

Л и з а. Да! Давай.

А р т е м и й. Да не вопрос, ребята. Этот фристайл для вас, здесь и сейчас. Welcome во Вьетнам, погода просто класс, в Южно-Китайском море обитает экстаз! Рад нашему знакомству, особенно с Лизой, и это нормально, чувак, не смотри с укоризной. Это утро прекрасно, и я жду друзей, чтобы им показать чудесный ручей, аборигены зовут его источником фей. Он через дорогу от этой обители, друзья здесь 10 дней, но его еще не видели. Потом поедем в город, в основном там только местные: улыбчивые, добрые, короче, классные. Хотя люди вообще очень разномастные.

Появляются Коля и Дима (со стороны улицы). Подходят к ребятам, здороваются и присаживаются к ним. Артемий продолжает фристайлить, его не перебивают, молча с интересом слушают и улыбаются. Лёня кивает в такт головой и ладошкой по столу выстукивает бит, типа он в теме.

А р т е м и й (*продолжает*). Это страна буддизма — агрессии здесь нет, вот подошли ребята, ребята, привет! Я немного устал — вторые сутки без сна, но сейчас не об этом. Позитив и весна. Улыбайтесь побольше, ребята, как в детстве. А вот идут мои друзья, наконец-то! (*Встает.*)

Появляются Алиса и Федя (со стороны номеров). Они держатся за руки. Они почти всегда держатся за руки. Алиса одета немного вычурно, а Федя наоборот. Все оживляются. Кен встает.

А л и с а (*издалека*). Всем доброе утро! (*Машет Кену.*) Хин чао!*

Ф е д я. Хин чао.

К е н (*расплываясь в искренней улыбке*). Хин чао. Hello!

Д и м а (*радостно*). Привеет!!!!

К о л я. Доброе утро.

* Доброе утро.

Лиза промолчала, Лёня приветливо махнул рукой.

Артемий. Утро-то доброе, спору нет. Но я вас тут уже минут 40 жду. Все как всегда, блин!

Федя. И я тут, как всегда, ни при чем! (*Одновременно здоровается со всеми.*) Я тоже жертва ожидания.

Федя и Артемий лукаво переглядываются и заговорщицки смотрят на Алису. Остальные внимательно и с интересом следят за их полемикой.

Артемий (*продолжая глядеть на Алису*). Por qué, amigo?

Федя. Да так... один милый капуцин не мог выбрать, какие сережки надеть (*изображая инфантильность*): красненькие с пачификой, желтенькие арбузики или висячие с Бобом Марли. (*Смотрит на Алису с нежным укором.*)

Дима (*крайне удивлен*). А кто такой капуцин?

Алиса, Федя, Артемий и Лёня разражаются хохотом.

Алиса. Это обезьянка такая офигенная... Из Бразилии...

Дима (*не догоняет*). У вас в номере?!

Федя. Ага.

Артемий (*сдерживая смех*). И в итоге капуцин выбрал разноцветные веера в ушки. [Могут быть любые другие серьги.]

Алиса (*отбивает ему пять*). Да, чувааак! И извини, что задержались. (*Жалобно.*) Пожалуйста.

Артемий. Все ровно, своих друзей готов ждать сколько угодно. Главное, чтоб в красивых сережках были.

Федя (*глядя на Алису*). Да хер его знает...

Алиса бьет его по плечу.

Лёня (*Алисе*). Серьги зачет.

Алиса. Спасибо.

Коля. Да. Прикольные.

Алиса. Спасибо.

Дима. Алис, а почему ты капуцин?

Л и з а . Это кликуха такая? Да?

А л и с а . Неее. Это просто на данный момент я — капуцин.

К о л я и Д и м а . В смысле?!

Алиса поднимает глаза и загадочно улыбается, Федя картинно разводит руками и целует ее в плечо.

Л ё н я . Не, ну а если серьезно, это как?

А р т е м и й (*смеется*). Ребята, даже не пытайтесь это понять. Целее будете.

Л ё н я (*Алисе*). Ты такая интересная...

Ф е д я . Ты тоже.

А л и с а . Ладно, ребят, давайте, нам пора идти, а то у нас сегодня последний день. (*Мечтательно*.) Хочется, чтобы он был как можно длинней — столько еще всего хочется зацепить.

Д и м а . А у вас трансфер из отеля сегодня ночью? В три, по-моему?

А л и с а (*улыбается*). В полчетвертого.

Д и м а . Ну тогда еще увидимся. Можт, поужинать сходим вместе?

Ф е д я . Да можно, вечером решим.

А л и с а . Да неее. Мы же в Фантьете ужинать собирались?

Ф е д я . А, точнок...

Д и м а . Давайте тогда рома поьем у бассейна или на побережье?

Ф е д я и А л и с а . Судовольствием, отличная идея.

А р т е м и й . Я с вами.

К о л я . И я!

А л и с а (*Коле и Диме*). А вы же сегодня куда-то собирались? На крокодиловую ферму, по-моему?

Д и м а . Так мы щас и поедем скоро.

А р т е м и й . На ферму? Там не фиг делать, мужики.

Д и м а . Ну там еще термальные источники.

А р т е м и й . А вот это уже пободрее тема.

К о л я . А почему на ферме не фига делать?

А р т е м и й . Ну как почему? Приедете вы туда, покажут вам крокодилов, можете их покормить. Потом кого-нибудь из них

зажарят на вертеле и предложат вам отведать. Я даже веган, например, с такого расклада в осадок выпал, но сейчас речь не обо мне. Короче, вточите вы крокодильчика, тыры-пыры, и поведут вас в магазин с изделиями из него же, родненького. Короче, трэш.

А л и с а . Жесть!

Ко л я . Жесть?! Ты вчера сама рассказывала, какой крокодил вкусный?!

Ди м а . Дадада.

А л и с а . Да, было дело. Но просто попробовала для разнообразия, и перед тем, как есть крока, я ему пообещала, что больше этого делать никогда не буду. А он очень вкусный, между прочим. И мне еще очень хочется. Но я не буду.

Ф е д я (*обнимает ее*). Капуцин больше не будет.

Ар т е м и й . Красотка, отбей пять.

Ди м а . А ты тоже вегетарианка?

А л и с а . Нет, но мне бы очень хотелось не есть мяса, но я его очень люблю и пока не получается. Но я знаю, что когда-нибудь я завяжу и с ним. (*Улыбается.*) Лет через восемь.

Ко л я . Так если ты не вегетарианка и тебе очень хочется съесть крокодила – пойди и сделай это!

А л и с а . Не буду!

Л ё н я . Но ты ведь уже делала это!

А л и с а . Он все равно был уже мертвым, и я посчитала, что ничего страшного, если я из любопытства его попробую. Мне показалось, что пусть лучше его съем я, чем какой-нибудь обмудок. Это был первый и последний раз.

Ко л я . Во! Точно! Если тебе его так жалко, то просто думай о том, как ему приятно, что его съела такая красивая девочка и он оказался в прекрасном теле, а не внутри какого-нибудь гоблина. Он, может, всю свою крокодилью жизнь об этом мечтал! И ты теперь можешь еще какого-нибудь крокодила осчастливить.

Л ё н я . Да ты вообще можешь делать, что хочешь!

Ф е д я . Во-во. Я тоже так считаю.

А л и с а (*входит в фаж*). Нет, не могу. Я ему обещала!

Ди м а . Кому?

А л и с а . Кроку.
А р т е м и й . Он был мертв и не слышал тебя.
А л и с а (*дурачась*). Его душе.
Ф е д я . Бляя! Это уже совсем клиника! Поехали. Ребята, не ешьте крокодилов.

Все смеются. Дима сильнее и громче всех. Видно, что этот разговор произвел на него сильное впечатление. Федя тянет Алису на улицу. Артемий идет за ними. Оставшиеся переглядываются.

Д и м а (*вслед*). Федь, а ты вегетарианец?

Ф е д я . Не дай Бог!

А л и с а (*уже на выходе, оборачиваясь*). Есть или не есть животных — это спорный вопрос. Но вот когда люди надевают на себя их трупики — это реально стремно. То же касается и кошельков, сумок, чучел, подвесок и тому подобному — все в трэш. (*Улыбается*.) Так что приедете на ферму — не ходите в магазин или по крайней мере ничего там не покупайте. Берегите карму.

Со стороны номеров появляется Лепрекони и подмигивает Алисе. Еще его видят Федя и Дима. Но никто из них виду не подает, дабы не прослыть сумасшедшими.

Ф е д я (*Алисе*). Какой спич будет следующим? О вреде курения?

А р т е м и й (*смеется*). Давай, малышка, наставь пацанов на путь истинный.

А л и с а . Не смешно.

Д и м а . А она права. Я, кстати, теперь задумался. Это же реально трупы, а мы их эксплуатируем...

Л и з а . Вступите в «Гринпис». Там тоже люди ни фигу не понимают в роскоши, шике и... натуральности. Мне вообще кажется, что так рассуждают только те, кто не разбирается в мехах и коже, или те, у кого нет на это денег. Вот и все! А попасть в место, где можно что-нибудь дешево купить из крокодильей кожи, и не купить — может только кто-то совсем недалекий!

А л и с а (*сморщилась*). Недалекий — это отличное слово, девушка. Подумайте о нем на до-су-ге.

Все заулыбались.

Л и з а . Меня Лиза зовут, а не девушка.

А л и с а . Прекрасное имя.

А р т е м и й (*подталкивая к выходу Алису и Федю, вполголоса*).
Пойдемте.

Л и з а . Девушка, а обувь у вас из чего?

А л и с а . Ты хочешь узнать, ношу ли я кожаную обувь? У меня много обуви, есть кожаная, хотя я стараюсь, чтобы ее было как можно меньше. (*Задумывается.*) Да у меня, кстати, вообще только одни сапоги из натуральной кожи! И знаешь ли, одно дело обувь из кожи животных, которых веками выращивают для того, чтобы их есть и делать одежду из их шкур. Это малосимпатичные процессы, но так уж сложилось исторически. (*Начинает заводитьсь.*) А другое дело завалить какого-нибудь питона или песка, чтобы потом какая-нибудь дура могла лишний раз выебнуться перед другой душой. Лиза, а видела ли ты когда-нибудь, как забивают палками бельков, насмерть, долго, чтобы не повредить их прекрасную ценную шкурку? Или хотя бы можешь себе представить это? А знаешь, сколько сотен подобных мерзких и ужасных примеров еще можно привести?

Д и м а (*участливо*). Это очень печально. На самом деле.

Л и з а (*изображая равнодушие*). Я не знаю, кто такие бельки.

Ф е д я (*тихо, Алисе*). Девочка моя, успокойся.

Все посерьезнели и ждуг продолжения монолога. Появляется Хея с едой на подносе и садится за столик для персонала. Окидывает всех хмурым взглядом исподлобья. Начинает сервировать.

А л и с а (*Хее*). Хин чао!

Хея (*заулыбалась*). Хин чао.

Ф е д я , А р т е м и й . Хин чао.

Хея угрюмо кивает им в ответ. Кен встает к стойке и начинает что-то весело говорить Хее. Она опять расплывается в улыбке. У них проис-

ходит короткий оживленный диалог с хохотком. Все теперь смотрят на них, как будто пытаюсь вникнуть в их разговор, переглядываясь и улыбаясь. Хея и Кен видят это, но им все равно. Потом Кен выходит из-за стойки и идет в сторону номеров. Хея продолжает сервировать стол на несколько персон.

Коля. А вот интересно, как эти ребята (*указывая на Хею*) относятся к тому, что убивают крокодилов, едят и пускают на всякие кошельки с ремнями? Для них же это абсолютно нормально, потому что этих крокодилов здесь до фига?

Лёня. Ага. Ну уж точно не меньше, чем в России свиней там всяких. Вон, фермы тоже есть. Так чё ж плохого в том, что их тут пользуют по полной. Ну по крайней мере для местных в этом ничё плохого нет. Климат такой у них. Что на это скажешь, Алис?

Федя. Да ничего она не скажет, чувак. Она уже все сказала, что хотела. А вы, ребятки, кажется загноулись.

Артемий (*смеется*). Во-во.

Дима. Я тоже обратил внимание.

Лиза (*Диме*). А ты всегда поддакиваешь?

Он делает вид, что не слышит ее.

Алиса. И напоследок, чтобы прояснить ситуацию....

Федя (*ей с нежным укором*). Девчонка, поехали уже наслаждаться последним днем во Вьетнаме.

Артемий (*садится на корточки*). У тебя есть ровно минута, детка.

Алиса. Я просто теперь хочу сказать (*оглядывает присутствующих*) на всякий случай, что я не блажная, не поборница морали, не защитница животных. Мне просто их жаль и жаль людей, которые их убивают и укутываются в их трупы, нося на себе смерть. Можно есть или не есть коров, свиней, баранов всяких, хер с ним, крокодилов. Это очень скользко и спорно. Но убить куницу и нахлобучить ее труп себе, например, на голову... Да, для меня лично это страшная стремная история. И это просто мои личные ощущения, переживания, если хотите —

позиция. И я ее никому не навязываю и никого ни к чему не призываю и не осуждаю. Просто поделилась с вами. Всего-на-всего. Может быть, я просто очень люблю животных....

Л и з а . Видимо, больше, чем людей.

А л и с а . Вполне возможно....

К о л я . Это очень радикальная позиция.

Федя и Артемий переглядываются и улыбаются.

Д и м а . Алиса! Я вот уважаю твою позицию. Супер.

Л ё н я (*хихикая*). Какую из? Ты теперь тоже немного разлюбил людей и чуть больше полюбил зверье?

Д и м а (*не обращая внимания*). Я теперь, прежде чем съесть кого-то, подумаю лишний раз. А уж чтобы носить одежду из животных — это точно нет! Раньше я вот над этим не задумывался даже. Спасибо.

А р т е м и й . А как же крокодилья ферма?

А л и с а . Поехали с нами.

К о л я . Эй, Диман, не бросай меня! Я чё, один поеду?

А л и с а . И ты тоже к нам присоединяйся.

К о л я . Да с удовольствием, но мы уже по 100 евро за экскурсию пробашляли.

Д и м а (*выходит из-за стола и становится в центре сцены*). Блиинииин, да. За нами щас уже автобус приедет.

А л и с а . Ну, удачи вам! Вы во сколько вернетесь?

Д и м а . Часов в девять. А вы?

Ф е д я . Ну где-то так же. Нам еще надо вещи собрать.

Д и м а . Ну тогда увидимся? Попьем рома?

Ф е д я . О'к.

Д и м а . Только обязательно.

А р т е м и й (*выталкивая друзей на улицу и исчезая вслед за ними*). Всенепрременно.

Д и м а . Удачного дня! До вечера! Увидимся! Оторвитесь по полной!

А л и с а (*с улицы, всунув голову в вестибюль*). Спасибо. Мы тогда часам к десяти к бассейну подтянемся.

Д и м а . Отлично!

Лёня. Алииис....

Алиса. А?

Лёня. Я вот кошелек хотел купить из страусиной кожи...

Алиса. Ну и?

Лёня (*смотрит за ее реакцией*). Но теперь не буду.

Лиза (*ехидно, глядя его по голове*). Какой молодец.

Алиса (*тоже ехидно*). Супер.

Лёня. И одежду из животных надевать на себя не буду. Уж при тебе точно. (*Расхрабрившись*.) Вот только пару молоденьких симпатичных вьетнамочек надену сегодня на одно место, можно?

Коля ухмыльнулся, Лиза поморщилась.

Алиса (*скривившись*). Главное, петушка какого-нибудь не надень. Или наоборот. Адьос! (*Мгновенно исчезает*.)

Все засмеялись, Дима восторженно, схватившись за голову и громче всех. Лёня засмутился и притих.

Коля. Дерзкая она девчонка, по ходу.

Дима. Ваще класс! И Федя ее тоже классный тип. Офигенная пара.

Коля. Ну да, кстати. Мне они еще вчера понравились. Простые такие.

Дима. Прикольные....

Лиза. Прикольные?! Особенно она. Да за такое, по-моему, можно по голове получить. Куда ее друг смотрит?

Дима. Муж.

Лиза (*пренебрежительно*). Таких, как она, еще и в жены берут?

Лёня. Я б тоже взял, ваще не раздумывая. Девочка — зачет. А какие у нее ножки....

Коля. Да я думаю, никто бы не отказался.

Лиза (*сморщившись*). Видимо, у вас дурной вкус, парни. (*Лёне*.) А от тебя это слышать совсем смешно. Она тебя тут так сейчас опустила....

Лёня. Опускают на зоне, Лиза. А здесь прозвучала невинная детская шутка. Необдуманная и немного глупая, но...

Дима (*заканчивает*). Все же шутка! И она не по-злomu это сказала.

Лёня. Тем более, она, по-моему, совсем молоденькая. И такая красивенькая... Так что ей прощается. А ты, Лиза, не морщи так нос, а то уже не девочка. (*Засмеялся.*) Скоро будешь как шарпей, на ботоксе разоришься.

Лиза. Совсем дебил?!

Лёня (*пытается приобнять ее*). Да ладно, я прикалываюсь!

Лиза (*вскакивая со стула*). Прикалывайся так с вьетнамочками, с подругой со своей новой, (*кивая на Колю с Димой*) с ними, (*на Хею*) с ней. А со мной в таком ключе я общаться не позволю.

Быстрым шагом Лиза направляется в номер и чуть не сбивает с ног входящих ей навстречу Кена, Тина и его жену. Все они в недоумении оборачиваются ей вслед и что-то спрашивают у Хеи. Она им отвечает, а Кен начинает хохотать. Хея рассмеялась в ответ. Не сводя друг с друга глаз, они быстро и хохоча тараторят, пока жена Тима не обрывает их диалог. Она делает это резко и смотрит на них очень строго, оглядываясь на русских туристов. Потом они садятся за свой столик и начинают молча есть.

Дима. Жестко как-то получилось.

Лёня. Я че, специально?

Коля. Да ничего ей вообще такого не сказал. Женщины, что сказать. У них там какие-то свои понятия. (*Пауза.*) О! По ходу, автобус наш приехал. (*Встает, идет на улицу.*) Пойду посмотрю. (*Уже с улицы.*) Диман, поехали, это за нами.

Дима (*вставая*). Все, Лень, поехали мы. Не прощаемся.

Лёня. Давай.

Дима тоже выходит на улицу, слышится звук мотора отъезжающего автобуса. Лёня остается наедине со своим ноутбуком и трапезничающими вьетнамцами. Он погружается в монитор, периодически щелкая клавиатурой. Появляется Агнесса Кирилловна и решительным шагом идет к нему.

Лёня (*поднимает голову*). Здравсьте.

Агнесса Кирилловна. Подкрассьте! Че за фигня, Лень?

Лёня. Что стряслось, Агнесса Кирилловна?

Агнесса Кирилловна (*хабалисто*). Что стряслось?! Ты чё своим языком языком мелешь, придурок малолетний? У меня почему дочь вся в слезах прибежала?!

Лёня. А, вы об этом. Ну пошутил я неудачно, но я сразу попытался сгладить ситуацию.

Агнесса Кирилловна. Хреново пытался, видать! Вот если ты нормальный человек — пойди к ней и извинись!

Лёня (*встает*). Легко, Агнесса Кирилловна!

Агнесса Кирилловна. Вот! Молодец! Че стойм, кого ждем?

Лёня. Уже иду, Агнесса Кирилловна. Вы только мой ноут посторожите пока, пожалуйста.

Агнесса Кирилловна. Ниче я сторожить не буду, я тебе че? Собака? Да и от кого сторожить? (*На вьетнамцев*.) От них, что ль? Они вон заняты, едят свою гадость, вонища стоит на весь холл. (*Зло усмехається*.) Рабы безропотные. А ты, Лень, иди, иди, не стой.

Лёня (*идет*). Иду, иду, Агнесса Кирилловна. Привет от вас передать или вы со мной?

Агнесса Кирилловна. Я пойду по сувенирам прошвырнусь, а ты иди извиняйся. Приду — проверю. А то как в ухажеры к ней набиваться — эт ты горазд был.

Лёня (*останавливаясь*). А у нее теперь новый ухажер — (*театрально*) художник.

Агнесса Кирилловна. Какой на хер художник?!

Лёня. Сегодня приходил сюда. Он друг Алисы с Федей.

Агнесса Кирилловна. Каких еще Алисы с Федей?

Лёня. Ну эти, мальчик с девочкой красивенькой, которых вы не любите чё-то.

Агнесса Кирилловна. А, эта тощая придурошная. И хахаль ее придурошный, ходит лыбится всем всё время? Они еще и друга сюда привели? Художника? Да не дай Бог.

Лёня. Он, кстати, местный....

Агнесса Кирилловна (*поднимая бровь*). Вьетнамец, что ли?

Лёня. Неее, живет тут неподалеку, в соседней деревне.

Агнесса Кирилловна (*усмехаясь*). Чё ж он друзей своих придурошных к себе не заберет? А то ходят по отелю, глаза мо- золят, лыбятся что вьетнамцы эти дебильные.

Лёня. Он комнату снимает.

Агнесса Кирилловна. Ну и им бы снял, бомж вьет- намский.

Лёня (*игриво*). Ну откуда столько негатива, Агнесса Кирил- ловна? Посмотрите, какая погода!

Агнесса Кирилловна. А откуда столько дебилов во- круг, Лень? Иди вон уже.

Лёня (*приставляя ладонь ко лбу, как военный*). Как скажете, Агнесса Кирилловна! Иду!

Тин посмотрел на него и засмеялся в голос, его жена строго посмотре- ла на него.

Агнесса Кирилловна. Вот чё он заржал, собака!

Лёня. Я смотрю, вы и вьетнамцев очень не любите?

Агнесса Кирилловна. Очень не люблю.

Лёня. Зачем приехали сюда?

Агнесса Кирилловна. Больше не приеду. Антисанита- рия поганая.

С этими словами она выходит на улицу. Лёня облегченно выдыхает, показывает ей вслед fuck и идет к Лизе. Его последний жест приводит вьетнамцев в детский восторг, даже жену Тина, но они выражают его более чем сдержанно, подавляя смех, и молча продолжают есть. Свет гаснет и играет музыка: любой dark psy, желательно Searching Ganesha.

Картина вторая

Ночь того же дня. Освещение очень тусклое. Терраса отеля с бассейном. Бассейн – это зрительный зал. Вправо от террасы – номера, влево – выход к морю. Неподалеку от бассейна, в углу, стоит стол со стульями-креслами или лавками, а ближе к краю сцены рассредоточены пара лежаков и пара стульев-кресел. На столе пепельница, куча бутылок, в основном с пивом, пачки сигарет, что-нибудь из еды к пиву, ананас. За столом Яна, Наташа, Лиза, Коля, Миша пьют пиво – все, кроме Лизы и Коли, которые не расстаются со своими телефонами, выглядят изрядно подвыпившими. Миша с ноутбуком и весь в нем. Рядом со столом, но словно отдельно ото всех, придвинув свой стул, сидит Лёня с раскрытым ноутбуком и периодически участвует в общем разговоре. На лежаке полулежит тусуется Дима, попивает вино из бутылки и наблюдает за происходящим. Рома в бассейне, молча, большую часть времени спиной к зрителям, облокотившись о край бортика (край сцены). На полу разбросаны бычки, фантики и так далее. Яна в ярком купальнике, Наташа в пестром сарафане в пол, Лиза в белом, Коля в шортах с голым торсом, Миша и Рома в плавках, Лёня и Дима в шортах с футболкой.

Яна (*Мише*). Ты достал уже, блять, со своим компом походным! Чё ты там делаешь опять? Если тебе на меня похер, так ты хотя бы с людьми пообщайся. (*Раскидывая руки в стороны.*) Посмотри, блять, как нас здесь много!

Наташа натужно и показно смеется. Практически после каждой фразы Яны.

Миша. Щас, Янусь, еще пару минут. У меня здесь важно.

Яна. Ну-ну.

Наташа. Что может быть важнее нас?

Яна и Наташа неприятно смеются, Лиза улыбается.

Миша. Ничего, конечно, девчонки, не может быть важнее вас. Через пару минут я присоединюсь.

Яна. Заебись, Наташ, мужики пошли! Да? Отдыхаем, блять! Один в ноут влип, другой из бассейна не вылезает и никто ему

не нужен, *(показывая на Диму)* этот вообще какой-то странный, Лёньчик там сзади примостился и тоже, блять, с компьютером! *(Оборачиваясь к нему.)* Эй, Лёнь, ты там не с мужиком моим переписываешься? А то, если чё, он вот сидит — можете так попиздеть...

Н а т а ш а *(хихикает)*. А мы слушаем!

Л и з а . Девочки, вы, кажется, не заметили, есть у нас один мужчина. *(Показывает на Колю.)*

Я н а . Да какой!

Н а т а ш а . Лысый, накачанный!

Я н а . Брутал, блять!

К о л я . Дамы, вам, наверное, пора заканчивать выпивать.

Я н а . Ооооо?!

Н а т а ш а . Да еще никто не начинал. *(Рома.)* Да, дорогой?

Рома махнул на нее рукой. Обе гаденько засмеялись. Лёня захлопнул ноутбук, взял бутылку пива со стола и отхлебнул.

Н а т а ш а *(захлопала в ладоши)*. Bravo! Он вернулся к нам!

Л ё н я . Ну, а вы ныли. Вот вам еще один собутыльник. Правда, мы вас скоро покинем.

Н а т а ш а . Кто это мы?

Л ё н я . Мы с Лизанькой сегодня поклубиться собираемся.

Н а т а ш а . А нас, значит, хер кто позвал!

Л ё н я *(смеется)*. Я боюсь, вы drink control не пройдете.

Н а т а ш а . А кто не пустит-то? Вьетнамские крестьяне?

Я н а . Да я их всех там на хер раскидаю.

Л и з а . Девчонки, поехали с нами, если хотите. Я просто еще предложить не успела.

Я н а . Не, Лизок, мы пас.

Н а т а ш а . Мы как-нибудь так, по-домашнему.

Я н а . А тебе, Лизка, не запахло с ним ехать? А то он позавчера в алкогольной коме тебе в любви и вечной дружбе клялся, замуж, блять, звал. А вчера сюда целый день шлюх узкоглазых вызывал. Вот так поедешь с ним в клубец, а он себе там проститутку вьетнамскую найдет и свинтит с ней куда-нибудь.

Л ё н я . Я такой, за себя не ручаюсь.

Н а т а ш а . Вот. Видишь?
К о л я . Я тоже хочу. Можно с вами поехать?
Л ё н я . Поехали, конечно.
К о л я (*Диме*). Ты поедешь?
Д и м а . Я нет. Я ребят жду.
Н а т а ш а . Каких?
Д и м а . Федю с Алисой и ихнего друга.
К о л я . Да, кстати, они сегодня своего дружбана приводили.
Уматный тип. Художник.
Л ё н я . Своеобразный такой молодой человек.
Л и з а . Он меня, между прочим, нарисовать очень хотел. Наверно, даже сегодня. (*Смотрит на Леню, потом поверх остальных.*)
Так что я, может, никуда и не поеду.
Я н а . Ни хера б себе. А он точно приедет?
Л ё н я . Обещался.
Н а т а ш а . О, с художником побухаем.
Я н а . Интересно.
К о л я . Если они приедут еще. А то они к десяти обещались, а щас (*смотрит на часы*) за полночь уже.
Д и м а . Как они могут не приехать, если у них трансфер в полчетвертого?
Н а т а ш а . Куда?
Д и м а . В Сайгон, в аэропорт.
Н а т а ш а . Можт, в Хошимин?
Д и м а . Можно и так. Но я сам не раз слышал, как они его все по старому называют – Сайгон.
Н а т а ш а . Они для меня не авторитет.
М и ш а (*оторвался от ноутбука*). А они уже сегодня улетают?
Д и м а . Ага.
Я н а . О! Воспрял! Чё, понравилась?!
М и ш а . Кто?
Я н а . В пальто! Олеся эта! Кудесница леса, блять!
Д и м а (*поправил*). Алиса.
Л ё н я . Поверь, это ее теперь мало волнует.
Я н а . Че молчишь?
М и ш а . Что можно сказать про этот пьяный бред.

Все затихли. Яна берет ананас и нож.

Яна. Правильно, помалкивай. Можт, тебе ананасику порезать. *(Начинает кромсать его и швырять на стол.)* Любовь твоя придет — угостишь ее.

Миша *(спокойно)*. Какая любовь? Я просто спросил: они сегодня улетають?

Яна *(продолжая разделявать ананас)*. Сегодня, сегодня. Разлучит вас жизнь. А я думаю, чё ты ей все время помогаешь? То дверь ей откроет, то... *(швыряет на стол последний кусок и нож, потом замечает под Диминьм лежаком бутылку рома)*. Опа! *(Диме.)* Эт чё у тебя за пойло? Давай-ка его сюда. Я засервирую с ананасиком.

Наташа. Охрененно будет.

Дима. Не будет.

Яна. Давай, давай. Сюда.

Дима. Нет.

Миша *(сжимая ее запястье)*. Прекрати себя так вести.

Наташа *(Мише)*. Да лан те. Че такого-то?

Дима *(протягивая ей откупоренную бутылку, которая у него в руке)*. Вот. Можешь взять эту. Не вопрос. А ром я не дам.

Яна. А чё так?

Дима. Это я ребятам привез с экскурсии. Мы договорились сегодня рома попить перед их отъездом. Все чинк-чиринк.

Коля. Это клевый ром.

Яна. А если я сама возьму?

Дима. Попробуй.

Яна, пошатнувшись, резко рвется в его сторону, но Миша успевает схватить ее. Дима показывает ему большой палец вверх.

Яна. Ты чё делаешь, бля??!!

Миша *(не отпуская)*. А ты? *(Сажает ее за стол.)* Посиди уже, успокойся.

Гаснет свет и наступает полная темнота. Немного света дает Мишин ноутбук.

Лёня *(протяжно)*. Опять.

Н а т а ш а . Они задолбали уже, в натуре! Чё за люди?!

Л и з а . А я хотела переодеться идти.

Л ё н я (*изриво*). Я могу помочь тебе переодеться....

Я н а (*еле ворочая языком*). Таких помощателей у нас до хуя.

Слышны смешки. Лёня раскрывает свой ноутбук. Появляется еще очаг света. Его примеру следуют Лиза и Коля со своими телефонами. Миша приобнимает Яну, а она кладет ему голову на плечо и притихает. Лёня изображает привидение и атакует Лизу.

Н а т а ш а . Дорогой, ты там не утонул?

Р о м а . Нет.

Н а т а ш а . Ну давай уже вылазий, пивка с нами попей.

Р о м а (*вылезая*). Щас.

Рома молча поднимается на сцену, садится за стол и берет бутылку пива. Что-то весело напевая, появляется Тин с двумя фонарями (свечами) и ставит один на стол, потом достает пакетик и начинает собирать мусор, валяющийся на полу. Вслед за Тином входит Лепреккон, спускается в бассейн и начинает плавать. Его видит только Дима и не сводит с него глаз. Лепреккон подплывает к бортику и машет ему рукой. Дима в удивлении выпучивает глаза и щипает себя, а Тин, находящийся в этот момент сзади него, быстро вскидывает руку вверх, словно приветствуя кого-то.

Н а т а ш а . О! Смотрите, он кому-то маякует!

Д и м а (*встрепенулся в надежде, что она говорит про Лепреккона*). Кто??!!

Н а т а ш а (*показывая пальцем*). Вьетнамец этот.

Л ё н я . Да-да-да, я тоже видел. Его Тин зовут. Веселый малый. (*Диме*). А ты чё так разнервничался?

Д и м а . Ничего. Все чинк-чиринк.

Лепреккон все это время, облокотившись о бортик, наблюдает за происходящим. Дима, улучив момент, когда никто не смотрит, машет ему рукой, но тот, не шелохнувшись, громко рассмеялся. Дима в испуге озирается по сторонам, пытаясь понять по реакции окружающих, слышал ли кто-то из них этот смех. Какая-либо реакция с их стороны отсутствует, но тут начинает смеяться Тин.

Лиза. Какой-то он странный мужчина...

Коля. Сам с собой развлекается.

Дима (*как во сне*). А может, у него есть мифический друг?

Наташа. А то и два, а может, и три.

Лёня. А может, он под наркотой, и его прет?

Дима. Не поверите, но как под наркотой себя чувствую я...

Наташа. Поверь мне на слово, ты и выглядишь соответств...
тьфу... соответ... бя... Соответствующе. Можт тебе пойти поспать? А то ты, похоже, бледного словил.

Дима. У меня все чинк-чиринк.

На этой реплике из бассейна вылезает Лепреккон, отряхивается и идет в сторону номеров.

Яна (*оживилась*). Он просто друзей своих заждался, Натах. Взгрустнул, видно, малый.

Дима. Кто?

Яна. Кто? Ты, ёпта! Извелся бедняга.

Лиза. Ага, прям влюбился в них. Все утро сегодня рассказывал, какие они классные, а сам их вторые сутки только знает.

Дима. Если они классные, что я могу поделатъ?

Яна. А мы здесь уже неделю, и нам так не показалось.

Лёня. Не соглашусь. Я здесь тоже неделю — нормальные они ребята.

Яна. Чё нормального? Ходят лыбятся, ни с кем не общаются. Хуй когда здороваются.

Миша. Со мной здороваются.

Наташа. И со мной.

Лёня. А со мной еще и общаются. Они просто на своей волне.

Коля. Ну да, кстати. Мы вчера с Диманом вселились когда, к нам Федя сам подошел, познакомился. Потом девочка его подтянулась, и мы часа четыре проболтали. Интересные они.

Дима. Ваще офигенные.

Тин продолжает уборку террасы, и видно, что ему не хочется уходить.

Яна начинает еще активней налегать на спиртное.

Наташа. Диман, если они тебе так милы, то замутите шведскую семью.

Дима (*смущенно*). Наташ, ты совсем, что ли?

Наташа. А чё? Щас это модно, стильно, молодежно. Будете втроем тусить.

Дима (*встает*). Я эти гадости слушать не собираюсь.

Яна. Натах, у них там этот еще. Бля. Как там его?

Наташа. А! Художник! Точняк! Будут вчетвером оттопыриваться!

Дима идет в номер, Коля встает и идет за ним с целью вернуть.

Лёня (*им вслед*). Не обращай на них внимания, чувак! Пьяные женщины. Вернись. (*Женщинам*.) На фиг вы так?

Яна. А чё такое?

Наташа. Мы типа пошутили немного, чё парень сидит скучает.

Миша. Люди по-разному шутки воспринимают. Видимо, для него шутки такого рода неприемлемы. И правильно. Мне бы тоже не понравилось.

Яна. Да лан, чё такого-то? Сахарный, что ли? Пиздец как пацана обидели. (*Допивает очередную бутылку пива и громко ставит на стол*.)

Наташа. Эт его так художник добил!

Яна. Не, художников я люблю. Художника себе оставим, он должен быть сексуальным.

Миша. Чё ты несешь? Совсем набралась?

Яна (*передразнивая*). Набралась.

Миша. Ведешь себя, как быдло. Надоело смотреть, я пошел. (*Встает и уходит*.)

Яна. Попутного ветра. Когда будешь возвращаться, пивка зацепи, а то кончается.

Наташа. Еще вискарь есть.

Яна. Адавай. (*Тиню*.) Эй, товарищ, накрутишь с нами? (*Лёне*.) Как его там звать-величать?

Лёня. Тин.

Тин уже все понял и, поскольку ему только этого и надо, подошел к столу.

Яна (*тыкает ему в лицо фонарь*). Чё со светом происходит, сука? (*Гогочет.*)

Тин (*улыбаясь*). А?

Яна. Чё а? Чё со светом, спрашиваю? Иди чини, блять.

Наташа (*берет бутылку в руку*). Хватит тебе, Ян. Он не виноват. Тин, дринк с нами.

Яна. Не виноват он. (*Берет стакан в руку*.) Тин Иваныч, а давай напиздимся.

Лёня. Ян, ты, кажется, уже.

Наташа разливает виски по стаканам. Все выпивают, кроме Лизы и Лени. Тин выпивает с особым удовольствием. Яна делает ему знак присесть, и он присаживается за стол. Лёня опять утыкается в ноутбук.

Появляется Федя.

Федя. Всем привет! Ни у кого фонарика лишачкового нет на 15 минут?

Яна. Привет-привет. А ты кто?

Федя. Пацифист.

Яна. О как завернул!

Федя (*улыбается*). Ну так что?

Лиза. Собраться не можете, наверно?

Федя. Ага. Уже большую часть собрали, и свет вырубился. Засада.

Лёня. А чё вы мобилами не посветите?

Яна и Наташа пристально смотрят на Федю.

Федя. Чувак, ты просто Капитан Очевидность! Конечно, мы светили всеми девайсами, но все равно толку мало. Все вещи разбросаны по номеру — боимся чё-нибудь забыть. Нам нужны более мощные осветительные приборы.

Яна. Осветительные приборы, блять. Ты прям как профессор базаришь.

Федя (*улыбается*). А я и есть.

Наташа. За это надо выпить, а то неделю вместе живем и еще не пили.

Федя. И не выпьем.

Рома (*оживился*). Почему?

Ф е д я . Не выпиваю.

Н а т а ш а . Чё так?

Ф е д я . Как-то так.

Н а т а ш а (*изриво*). Тогда фонарь не дадим.

Ф е д я . А я уже знаю, кто даст. (*Подходит к Тину*). Тин, дай, пожалуйста, фонарь на пять минут (*начинает ему объяснять жестами*).

Я н а . Он тебя прям понял, ща еще канделябр принесет, блять.

Тин: (*внимательно смотрит на Федю, улыбается и кивает на каждую реплику*). Да.

Я н а (*гогочет*). Да блять!

Федя сам смеется, но упорно продолжает объяснять. К нему подключаются Лёня и Наташа. Наконец до Тина доходит, он встает, берет один фонарь, дотрагивается до Феди и показывает ему, мол, пойдём.

Н а т а ш а . Во, прогресс.

Ф е д я (*тянется за фонарем*). Спасибо. Я сам схожу, посвечу и принесу, а ты посиди здесь (*опять на жестах*).

Тин не понимает и тянет его уже за собой.

Л ё н я (*смеется*). По ходу, проще с ним пойти.

Ф е д я . По ходу, да. (*Тину жестом*). Пойдем.

Тин подмигивает ему и радостно следует за ним.

Я н а (*приподнимая бутылку*). Тин, на посошок. (*Наливает и протягивает*).

Тин подходит и выпивает.

Яна и Наташа гадко смеются. Тин улыбается.

Л и з а (*Феде*). А где ваш друг? Он вроде прийти грозился?

Ф е д я . Тема? Он с моей Любимой. Она темноты боится.

Я н а . Бывает.

Федя и Тин направляются в номер и на выходе сталкиваются с Димой и Колей, который успел переодеться. Он одет нарядно, но сдержанно,

на голове стильная шляпа. Все сидящие за столом внимательно и молча наблюдают за этой встречей. Кроме Лёни. Он переписывается.

Дима (*обрадованно*). Какие люди! Куда вы пропали? Я вас уже часа два жду.

Коля. Это правда.

Яна (*кричит*). Весь извелся, бедолага.

Федя. Да мы в Фантжете задержались немного, потом скутер встал. Долгая история. Теперь вот барахло свое никак не соберем. Не видно ни хера. (*Указывая на Тина.*) Но к нам идет подмога, и, думаю, дело пойдет на лад.

Тин улыбается, кивает и дружески хлопает по плечу Федю.

Дима. Давайте, чтобы там все было чинк-чиринк. Я вас жду. Я привез классный ром.

Федя. О'к. Думаю, минут за 15 управимся. Как съездили, кстати?

Дима. Нормально.

Коля. Офигенно.

Федя (*смеется*). Понятно. Неплохо съездили, значит. Потом расскажете, а я пойду пока решать вопросы.

Дима. Приходите скорее! Можт вам помочь?

Федя. Спасибо за предложение. Справимся сами.

Яна (*заплетающимся языком*). Художника пока пришлите сюда!

Все четверо у выхода переглядываются. В их глазах читается фраза: «Жесть!» Федя и Тин уходят. Дима садится на лежак, Коля за стол. Наташа, Яна и Рома молча выпивают еще.

Наташа. Ром, сгоняй на ресепшен, купи пойла, а то всё кончается уже, а Диман свой ром не дает.

Рома. Неохота.

Коля. Мы только что там проходили — он спит уже, этот паренек.

Яна. Ну и хули? Проснется.

Дима. Тебе его не жалко?

Яна. Мне никого не жалко.

Включается свет. Улюлюканье и прочие эмоции по этому поводу. Каждый в своем ключе. Входит Артемий.

Артемий. Привет, ребзю! Кто тут меня желал видеть?

Яна. А ты кто такой?

Артемий. Человек.

Наташа. Человек — это хорошо...

Артемий. Бесспорно.

Лёня. Девочки, это и есть ваш художник.

Лиза. Артемий...

Яна. Ништяк!

Дима. А где Федя с Алисой?

Артемий. Сейчас придут. *(Показывает на выход к морю.)*
Там, я так понимаю, большая вода?

Яна. Догадливый.

Артемий *(направляясь к пляжу)*. Отлично!

Яна. Эй, ты куда?

Артемий. Туда.

Дима. Туда нельзя.

Артемий. Почему же?

Дима. Нам запретили туда ночью ходить.

Артемий. Что за фигня?

Яна. Чё такой упертый? Сказали нам туда не соваться ночью — мы и не суетмся. А ты чё? Особенный?

Артемий. Я уникальный.

Лиза. И очень скромный.

Артемий. Есть такое дело. Так почему на пляж ночью нельзя ходить? Кто вам такую тему прогнал?

Коля. Наш гид, когда мы прилетели.

Дима. Там просто по ночам из моря какие-то твари гадкие вылезают.

Наташа. Гады морские.

Дима. Агрессивные и опасные.

Яна. Понял?

Артемий *(смеется)*. Понял. Нормально вас, ребята, пролечили.

Дима. В смысле?

Коля. Почему?

Артемий. Потому что там не твари никакие, а тупо морские ежи. Они после заката раздуваются и начинают адски тусить по морю, а поскольку эти чувачки немного ядовиты, то купаться по ночам в море не рекомендуется. А то после столкновения с этим ежиком можно потом сильно обламываться дня три. Но они только в воде, поэтому на песочке можно оттопыриваться в любое время.

Яна. Ага, иди попробуй, тебя там быстро разрулят.

Артемий. Кто, ежи?!

Яна *(залилась смехом)*. Вьетнамские пажи!

Коля. Весьма точное определение.

Дима. Да. Там такая фишка. Там эти.... Ну как их? Какие-то, короче, полицейские или охранники патрулируют и никого ночью на пляж не пускают.

Наташа. Какие полицейские? Там так, один мудила горемышный вьетнамский пасется и никого не пускает. Чё орет на своем и руками машет, что и связываться неохота с ним.

Яна. Это он меня не видел, а то я бы его быстро приструнила, он бы мне поорал, сука. Но я туда не ходила — хер ли там делать по ночам? Вот и ты не ходи *(усмехнувшись)*, художник... Лучше с нами накрути за знакомство. *(Хаотично разливает виски в пустые бокалы.)* Накрутим?

Артемий *(садится за стол)*. Легко. А потом расскажу, что можно ночью на пляже делать.

Лёня ухмыляется. Яна, Наташа, Артемий, Рома, Коля и Лиза выпивают.

Яна. Ни фига ты, Колян, нарядился. Шляпа какая у тебя. *(Тянет руку к шляпе.)* Дай погонять.

Коля *(уклоняясь)*. Не сегодня.

Яна. Ты чё? Але?! Ваще мрак. Один бутылку зажал, другой шляпу боится дать. Жлобы. Да чтоб вы обосрались!

Дима и Коля переглядываются и улыбаются.

Артемий. Девушка, откуда столько агрессии в ваших огромных потрясающих голубых, как сапфиры, глазах? Сда-

лась тебе эта шляпа? Расслабься. Ты женщина — блаженство Бога. Твоя суть радовать мир, а не напрягаться. Такая красотка, а тратишь себя на всякую ерунду.

Лё н я . Точно сказано.

Я н а (*кладет руку на руку Артемия*). Мужчина, а ты не кришнаит? Проповедник? Ты нас тут чё, жизни пришел учить?

А р т е м и й . Ни в коем случае. Давайте лучше дунем.

Яна убирает руку, притихает и задумывается. Она теперь молча сидит и слушает. Все рады этому факту, и никто не обращает на нее внимания.

Р о м а (*оживился*). А чё, есть?

А р т е м и й . Есть.

Н а т а ш а (*трепя по голове Рому*). Вот это по-нашему! Да, Ромик? Дорвался наконец.

Р о м а (*улыбается*). Дорвался.

А р т е м и й (*начиная скручивать косяк*). Почему дорвался? Вы чё, шмали тут найти не можете?! На каждом шагу купить можно, все предлагают.

Р о м а . Какую-то шляпу и задорого. Я брал несколько раз, совсем не тырчит.

Н а т а ш а (*смеется*). Полбюджета семейного спустил на эту шляпу, а не тырчит пацана. Трагедия.

А р т е м и й (*забивая*). Проблему понял. Везде нужны свои люди. Эта страна не исключение. Ща все исправим. Вшторит нормально.

Лиза внимательно смотрит на него.

Н а т а ш а . Тебя как зовут?

А р т е м и й . Артемий.

Н а т а ш а . А ты здесь долго уже? Ну, во Вьетнаме?

А р т е м и й . Полгода.

Н а т а ш а . А где живешь?

А р т е м и й . Снимаю.

Н а т а ш а . А чем живешь? Я просто тоже полгода прожила, только на Гоа. (*Ехидно*). Рисуешь?

Артемий (*поднимая на нее глаза*). Типа того. Гоа не люблю — попсня. (*Обращаясь ко всем*.) Ребят, сколько косяков забивать? Все будут?

Лиза. Я точно не буду. Я против наркотиков!

Артемий. А я наркотики не предлагал.

Наташа (*смеется*). Это так, легкое лекарство. Я буду.

Рома. Ты же не шмалишь?

Наташа. А щас дуну.

Коля. Я тоже чуть-чуть попробую, хоть что это такое, а то мне уже тысячу раз пацаны предлагали, а мне все неохота было.

Дима. Я тоже попробую.

Наташа (*смеясь*). Ты и так, как нарик, выглядишь.

Артемий (*смеется*). Ну, кстати, да, чувак. Я это еще с утра подметил. У тебя такой взгляд. Зрак... Только не обижайся, плиз.

Дима (*улыбаясь*). Ничего страшного, я совсем не обижаюсь, я уже привык. Более того, я, бывает, на какую-нибудь тусовку попадаю или в компанию незнакому, так ко мне обязательно кто-нибудь подваливает с вопросом: «Есть чё?» (*Смеется*.) А я ваще не употребляю ничего и даже не пробовал никогда!

Наташа. Ян, ты будешь дудеть?

Яна (*обиженно*). Мне больше делать нечего, как эту херь курить. Я лучше вискарика дерну. (*Наливает*.) Лизок, ты со мной?

Лиза утвердительно кивает. Они выпивают вдвоем.

Артемий. Хозяин барин. (*Лёне*.) Чувак, ты пыханешь?

Лёня (*словно ждал этого вопроса*). Не, я не любитель этой темы совсем. Вот разноухаться еще могу, и то под...

Артемий (*не дал ему договорить, воодушевленно и радостно*). Не вопрос, мужик! Давай разноухаемся!

Лёня. А у тебя есть?

Артемий. Есть.

Наташа. Вот это поворот!

Все смотрят на Артемия.

Лёня. Кокс?

Артеми́й. Он самый. Будешь?

Ле́ня. Ну... я как бы редко очень. На Кубе когда бываю. Я употребляю только хорошего качества, а не бутор какой-нибудь, как в Москве... и...

Артеми́й. А у меня хороший. И в Москве хороший достать можно. Просто нужен правильный драгдилер. Так ты будешь?

Ле́ня. Ну давай, перед клубцом в самый раз.

Лиза. А ты сам, случайно, не драгдилер?

Артеми́й. Я?

Лиза. Ты.

Артеми́й (*расчерчивает дорожки*). Что за вопросы, леди? Я всего лишь скромный художник.

Яна. Обкуришься, обнюхаешься и давай малевать? У тебя картины похоже — полный пиздец! Видала я таких художников!

Все смеются, включая Артемию.

Артеми́й. У меня охуительные картины.

Ле́ня. Правда. Прикольные. Мы с Лизкой видели. Ты, кстати, будешь ее сегодня рисовать? Ты обещал.

Артеми́й. Блииин. Буду, но не сегодня, у меня с собой ничего нет. Забыл. Вот я подлец. Лиза, милая, завтра, наверно. О'к?

Яна, Наташа и Ле́ня злорадствуют.

Ле́ня. Как же так, как ты можешь так поступать, чувак?

Наташа. А она тебя так ждала!

Яна. Не расстраивайся, Лизок, все они такие, художники, бя.

Лиза (*вскакивая и сверкая глазами*). Совсем с ума сошли? Что несете? Мне вообще по фиг. Пойду собираться. Коль, мы через сколько в клуб поедем?

Яна и Наташа ехидно переглядываются.

Коля (*удивленно*). Не знаю, скоро, наверно, у Ле́ни надо спросить.

Лёня. Иди переодевайся, и попрем.

Артемий. Советую вам Пого посетить. Офигенное место.

Лиза. Для наркоманов?

Артемий *(улыбается)*. Для всех.

Лёня. Учтем.

Лиза уходит.

Артемий *(показывая на дорожки)*. Ну что? Приступим, господа. *(Достает специальную трубочку.)* Кто еще желает?

Наташа. А он жестко прет? Что со мной будет, а то я не пробовала никогда.

Артемий. На Гоа жила и не пробовала? Удивлен. Да ничего не будет, окрылишься ненадолго.

Наташа. Под ним ускоряются?

Артемий *(смеется)*. Ну это кто как, но гармонию почувствуешь.

Яна. Дайте я! Я хочу гармонии, блять. И анаши дайте! Эй, художник, чем сначала закинуться, чтоб гармония гармоничней была?

Артемий *(смеется)*. Вот это по-нашему! Сначала пороха, красотка. *(Протягивает ей трубочку.)* Еще кто будет?

Рома. Я тоже попробую.

Коля. Я воздержусь.

Дима. Я тоже. Я покурю, а нюхать не буду. А Федя с Алисой употребляют?

Артемий *(дочерчивает)*. Что именно?

Дима. Кокаин?

Артемий. Нет, но они в теме.

Дима. А травку?

Артемий *(смеется)*. Чувак, ты что, прокурор? Покуривают.

Дима. А марки там всякие?

Артемий. Чувак, отстань.

Яна *(наклоняясь над дорожкой)*. Давайте уже! *(Втягивает.)*

Артемий *(хохочет)*. Только не все.

Опять гаснет свет. Фонарь, который оставлял Тин, выключен, присутствует лишь слабое свечение Лёниного ноутбука. Появляется Тин и

светит своим фонарем в сторону стола, попадая Яне в лицо, которое она начинает закрывать руками.

Т и н *(удивленно)*. Оооооооу.

Я н а . Чё о?! *(Показывает на дорожки.)* Иди разнюхайся с нами!

Все смотрят на него. Он отрицательно машет головой и начинает ходить по террасе и светить фонарем на землю, как будто ищет что-то.

Я н а . Правильно. Не хера. Еще на тебя, бедолагу, переводить продукт. Фу, какая гадость. Чё так горько?!

А р т е м и й . Это же лекарство, Яна, хорошие лекарства должны быть горькими. Следующий? Кстати, не включайте пока фонарь и телефоны. Давайте делать это темное дельце в темноте. Лёнь, закрой ноут.

Н а т а ш а . Не закрывай — не видно. Хотите, чтоб я пепла из пепельницы втянула? *(Берет у Яны трубочку и убирает дорогу.)*

Р о м а . А одной хватит дорожки?

А р т е м и й . Более чем.

Наташа дает трубочку Роме, и он следует ее примеру. После него то же самое проделывает Лёня, а завершает процедуру Артемий.

Я н а . А чё у меня вся глотка онемела?

Н а т а ш а . И у меня?!

А р т е м и й . Девочки, расслабьтесь — это нормально, значит, скоро все будет хорошо.

Л ё н я . И вправду, хорош.

Я н а . Когда будет хорошо? Можт ты нас отравил?

А р т е м и й . Не задавайте никаких вопросов, расслабьтесь и забудьте о том, что вы сейчас сделали.

Я н а . Ты прям гуру, блять!

Все понюхавшие замолкают и ждут. Видно, что некоторые из них нервничают. Дима и Коля внимательно за ними наблюдают. Артемий докручивает косяк.

Д и м а *(ко всем)*. Ну как?

Л ё н я . Сам попробуй.

Д и м а . Не.

Я н а (*ко всем*). Да чё мы паримся? Ну нюхнули — событие какое?!

Л ё н я . Да я ваще не парюсь.

А р т е м и й (*рассмеялся*). Это я и пытался донести до вас. Красотка! (*Поджигает косяк, раскуривает и передает ей.*)

Я н а . И чё делать?

А р т е м и й (*смеется*). Затягиваться!

Яна затягивается и кашляет. Косяк пошел по кругу. Все, кроме Артемия и Ромы, начинают сильно кашлять. Тин перестает ходить и искать, становится в центре террасы, поднимая свой фонарь на уровень груди, и, улыбаясь, начинает тихо бормотать и качать головой в стиле: охohoх.

Д и м а (*кашляя*). Кажется, он нас осуждает.

А р т е м и й . Кажется, он сам не прочь.

Артемий протягивает Тину косяк.

Я н а (*кашляя*). Я после него курить не буду!

Тин отказывается, подходит к столу и показывает на бутылку виски.

Все начинают смеяться.

Н а т а ш а . Вот чё ему надо! Ром, начисли ему. И мне.

Я н а (*кашляя*). И мне.

Рома разливает бутылку до конца. Они выпивают. Косяк идет по кругу.

Д и м а (*кашляя*). Тин, садись. (*Показывая на место рядом с собой на лежаке.*)

Тин садится.

Я н а (*сморщившись*). Как собака. (*Тину.*) Да. Ты паскудная вьетнамская собака.

Тин кивает и улыбается.

Д и м а . Ты чё такое говоришь? Зачем?
А р т е м и й . В натуре? Ты чё такая злая? Вокруг позитив,
зачем негативить?
Н а т а ш а . Правда, Ян?
Я н а . Да пошли вы все.

Яна уходит.

Н а т а ш а . Чё с ней?
Д и м а (*затягиваясь косяком*). Ура! Если честно — я просто
мечтал, чтобы она ушла.
А р т е м и й (*загадочно*). Но она еще вернется.

Появляются Федя с Алисой, держась за руки. У Алисы в руках пестрый
маленький ночник, у Феде бутылка рома под мышкой и пара стаканов
в руке. Тин очень обрадовался им и начал напевать веселенький мо-
тивчик.

А л и с а . Всем привет! (*Показывая на косяк*.) Я вижу, мы во-
время.
Ф е д я (*улыбаясь ей*). Мы всегда вовремя, моя паспальпида?
А р т е м и й (*протягивая им косяк*). Fuck! Паспальпида?! Что-
то новенькое! Что это?
А л и с а (*затягиваясь, загадочно*). Это что-то.
Ф е д я (*затягиваясь*). Это личное.

Все с интересом наблюдают за ними. Тин смотрит на Алису и подмиги-
вает ей. Она улыбается ему.

А л и с а (*Тину*). Анх чи ко кхое кхонг, Тин?
Т и н (*радостно*). Тот кам он нхок биет така. (*Уходит*.)
Н а т а ш а . Эт чё было?
А л и с а . Я спросила у него, как дела? Он ответил, что хоро-
шо, и еще что-то, я не поняла.
Н а т а ш а . Ты знаешь вьетнамский?
А л и с а (*довольно смеется*). Нет. Просто я выучила первые че-
тыре страницы русско-вьетнамского разговорника и знаю не-
сколько фраз. Вот только что мне отвечают, не понимаю.

Лёня. Класс!

Наташа. А зачем спрашиваешь тогда?

Алиса (*смеется*). Общаюсь.

Дима (*восторженно*). Очень круто у тебя получается говорить по ихнему.

Коля. Даже акцент не отличить.

Федя (*щипая Алису в бок*). Потому что она маленький вьетнамчик.

Алиса (*игриво-обиженно*). Я не вьетнамчик. Вот Тин вьетнамчик. А я нет.

Федя (*прибнимая ее*). И ты тоже вьетнамчик. Маленький вьетнамчик... (*Целует ее в шею и заливается смехом.*) Вьетнамчик.

Все смеются. Артемий добывает косяк и тушит.

Артемий. Еще взрывать?

Все. Нет.

Рома (*идет в бассейн*). Я пойду поплаваю. (*Спускается.*)

Наташа (*идет за ним*). Я, пожалуй, тоже. Что-то мне как-то странно. Надо охладиться.

Артемий. Охладитесь. Только не загоняйтесь.

Наташа садится на порожки спуска в бассейн (спуск со сцены), а Рома подплывает к бортику (краю сцены) и, повернувшись спиной к зрителям, облокачивается на него. Наташа трет лицо и тяжело дышит. Рома замер и не обращает внимания.

Алиса (*подходит к краю сцены, садится*). Тебе плохо? (*Наташе*).

Наташа (*продолжая трогать лицо и голову*). Чё-то не очень.

Алиса. С травы?

Наташа. Со всего... просто я первый раз...

Алиса строго и вопросительно смотрит на Артемия.

Артемий. Я всего лишь кокосиком ребят угостил. Совсем чуть-чуть.

Федя начинает тихо смеяться, закрывая лицо рукой.

Ди ма (*радостно*). А я не нюхал ничего.

Ко ля . Я тоже.

А ли са . Детский сад, штаны на лямках.

Ф е д я . Сколько ты им дал?

А р т е м и й (*улыбаясь*). Всем по сытной дороге.

А ли са . А много желающих было?

А р т е м и й . Немало. Всех, кто желал — ошастливил. Одна дамочка даже отскочила куда-то.

Ф е д я (*смеясь*). В ужасе?

А ли са (*ехидно*). Тема, ты такой щедрый! (*Наташе*.) Я могу тебе чемнибудь помочь или тебя лучше не трогать?

На та ша (*сбившимся голосом*). Одна хочу посидеть.

Ди ма . Можт ей поестть? Или антидот какой дать?

Артемий и Федя заливаются смехом. Лёня, снова уткнувшийся в ноутбук, тоже хихикает, но видно, что ему тоже не очень хорошо. Алиса отходит от бортика, садится на второй лежак, ставит локти на колени, опускает лицо в ладони и тоже начинает смеяться: тихо, подрагивая.

Ди ма (*виновато улыбаясь*). Вы надо мной? Я что-то не то сказал?

Ко ля (*улыбаясь*). По ходу.

Ди ма (*оправдываясь*). Ну я же не знаю, что с людьми в таких ситуациях делают.

А р т е м и й (*смеясь*). Предоставляют Божьей Воле.

На та ша (*тяжело и быстро дыша*). Тебя бы правоохранительным органам предоставить, художник херов!

Все начинают смеяться еще сильнее, в том числе и Рома.

Ди ма (*успокаивая*). Наташ, ну тебя же никто не заставлял...

На та ша (*рвкнула*). Отвалите от меня все!

А ли са . Давайте ее правда оставим в покое.

А р т е м и й . Нет ничего проще.

Наташа резко вылезает из бассейна и почти быстро уходит в номер. Рома идет за ней. Все молча провожают их взглядом.

Ди ма . А давайте ром пить?! Я сегодня с экскурсии привез. (*Доставая ром из-под лежака*.) Говорят — офигенный!

Федя (*садится к Алисе*). Мы тоже принесли бутл, правда, про него ничего не говорят.

Дима (*смеется*). Наверное, время его еще не пришло. (*Открывает бутылку*.)

Алиса (*улыбаясь*). Все поправимо.

Артемий. О чем вы? Я не в теме?

Алиса. Ты иди своих пациентов откачивай!

Артемий (*ухмыляясь*). Это не мои пациенты.

Федя. Твои, Тема, твои.

Дима (*наливая ром себе и Алисе*). Ребят, давайте свои стаканчики. Кто будет.

Артемий подходит к столу, берет стакан и возвращается с ним к лежакам. Коля и Лёня встают из-за стола, берут свои стаканы и тоже подходят. Дима разливает ром. Федя подходит к столу.

Федя. Чей ананасик такой расстроенный?

Дима. Мой.

Федя. Я угощусь. Можно?

Дима. Конечно.

Алиса. Федь, подожди. (*Смеется*.) Его точно можно есть? Почему он в таком виде?

Федя (*умиляется*). Вьетнамчик волнуется за меня.

Алиса. Не, ну почему он в таком виде? Его что, жизнь так потрепала?

Дима. Все у него хорошо — можно кушать. Это просто тут одна мадам бешеная его резала.

Лёня (*игриво*). Кстати, для тебя.

Алиса. В смысле — для меня? Кто?

Дима. Яна.

Алиса. Какая Яна?

Дима. Блин, ну ты ее видела... Такая она... блин... как слесарь разговаривает.

Коля (*развеселился*). Слесарь!

Лёня (*смеется*). Она вообще не разговаривает — она предьявляет сразу.

Алиса. А! Поняла, кажется. Это которая с красивыми глазами такими голубыми большими?

Дима. Да-да-да.

Коля (*задумавшись*). Глаза у нее красивые.

Алиса. А почему она этот ананас для меня резала?

Лёня (*смеется*). Долго объяснять. Это на самом деле лишняя для тебя информация и совсем ненужная. Честно. (*Подмигивает ей.*)

Алиса. Ну ладно тогда.

Федя (*поднося ананас ко рту*). Так мне можно его вточить, вьетнамчик?

Алиса. Раз его для меня нарезали, то можно, ведь ты мой Любимый.

Дима (*поднимая свой стакан*). Давайте, что ли, тост какой-нибудь?

Артемий. За благостность.

Коля. Это хорошо.

Все, кроме Феди, чокаются и выпивают. Включается свет.

Федя. Лучше бы это случилось минут на 40 пораньше.

Алиса. Это точно! (*Диме*.) Ром и вправду классный.

Артемий. Ниче так.

Дима. Я рад, что понравился! Федь, а ты почему не пьешь?

Федя. Не знаю, не нравится мне.

Лёня (*садясь обратно за стол*). В смысле — не нравится?

Алиса. Что вы к нему пристали? Он, по-моему, предельно ясно ответил на вопрос!

Федя (*садится на корточки рядом с ней и в шутку тербит ее руку*). Вьетнамчик заступается за меня, как это приятно.

Со стороны пляжа появляются Надежда и Борис. Они держатся за руки.

Надежда. Здравствуйте, молодежь.

Борис. Добрый вечер.

Все здороваются в ответ.

Дима (*удивленно*). Вы на пляже были?!

Надежда. Да. *(Смеется.)* Мы решили попробовать все-таки там погулять ночью.

Борис. И вот – живы-здоровы.

Алиса. А как же патруль? Вас не прогнали?

Надежда. Не было там никого.

Алиса. Странно....

Федя. Мы каждый день пробовали, и все время нас один и тот же человек прогонял.

Алиса. Ну да. Только мы выходим, сразу на нас налетает и ругаться начинает так прикольно *(начинает пародировать)* хати китахо будто таки дуто *(и в том же духе)*.

Все начинают смеяться.

Федя. Маленький вьетнамчик.

Надежда. Понятно. А мы первый раз решились, пришли, и никого там нет. Так что можете сходить погулять.

Федя. Прямо сейчас пойдем.

Алиса. Ура! Водичке скажем: до свидания!

Надежда. А вы уже улетаете?

Федя и Алиса *(грустно)*. Да.

Надежда. Сутречка?

Федя. Уже через пару часов за нами автобус приедет – и в Сайгон, в аэропорт, блин.

Борис. Не хотите улетать?

Федя и Алиса. Нет.

Алиса. Хотя бы еще денька три побыть.

Надежда. Ничего. Еще вернетесь.

Федя. Поскорей бы.

Борис. У вас еще вся жизнь впереди.

Надежда. А мы сегодня, кстати, тоже в Сайгон поедем рано утром.

Алиса. На экскурсию?

Надежда. Ну да. Сутки в Сайгоне, а оттуда в Камбоджу.

Алиса *(радостно)*. Круто!

Федя *(радостно)*. Класс! Она же километров 30 от Сайгона?

Борис. Около того.

Алиса. Супер! Какие вы молодцы! Мы тоже очень хотели в Камбоджу попасть, но не получилось....

Федя (*беря ее за руку*). В следующий раз обязательно попадем. Обещаю.

Борис. Правильно! Молодец.

Алиса. А у вас во сколько автобус? А то мы с гидом сегодня разговаривали, он сказал, что в нашем автобусе много мест свободных будет, и если будут желающие, то могут с нами поехать.

Надежда. У нас в семь автобус. Раньше выезжать нам смысла нет, хотим еще поспать успеть. (*Борису*.) Да?

Борис. Да, дорогая. (*Улыбается*.) Мы люди уже пожилые, нуждаемся в здоровом сне. (*Надежде*.) Пойдем?

Надежда. Пойдем. (*Алисе и Феде*.) Очень приятно было вас повидать, хорошей вам дороги. (*Остальным*.) Всем спокойной ночи.

Алиса и Федя. Спасибо.

Алиса. А вам хорошо отдохнуть.

Федя. И много повидать.

Надежда. И вам спасибо на добром слове.

Борис. Счастливого пути, ребята.

Надежда (*смеется*). На пляж сходите, пока там никого нет.

Надежда и Борис уходят в номер.

Артемий. А что вы мне не сказали, что у вас в автобусе места есть?

Алиса. Не знаю даже. А тебе тоже в Сайгон надо?

Артемий. Я как раз собирался на днях.

Федя. Отлично, поехали с нами.

Дима. Я тоже хочу!

Федя. Поехали. Там классно. Тём, так ты поедешь?

Тёма. Блин, у меня даже бабла с собой особо нет.

Дима. Я тебе дам, поехали!

Артемий (*смеется*). Тогда поехали. Проведу тебе экскурсию.

Дима (*вскакивая*). Ура! Коль, а ты не хочешь с нами?

Коля. Блиииин. Я хочу, но мы же щас в клуб прем. Я не успею до этого времени вернуться. Да, Лёнь?

Лёня. Определенно не успеем.

Артемий. Какой клуб, чувак? Поехали. Потом вернешься — сходишь. Клубов по всему миру навалом и происходит там по сути одно и то же. А это Сайгон, чувак! Там круто.

Коля. Ну не знаю даже.

Лёня. Не слушай его, чувак. Пошли в клуб сегодня — там такие вьетнамочки!

Артемий (*заманчиво*). В Сайгоне их еще больше....

Лёня. У меня уже проверенные, ждут — не дождутся.

Дима. Поехали с нами, Коль.

Коля. И все-таки я останусь. Не люблю менять планы.

Дима. Жалко.

Коля. Ну да.

Алиса. Возможно, ты принял верное решение, потому что в такой крутой шляпе — только в клуб.

Федя. Однозначно.

Коля. Просто я сегодня лохматый — не успел побрить голову. Пришлось прикрыть.

Алиса. Лохматый?! Ты стебешься над нами?

Коля. Нет. Я просто каждый день голову брею, а если не получается, то чувствую себя неудобно. Сегодня я лохматый.

Дима начинает разливать ром.

Лёня. А зачем ты все время налысо бреешься? Если не секрет?

Коля. Привычка, наверно. Фанатская.

Алиса. Ты фанат?

Коля. Был.

Алиса. А за какой клуб болел?

Коля. За «Зенит». Я сам из Питера.

Федя. Питер мы любим.

Алиса. И «Зенит» тоже. А почему ты перестал быть фанатом?

Коля (*оживился*). Да потому что все это движение фальшивкой стало. Когда я пришел во все это, «Зенит» не был тем, чем он является сейчас. Это была довольно слабая команда, но у нее были свои преданные фанаты, в том числе я. Мы искренне верили в эту команду, ездили на выезды, бились с другими фанатами. А сейчас это крутейшая команда, у нее богатые спонсо-

ры и куча заплаченных фанов, которым сверху диктуют, что надо делать. Даже речевки им сочиняют. И на стадион они ходят, как на работу.

Федя. Фанам платят? А сколько, если не секрет? И кто? Так у всех команд?

Коля. Не знаю, как у всех, а зенитовским фанам платит их спонсор — Газпром. Крутому фанату в месяц набегает под сто косарей!

Федя. Так ты бы тоже мог на этом зарабатывать. Зачем ушел?

Коля. Я же объяснил уже — не нравится мне все это.

Лёня. Какой ты принципиальный!

Дима. Давайте выпьем за принципиальность!

Артемий. Давайте просто выпьем.

Алиса. Давайте выпьем за здоровье обезьянок всей земли!

Дима. Я за!

Коля. Я не против.

Лёня молча берет стакан. Появляется Тин. Дима наполняет еще один стакан ромом и протягивает Тину. Тин с радостью принимает.

Алиса. Короче, пусть все обезьянки мира будут здоровы!

Дима. Ура!

Федя (*поедая ананас*). Особенно капуцины.

Алиса (*ехидно*). И мангобеи.

Все чокаются и выпивают. Появляется Лиза. На ней очень короткая юбка, открытый топ и яркий макияж.

Тин. Оооо!

Лёня. Ни фиги себе ты вырядилась.

Артемий. Опасно...

Федя и Алиса с улыбкой переглядываются.

Лиза (*оставаясь на входе*). Поехали?

Лёня. Давай посидим еще чуть-чуть и поедем.

Лиза. Я уже насиделась, я тогда одна поеду.

Артемий (*улыбаясь*). Не советую.

Лёня (*вставая и закрывая ноутбук*). Поехали, поехали. (*Шутливо.*) Не могу отказать женщине.

Лиза. Ускориться можно?

Лёня. Я ускоренный донельзя. Николай, поехали!

Коля. Я не поеду.

Лиза. Почему?

Коля. Просто расхотелось.

Дима. Yes! Ты с нами поедешь?

Коля. Нет.

Дима. Нееет?

Коля. Неохота мне никуда. Я ребят провожу и спать пойду.

Дима (*уже пьяненький*). Интересно.

Лёня. Ну ты даешь. Всем пока. (*Феде и Алисе.*) Вам удачи. (*Целует Алисе руку.*) Береги ее, Федя.

Федя. За это можешь даже не беспокоиться.

Лиза и Лёня уходят. Тин подходит к Алисе и аккуратно трогает за плечо, чтобы привлечь ее внимание. Она вопросительно кивает головой, и он протягивает ей конфету.

Алиса (*расплываясь в улыбке*). Кам он.

Дима. О! Я знаю! Это означает спасибо!

Коля. То, что «кам он» это спасибо, здесь, я думаю, знают все с самого первого дня.

Дима. А что он тебе дал, Алис?

Алиса. Конфетку местную. Она типа как из халвы. Вкусенькая. Надо тоже что-то ему подарить.

Федя. Рома подари. Как раз бутылка запечатанная стоит. Тем более он, по ходу, очень любит выпить. Знаешь, как ему приятно будет!

Алиса. Нет. Это будет пошло.

Федя. Это будет офигенно!

Дима. Я тоже думаю, что он обрадуется нереально.

Алиса. Да это стремно! Человеку, который зависит от алкоголя, дарить алкоголь.

Артемий. А по-моему, это самое оно!

Федя. Стопудово. Людям надо дарить то, что они любят.

Коля. Я тоже согласен.

А л и с а . Нарки любят героин, например. Им теперь что? Шприцы, заряженные герой, дарить? Педофилам детишек? Так, что ли?

Ф е д я . Это совсем не те примеры.

А р т е м и й . Я бы даже сказал, сгущение красок.

А л и с а (*протягивает Тину свой маленький пестрый ночник*). Это тебе (*показывая, как включать*).

Тин от удивления выпучивает глаза. Все смеются.

Ф е д я (*умиленно смеется*). Малышка! Это прям то, что ему было нужно! Какой там на хер ром по сравнению с этим девайсом? Огонь.

А р т е м и й (*смеется*). Это настоящий подгон!

Т и н (*обрадованно*). О! Кам он (*протягивая ей руку*).

Алиса и Тин жмут друг другу руки. Входит Яна. В каждой руке у нее по две бутылки пива. Гаснет свет.

Я н а . Опа. Я просто повелительница света, бля! А вы тут чё, с вьетнамцами братаетесь?

Коля включает фонарь на столе. Тин включает свой фонарь и ставит его на пол, а потом включает теперь уже свой ночник и уходит.

А л и с а (*смеется*). Братаюсь я, а ребята наблюдают.

Я н а (*внимательно рассматривая ее и садясь за стол*). Ты бы лучше не браталась с ним, а узнала бы лучше у него, какого хера свет постоянно отключается.

А л и с а . Во-первых, я не говорю по-вьетнамски. Во-вторых, я не понимаю по-вьетнамски. В-третьих, свет отключается не постоянно, а только в течение одного дня. В-четвертых, мне кажется, я могу сама обозначить тебе причину сегодняшнего перебоя с электричеством — это ливень, который прошел сегодня ночью, и дождик, который был днем. Проводка не выдерживает.

Ф е д я . Ни фига у тебя информация. (*Смеется*.) Проводка.

Я н а . Ебать, ты умная. Пиво будет кто-нибудь?

Д и м а . Мы ром пьем.

Яна. Тоже дело неплохое.

Артемий (*подсаживаясь к ней за стол и открывая бутылку*).

А я не откажусь.

Яна. Опять ты, художник. (*Засмеялась*.) Ох ты меня и наказал сегодня!

Артемий (*лукаво улыбаясь*). Но тебе ведь понравилось?

Яна. Ты совсем, что ли, чокнутый?

Артемий. Не совсем.

Яна. Но щас мне, кстати, хорошо.

Артемий. И мне...

Яна. Отвали, художник! (*В сторону лежаков*.) Чё мне ваш дружбан глазки строит?

Алиса. Это лучше спросить у него.

Яна и Артемий молча смотрят друг на друга, строят рожицы, улыбаются и пьют пиво. Коля сидит с ними.

Дима. Я даже не думал, что тут в это время бывают дожди.

Алиса. Я знала, что они бывают, но...

Федя (*тряся ее за плечи*). Вьетнамчик знал.

Алиса. ...они должны быть коротенькие. Я читала, что он может идти максимум полчаса. Это предел просто. А вчера ночью ливень часа три, наверно, фигарил. Мы сначала так обрадовались, на улицу выбежали, прыгали. Мы здесь одиннадцатый день и очень мечтали вьетнамский дождик застать. Радовались мы радовались, а потом в номер вернулись, спать легли. Любимый сразу заснул, а меня что-то такая паника охватила! Думаю, блин, что же он не кончается, ведь уже больше часа идет. Что-то пошло не так, думаю, наверно, стихийное бедствие. Лежу и представляю наш маленький отельчик сверху и огромную волну, которая в море собралась и нас всех в одно мгновение накрывает! Ух, страшно мне было!

Дима. Ого!

Федя (*целует ее в висок и смеется*). Все позади.

Коля. Да уж. Волнительно.

Федя. Это отличное слово, мужик! Волнительно. Надо взять на заметку.

К о л я . Реально волнительно! Зачем ты это рассказала? Вы улетаєте, а нам тут еще неделю тусоваться!

Я н а . Мне три дня. Так что у меня тоже все будет это... Диман, как ты там говоришь?

Д и м а и А л и с а (радостно). Чинк-чиринк!

Я н а . Во-во. Это самое. Правда, я Димана спрашивала, если чё.

А л и с а (*пропуская это замечание*). А с чего ты взяла, что если тебе тут осталось тусить три дня, у тебя все будет чинк-чиринк? Не факт.

Ф е д я (*смеется*). Алиса!

Артемий смотрит на нее, улыбается, но в его взгляде читается: «Ты что такое говоришь».

Я н а . Это чё значит?!

А л и с а . Если мы сейчас говорим о цунами, которое случается в данной местности, то это значит, что у тебя есть целых три дня, чтобы оказаться на дне океана.

Я н а . А у тебя сколько?

А л и с а . У меня около восьми. Часов! Я в более выигрышной ситуации, детка!

Все немного напрягаются, не зная, какой реакции ожидать от Яны. Дима переглядывается с Артемием, потом с Колей. Федя закусывает губу, чтобы не рассмеяться.

Я н а . Ты чё такая дерзкая?

А л и с а . Я не дерзкая.

Я н а . Ты детская. Да ты (*пауза*) сказочница ваще!

А р т е м и й . Есть такое дело.

А л и с а . Это плохо?

Я н а . Ты у меня спрашиваешь?

А л и с а . Ага.

Я н а . Спроси у кого-нибудь другого. У мужа у своего спроси, Димана вон пригрузи. А ко мне не лезь. Не еби мне голову, короче. Ты мне не нравишься.

А л и с а (*сажаясь на колени к Феде*). А ты мне никак, зато глаза мне твои очень нравятся. Красивые.

Коля. Правда, правда.

Артемий (*пристально глядя ей в глаза*). Вот и я ей говорил, что с такими глазами нельзя быть такой агрессивной. Такие глаза надо запечатлеть на холсте.

Яна (*повеселела*). Спасибо, не надо! Запечатлитель херов! Ты Лизу запечатляй, а меня не надо! А где Лиза, кстати?

Дима. Они с Лёней в клуб уехали.

Яна. И Наташка с ними?

Дима. Ей плохо стало, и она ушла.

Яна. А Ромик?

Дима. То же самое.

Яна (*встает*). Пойду к ней схожу. (*Уходит.*)

Алиса и Федя. Жесть....

Алиса. Вот это женщина. Знойная.

Артемий (*ухмыляясь*). Мечта поэта.

Алиса. Мирослава Немирова.

Артемий (*улыбается*). На фига ты ей еще дерзить начала?

Алиса (*удивлена*). Дерзить?! Я ее ваще боюсь!

Федя. Совсем с ней не разговаривай. Ну ее в жопу. Кинет еще чем-нибудь в тебя, а я ниче сделать не успею. (*Смеется.*)
И ваще, пока она здесь, от меня далеко не отходи.

Артемий. Перебор (*смеется*). Вы, ребят, тоже не жестите.

Дима. Не, все правильно, а то она явно психическая. И, кажись, так и ищет повод, чтобы к Алисе прицепиться.

Коля. Это если мягко говоря.

Алиса. Может, на нее так отель влияет? Неспроста у него такое название.

Дима. Кали? А это что-то значит?

Алиса. Значит? Это индийская Богиня!

Коля. О! Это не та, которая в бусах из черепов? Богиня смерти и разрушений, она еще с Шивой как-то связана?

Алиса (*смеется*). Ни фига у тебя познания! Не совсем так, а точнее будет сказать, что совсем не так. Она темная Шакти.

Дима. Кто?!

Федя. Мы все поняли.

Все предельно внимательно слушают Алису.

А л и с а (*глядя на него с укором*). Это значит, что она жена Шивы. Его разрушительная грань. Она разрушает невежество и сомнения, поддерживает мировой порядок, покровительствует тем, кто стремится познать Бога. У нее четыре руки: в верхней левой она держит разрушающий окровавленный меч; в нижней левой — держит голову демона, символизирующую отсечение эго; верхней правой — делает защитный жест, прогоняющий страх; а нижней правой — благословляет к исполнению всех желаний. Четыре руки символизируют...

К о л я (*радостно*). Четыре чакры!

А л и с а. Четыре основных чакры и четыре стороны света. На бедрах Кали пояс из человеческих рук. Он символизирует неумолимое действие кармы. А на шее у нее действительно ожерелье из черепов, что символизирует череду человеческих воплощений. Черепов ровно 50 — как букв в санскрите. «Кали» переводится с санскрита как «черный». Может быть, поэтому она у некоторых ассоциируется со смертью. На самом деле в индуизме черный символизирует незамутненное состояние чистого сознания.

Ф е д я. А почему все боги в индуизме синего цвета?

А л и с а. Это цвет бесконечного космического. Цвет вечности времени.

К о л я. А почему же я все-таки слышал, что она кровожадная?

А л и с а. Есть такое мнение. Это, наверное, из-за ее адептов.

Д и м а. Кто это такие?

А л и с а. В Индии была распространена тайная секта тугов. Это фанатики, посвятившие себя служению Кали как Богине смерти и разрушения. Любая их тусовка фонтанировала похищениями людей и обилием кровавых жертвоприношений.

Ф е д я (*улыбаясь*). Страшные люди.

А р т е м и й (*раскуривая косяк*). А кто эту шарашку накрыл по итогу? Английские колониальные войска какие-нибудь, по ходу? (*Передает косяк Алисе.*)

А л и с а (*затягиваясь*). Да. Но бытует мнение, что это сообщество существует и по сей день. (*Передает Феде.*)

Ф е д я (*затягиваясь*). Мы сегодня даже видели одну из них. (*Передает Диме.*)

Ди ма (*затягиваясь*). Она за подругой пошла? Наверно, по дороге гекконов ловит для жертвенного костра (*кашляет и передает Коле*).

Ко ля . Я не буду. Спасибо. Хорошая это Богиня Кали.

Громко смеясь, входят Яна и Наташа. Они несут еще пива. Не обращая ни на кого внимания и не сказав ни слова, они садятся за стол.

А ли с а . Кали великолепная Богиня! Она воплощает в себе творение, уничтожение, сохранение. Вызывает любовь и ужас. В каком-то писании было сказано, что как черный цвет заключает в себе белый, желтый, красный, т. е. остальные цвета, так и Кали заключает в себе все остальные существа. Кали – это непостижимая красота, которую нельзя выразить!

Ди ма . Интересно.... Откуда ты все это знаешь?

Ф е д я (*щекочет Алису, стебется*). Просто она маленький вьетнамчик, у которого тааакая информация.

А ли с а (*щекочет в обратную*). А ты подлещик размороженный!

Я на . Охуеть у них общение. Да, Наташ?

Н а т а ш а . Я в шоке.

А р т е м и й . Дамы, вы вернулись.

Ко ля . Как самочувствие?

Н а т а ш а (*делая глоток*). Вашими молитвами.

Яна смеется. Потом допивает залпом бутылку и открывает новую.

Ди ма . А где Миша с Ромой?

Н а т а ш а . Мой вырубился. Спит.

Я на . А мой меня на хер послал, и я его вырубила! Шучу. Просто на хер послал. А я его.

Яна и Наташа неприятно смеются.

А р т е м и й . Нельзя так. Близких людей надо беречь. Общаться так, как будто больше не увидите. Иди помирись, общения попроси – знаешь, как хорошо сразу станет.

Ди ма . Отличная мысль!

Наташа *(смеется)*. Представляю в какой он осадок выпадет, если она к нему мириться придет!

Артемий. Пусть выпадет! Это же круто!

Яна. Слышь, художник? Ты опять попроповедовать решил? Мне твои проповеди на хер не упали. Вон твои друзья сидят — их и причесывай. Хотя вон твоя подруга сама кого хочешь причешет.

Федя и Алиса расхохотались. Все это время они играют друг с другом, по очереди шепча на ушко друг другу всякие веселости, и хихикают.

Артемий. Я просто тебе добра желаю.

Яна. Другьям своим желай!

Артемий. Это даже не обсуждается! Я его всем желаю. *(Присутствующим, в воздух, в зрительный зал.)* Тебе, тебе, тебе, тебе, тебе, тебе, тебе, тебе.

Яна. Я посмотрю, ты ваще добряк, особенно когда наркоты обожрешься!

Артемий. Fuck?! Какая наркота?! Марихуана и кокс это еще не наркота! Не смей меня!

Феде *(смеется)*. Ну это, чувак, спорный вопрос! Когда есть зависимость...

Артемий *(оборвал, занервничал)*. Федян, опять ты за свое? Мы уже давно договорились это не обсуждать — у тебя своя политика, у меня своя.

Алиса *(встает, улыбается)*. Деликатный и скользкий момент.... *(протягивает Феде руку)*. Пойдем по пляжу погуляем, может, в этот раз получится?

Федя *(встает и берет ее за руку)*. С удовольствием, моя Мармеладка.

Ди ма. Можно с вами?

Артемий. Ну, чувак... Давай я отвечу. Нет, конечно!

Федя и Алиса. Мы просто очень хотим вдвоем погулять сейчас, не обижайся.

Ди ма. Не, ребят, вы что, извините, я все отлично понимаю. Я просто спросил — не подумал.

Яна *(делая глоток)*. А он ничё не понимает, блять! Новый друг, блять!

Наташа. Он, между прочим, охеренный друг! У него в Москве свое турагентство. Знаете, сколько у него сюда путевка вышла? Он мне как сказал, я чуть не подавилась. 12 косарей! А мы сюда за полтош прилетели и были уверены, что дешевле просто не бывает!

Коля. Ого!

Дима (*довольный*). Я дороже в такие места не летаю.

Наташа (*делая глоток*). Я когда услышала, прям хотела его придушить! Сижу и думаю, чтоб ты обосрался!

Алиса. Жесть какая! А тупо порадоваться за человека нельзя?

Яна. Вы вроде на пляж собирались?

Федя. Сударыня, мы уже одной ногой там.

Алиса хихикает и они уходят на пляж.

Яна (*громко вслед*). Обратно можете не спешить!

Артемий. Не, блин, реально! Ты чё такая агрессивная? У тебя нет ни одного видимого повода...

Яна (*обрывая его*). Художник, стопэ! Я те уже сказала — не надо проповедей. Тем более, когда у самого не все гладко. Не надо морали, надо веселиться. Вот повесели нас лучше!

Наташа. Да!

Дима. О, чувак, зачитай фристайл какой-нибудь, как утром!

Яна. А ты чё, рэпер?

Артемий. Нет, детка! Я король фристайла!

Яна. Ну, давай, жги тогда.

Артемий. Снова наступила ночь и снова во Вьетнаме, напротив меня сидит девчонка с умопомрачительными глазами. Нам слышен шум прибоя, вокруг игра теней, еще я балдею от ее ногтей.

Яна (*показывая всем фуку, смеется*). Ясен красен! Я мастер маникюра! Я самый лучший специалист в Москве, ёпта!

Наташа. Як тебе приду!

Артемий (*продолжает*). Эта девчонка знает толк в маникюре, и мы все это узнали, круче ее мастеров нет в Москве, но что будет в финале?

Я н а . Хорош про меня уже пургу гнать! Смени пластинку.

А р т е м и й . Эта тема затерлась уже чересчур, и я меняю пластинку, если здесь кто-то уже подустал, то у вашей сидушки есть спинка. Каждый из нас приехал сюда, потому что так было нужно, и раз старик Леопольд завещал, то давайте мы будем жить дружно.

С пляжа раздаётся быстрая громкая смешная ругань на вьетнамском и смех Феи и Алисы. Артемий замолкает и все прислушиваются.

Ф е д я . Всё, уходим! (*Смеется.*) Виноваты!

А л и с а (*хохоча*). Простите нас, пожалуйста, дяденька! Мы больше так не будем. Честно.

Голос продолжает браниться в том же ключе. Даже еще громче.

Ф е д я (*смеется*). Ишь ты, какой неугомонный!

А л и с а . До свиданья!

Задыхаясь от смеха, Федя и Алиса вваливаются на террасу. Голос с пляжа продолжает ругаться.

Д и м а . Он все-таки вернулся на пост?

Я н а . Получили люлей.

Федя с Алисой кивают.

Я н а . Чё он орет все? Пойти ему пиздюлей дать?

Н а т а ш а . Да ну. Ни к чему это.

А л и с а . Тебе больше заняться нечем?

Я н а . Ты мне?

А л и с а . Тебе.

Голос на пляже затихает.

Я н а . Мне нечем заняться. Да тут любому нормальному человеку будет нечем заняться. В этой деревне. В этом гадюшнике. Тут две звезды — чё тут ловить?

А л и с а . Селилась бы в пять, может, там повеселей. Зачем ты вообще сюда прилетела, если тебе здесь так не нравится? Люди, место? Интересно, тебе вообще где-нибудь нравится?!

Я н а *(делая глоток)*. Дома. Вот ты откуда сюда заявила такая?

А л и с а *(передразнивая)*. Я из Воронежа заявила.

Я н а *(делая глоток)*. Оно и видно! Вот тебе там и не сидится в своей деревне. А я из Москвы — столицы России блять матушки. Чё? Нечего сказать?

А л и с а . Я могла бы тебе многое сказать. И про свой прекрасный город, и про столицу, и про путешествия, и про тебя в том числе. Могла бы даже деликатно и ювелирно тебя унижить. Но не стану. По одной причине. Мне тебя адски жаль! Видимо, ты крайне несчастный человек. Еще полчаса назад я злилась на тебя, мне тупо хотелось тебя ударить. Желательно по лицу и не рукой. А сейчас я испытываю к тебе жалость. Банальную, вселенскую, всепоглощающую жалость... Но общаться с тобой не желаю.

В воздухе повисла тишина и напряжение. Зажегся свет, но никаких реакций не последовало.

Я н а *(натужно картинно рассмеялась)*. Да ты просто ебнутая! О чем с тобой ваще общаться? Тебя просто нет. *(Демонстративно отвернулась.)*

А л и с а . Уррра!

Появляется пьяненький Тин. Он идет, слегка пошатываясь и напевая.

К о л я . Такой язык у них прикольный.

Т и н . *(подходит к Алисе с Федей)*. Анх чи ко кхое конг?

Ф е д я . Ты поняла, что он хочет?

А л и с а *(смеется)*. Он спрашивает, как дела. Что мне ему ответить, любимый?

Ф е д я . Вот что *(улыбается и поднимает большой палец вверх)*.

Алиса следует его примеру.

Тин. О! (*Улыбается и тоже поднимает большой палец вверх.*)
Яна. Эй, Тин. Иди к нам (*показывая бутылку пива и стука по сидушке свободного кресла.*)

Тин подходит, берет пиво и присаживается за стол. Яна и Наташа чокаются с ним бутылками и пьют. Тин начинает что-то бормотать.

Коля. Очень смешной язык.

Алиса. Жалко, непонятно, что он говорит.

Дима. А тебе нравится этот язык?

Алиса. Нравится.

Дима. А ты выучи, у тебя вон как классно получается.

Федя. Она ведь маленький вьетнамчик.

Алиса (*вредничая*). Вьетнамчики маленького роста, а я не маленького роста!

Федя (*хохоча*). Ты просто в душе маленький вьетнамчик. Вы ром одинаково пьете — ать. (*Изображает.*)

Дима. Алис, а ты знаешь какой-нибудь иностранный язык?

Алиса. Английский. Сейчас испанский учу.

Коля. Просто так или с какой-то целью?

Алиса. Для меня это самый прекрасный язык! Ну, и цель есть.

Дима. Какая?

Алиса. Не скажу.

Дима. Ну скажи.

Наташа. Артемий, зачем она учит испанский?

Артемий. Я, кстати, не знаю.

Коля. Алис, прям интересно, расскажи. А?

Федя. Ну расскажи пацанам... И девчонкам.

Алиса (*встала*). Я учу испанский, чтобы познакомиться с Альмодоваром и общаться с ним на его прекрасном языке. Вот. (*Ходит по террасе.*) А еще хочу сниматься в его великолепных фильмах. Очень-очень-очень-очень хочу.

Коля. Вот это круто!

Артемий. Охуеть!

Тин поднимает большой палец вверх.

Наташа. Так ты актриса, что ль?

Дима. Да. А ты не знала?

Яна. Бля! Как мы сразу-то не догадались? Не оценили выступление!

Наташа. А ты в кино снимаешься?

Алиса. Немножечко пока. Я в театре играю.

Яна (*ехидно*). У себя в Костроме?

Алиса. У себя в Во-ро-не-же. Могу и в Костроме, с удовольствием. У тебя в Москве буду играть. Можно? Везде буду играть.

Все смеются.

Наташа. А чё это за Армондользаврд, у которого ты хочешь в кино сняться?

Артемий. Альмодовар. Испанский режиссер.

Алиса. Ты никогда не слышала про Педро Альмодовара?

Наташа. А чё, должна была? Он крутой какой-то?

Дима. Ваще-то да.

Яна. Не надо, всех крутых мы знаем!

Наташа. Чё он снял?

Алиса. Он очень много снял. Например, «Закон желания», «Живая плоть», «Цветок моей тайны», «Нескромное обаяние порока», хотя это вам вряд ли что-то скажет. (*С надеждой.*) Вот «Всё о моей матери» вы по-любому видели!

Федя (*расхохотался*). Ага! По-любому!

Дима. Я видел, Алис! Суперский фильм.

Артемий. Алиса, ты такая милая!

Яна. Наташ, ты чё-нить смотрела из этого?

Наташа. Неа.

Яна. Херни твой Педро наснимал!

Наташа. Лох какой-то он, наверно, раз его никто не знает!

Дима. Его ведь здесь только вы не знаете?

Яна. Тин, ты знаешь Педро?

Тин разводит руками.

Яна (*чокаясь с Наташей*). И Тин не знает.

Алиса. Девчонки, а вы каких вообще режиссеров знаете?

А р т е м и й . Только не русских.

Ф е д я . Можно и русских.

Я н а . Тарантино знаю.

Н а т а ш а . И я.

А р т е м и й . А еще?

Я н а . А еще Отвали. Знаешь такого? Это вы тут актрисы, художники собрались. Ты вот, муж актрисы из Перми, кто по профессии?

Ф е д я . Специалист в сфере IT-технологий. А ты с какой целью интересуешься?

Я н а . Я с той целью, что выёбываться не надо!

Алиса и Федя начинают хохотать, остальные еле сдерживают смех.

Я н а . Чё вы ржете-то все время? Надо мной? Я вам тут что? Гопница?

Н а т а ш а . В натуре, а?

А л и с а . Заметь, ты это сама сказала.

Я н а . Да мало ли я чё сказала! Ты ваще актриса — твое дело народ развлекать, а не беседы беседовать. Вон выйди лучше стишок расскажи.

Н а т а ш а (*ехидно*). Веселый желательно. И ваще вам ехать не пора?

Д и м а . Блин! Точно! Надо контактами обменяться! (*Алисе с Федей.*) Ребят, вы есть в «Контакте»?

Ф е д я . Нет.

Д и м а . В «Фейсбуке»?

Ф е д я . Нет.

Я н а . Они, наверно, по сих пор в «Одноклассниках» сидят. В Тамбове это модно.

Д и м а . А где же вы?

А л и с а (*улыбается*). Мы здесь.

Ф е д я . Нас нет в социальных сетях.

Д и м а . Почему?

Ф е д я . Просто так.

Н а т а ш а . Как так? У вас чё, компьютера нету? Или, может, вы инопланетяне?

Яна (*в восторге*). Отбей пять, Наташ. Я в хлам.

Девушки отбивают друг другу пять.

Ди ма. Так как же мы сконтачимся?

Федя. Не парься. Мы же в Сайгон вместе едем — что-нибудь придумаем. Телефонами, электронками обменяемся. Успеем еще.

Ди ма. Точняк. И все будет чинк-чиринк!

Федя. Как пить дать!

Алиса. Девчонки, а хотите стишок расскажу? Веселый, только коротенький. Щас придумала. Вы же просили?

Наташа. Валяй.

Яна. Жги.

Наташа и Яна чокаются и выпивают.

Алиса (*выходит на середину террасы*). Есть в Антарктике медведи. Волки есть в Сибири. И бродил себе верблюд где-то по Пальмире. А у нас? Ну что у нас. Тут такая каша. Два унылых короеда — Яна и Наташа!

Все, кроме Яны и Наташи, покатываются со смеху.

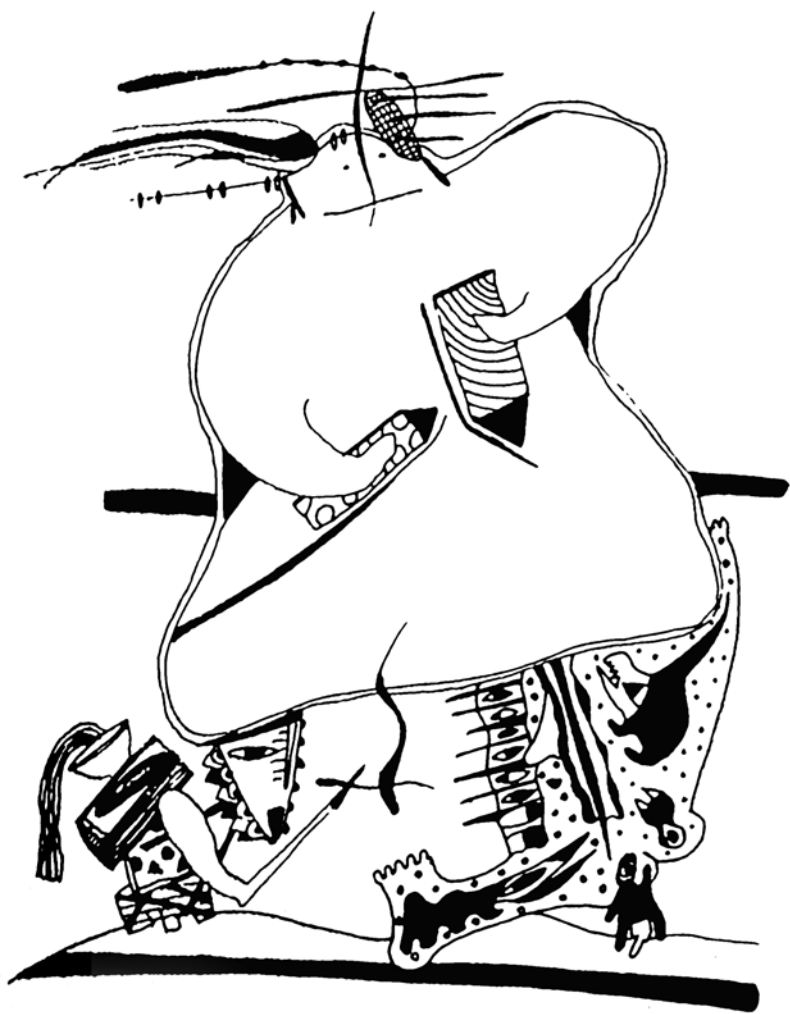
Федя (*хлопает*). Малышка, ты просто Богиня Поэзии!

Артемий. И фристайла.

Дальше все происходит молниеносно. Наташа швыряет в Алису ананасом. Федя подлетает к Алисе. Яна хватает бутылку и вскакивает.

Яна. Пиздец тебе, сука!

Артемий хватается Яну за бутылку, она разжимает руку и рвется в сторону Алисы, но тут внезапно подрывается Тин, хватается со стола нож, которым Яна кромсала ананас, и втыкает этот нож ей в сердце. Яна падает, Тин убегает, Наташа визжит, Алиса бросается к Яне. Гаснет свет. Звучит мантра Vishnu Sahasranaman или David Lynch — Crazy Clown Time.

Картина третья

Вестибюль все того же отеля. Следующий день. Полдень. Идет дождь (звук дождя). На ресепшене М е о. Стоит и что-то пишет. За столом Наташа и Рома пьют пиво. Входит промокший, но радостный Лёня.

Лёня (*громко жуя жвачку*). Салют! Ну и погода! Еле добрался, такими темпами воды на улице совсем скоро по колено будет.

Наташа. Ты чё такой радостный?

Лёня. Чуваки, я, по ходу, женюсь скоро.

Наташа. На Лизе?

Лёня. Да на какой Лизе, ты чё?! Я с такой вьетнамочкой сегодня завис...

Наташа. Прямо жениться будешь?

Лёня. Да неее. Это я, конечно, переборщил. Я чё, дурак? Жениться я никогда не буду, на фиг надо.

Наташа. Так ты у нее был все время?

Лёня (*довольно*). Ага. (*Пошленько*). Точнее, в ней.

Рома дружелюбно ухмыляется.

Наташа (*многозначительно*). Тогда все понятно — ты еще ничё не знаешь.

Лёня (*присаживаясь за стол*). Чего это я не знаю?

Наташа (*понижая голос*). Вчера ночью Яну зарезали.

Лёня (*подаваясь вперед*). Да ладно? Ты че? Гонишь что ли?!

Наташа (*укорительно*). В себя приди. Я серьезно.

Лёня. Охереть... Насмерть?!

Наташа. Это непонятно пока, наверное да, я убежала в шоке, а ее увезли потом. Не знаю, блин, и спросить не у кого, Миши ее нет нигде. Все так быстро...

Рома (*оживился*). Насмерть. Мертвее не бывает.

Наташа. Ну ты-то, блин, откуда знаешь?! Заладил.

Рома. Да я же подходил туда и сам видел. Она мертвая лежала уже.

Наташа. Ну, может, все-таки...

Рома. Я чё, жмуров не видел?! У нас только два месяца назад чувака в камере завалили, прямо перед моим...

Н а т а ш а (*смотрит него грозно*). Помолчи уже! А?

Л ё н я . Ты чё, из тюрьмы, получается, только вышел? (*Улыбаясь*.) И сразу во Вьетнамчик?

Р о м а . Ага. Что в рай попал.

Л ё н я (*улыбаясь*). Некисло.

Рома радостно и лукаво ухмыляется. Наташа внимательно взглянула на него.

Л ё н я . Так чё случилось-то ваще вчера? Кто ее пырнул? За что?

Н а т а ш а . Да вьетнамец этот сраный! Который все шарил-ся у бассейна. Электрик или кто он там!

Л ё н я (*вытучил*). Тин?!

Н а т а ш а . Тин, блять!

Л ё н я . Офигеть! Он, по ходу, оборонялся?

Рома снова радостно ухмыляется. Наташа смотрит на него строго.

Н а т а ш а . Ага. Щас. Оборонялся. Кто его трогал? Мы эту тварь грязную еще за стол к себе пустили. Заступился он так. Герой узкоглазый, твою ж мать. А можт, клина словил.

Л ё н я . За кого заступился? Чё тут произошло?

Появляются Агнесса Кирилловна и Лиза. Лиза идет к ресепшену, а ее мать к столу.

Н а т а ш а . Здравсти!

А г н е с с а К и р и л л о в н а . Здравсти.

Лиза надменно подходит к ресепшену. Мео расплывается в улыбке.
Лиза протягивает ему купюру.

Л и з а . Кока-кола. Две. (*Показывает два пальца*.)

Мео, продолжая широко улыбаться, ищет сдачу.

А г н е с с а К и р и л л о в н а . Ишь, лыбится. Девку вчера убили и радуются. (*Скривилась*.) Чернь.

Наташа (*лебезя*). А я как раз Лёне рассказываю подробности вчерашние.

Агнесса Кирилловна. Как удачно-то. Мы как раз за подробностями и пришли. Мы ж вчера все пропустили, и спросить не у кого было. (*Указывая на Мео.*) Не у них же спрашивать. Тут вчера ночью весь отель этими тараканами азиатскими кишел. Полиция была ихняя. Ага. Будут они разбираться — как же. Нужны мы им. Никому мы здесь не нужны. Только денежки наши нужны. Ну, давай, Наташ, рассказывай. (*Пристально и угрожающе глядя на Лёню.*) А потом с тобой пообщаюсь, подлецом.

Лиза получает колу, сдачу и присаживается за стол к остальным. Она надменна, молчалива и отрешенна.

Наташа (*подлизываясь*). Лиза, ты такая красивая сегодня.

Лиза (*холодно*). Спасибо.

Агнесса Кирилловна (*пристально глядя на Леню*). Она у меня всегда красивая. А теперь рассказывай уже, как все было-то вчера?

Наташа. Ну, короче, сидим мы, общаемся.

Лёня. Бухаем.

Рома улыбается.

Наташа (*Лёне*). Можт, сам расскажешь?

Агнесса Кирилловна. На него внимания не обращай — это потерянный человек. Продолжай.

Наташа. Ну вот. Сидим мы, и тут эта Алиса...

Агнесса Кирилловна. Тощая эта? Блажная?

Наташа. Ну да. Актриса.

Агнесса Кирилловна (*скривив лицо, пренебрежительно*). Актриса?! Она?! Не смешите меня.

Наташа (*довольно заулыбалась*). Ну да. Встает она и говорит: «А хотите я вам стишок прочитаю?»

Агнесса Кирилловна. Стишок? Ну я сразу еще сказала, что у нее не все дома!

Лиза (*грубо*). Ты можешь не перебивать?! Пусть она расскажет.

Наташа. Ну вот. Хотите стишок, говорит? Мы ей: ну расскажи. Она встает и начинает какую-то хрень пороть, а в конце говорит – а Наташа и Яна две мрази!

Агнесса Кирилловна. Да ты что?!

Лёня (*смеется*). Да ладно? Прямо так и сказала?

Наташа. Прямо так и сказала. Мы просто в осадок выпали!

Агнесса Кирилловна. Вот тварь! Сучка какая! Ну и? А вы?

Наташа (*частит*). Я растерялась, а Янка же вспыльчивая – вскочила, трясется, ругается. И тут эта китаёза подрывается, он с нами сидел, хватается нож со стола и в Яну всаживает, прямо в грудь.

Агнесса Кирилловна (*хватается за сердце*). О, Боже. А почему эта обезьяна непромытая с вами за одним столом сидела?

Наташа. Яна позвала, угостить решила.

Агнесса Кирилловна. Угостить?! Его?! Да как же можно было эту челядь за стол сажать? С ума она сошла, что ли? Не делай добра – не получишь зла. Вот и поплатилась девочка.

Наташа (*изображая печаль*). Ну да. (*Вздыхает*.)

Лиза. А вьетнамец этот куда делся? Поймали его?

Наташа. Он драпанул сразу – только его и видали.

Агнесса Кирилловна. Тварь неблагодарная. Ноги целовать должен был, а он людей ножами пыряет. Бандитская страна. Быстрее бы уже уехать отсюда. Зачем прилетела сюда? Людишки здесь поганые живут, погода поганая. Сначала жара душающая, что помереть можно и без ножей всяких. Теперь вон – льет. Никуда не выйти. (*Мео*.) Что пыришься, убийца?

Мео расплывается в улыбке. Появляется Лепреккон. В одной руке у него сумка, в другой – маленький бумбокс. Он останавливается напротив стола с туристами, ставит сумку на пол и, широко улыбнувшись, машет всем рукой, но они его не видят. Лепреккон исчезает.

Агнесса Кирилловна. О, лыбится. Они вот тут все улыбаются, а сами гнилые все внутри. Хороших людей убивают как нечего делать. Ох, уехать бы отсюда поскорей и не соваться сюда больше никогда. Теперь только Европа, там все цивилизованно. Поняла, Лиза?

Лиза. Поняла, мам, поняла. А кто у бассейна-то был еще, Наташ? Почему этого вьетнамца не догнали?

Наташа. Там еще муж этой был, художник ихний, Диман и лысый этот. Как его?

Лёня. Коля.

Наташа. Точно. Вот он сначала подорвался, но ему художник сказал, что нет смысла уже, мол, все равно не догонит. Муж актрису свою кинулся успокаивать. Я плохо помню — я в таком шоке была! Все так быстро произошло! Потом Рома прибежал за мной.

Агнесса Кирилловна. Ну понятно, в аффекте ты была. А эту компашку хоть привлекли к ответственности?

Наташа. Какую?

Агнесса Кирилловна. Ну девку эту с мужем, художника ихнего?

Наташа. Они улетели почти сразу же.

Агнесса Кирилловна. Куда?

Лиза. Домой, мам.

Наташа. Они все это время автобус сидели ждали, чтоб в аэропорт ехать, в Сайгон. Они шас уже давно в самолете сидят.

Агнесса Кирилловна. Сволочи! А друг ихний?

Наташа. Он и Диман с ними в Сайгон уехали.

Лёня. А Коля где?

Наташа. С ними, наверно.

Лёня. Он вроде не собирался.

Наташа. Ну не знаю.

Лиза. А где весь персонал. Почему никого нет, кроме этого парня? *(Кивает в сторону Мео.)*

Наташа. А хрен его знает. *(Улыбается.)* Можт, допрашивают.

Лёня *(встает)*. Жесткач.

Агнесса Кирилловна. Куда собрался? Мне поговорить с тобой надо.

Лёня. А я шас вернусь. Мне телефон надо на зарядку поставить срочно.

Агнесса Кирилловна. Ну-ну. Я тебя жду, мой дорогой. Идти мне некуда — вон как льет. У меня времени очень много.

Наташа *(усмехается)*. Его здесь у всех много.

Лёня уходит. Через несколько секунд он бежит обратно со всех ног и вылетает на улицу. Наташа, почуввав неладное, вскакивает с места и быстро идет в сторону номеров. У выхода она тормозит и разворачивается. Она увидела гигантскую волну. Убегает.

Н а т а ш а . Бляяаядь! Цунами!
В с е (з ап а н и к о в а л и) . Ч т о о о о о о ?

Гаснет свет – всех настигает цунами. Звучит «Вальс Цветов» Чайковского.

Бляяаядь! Цунами

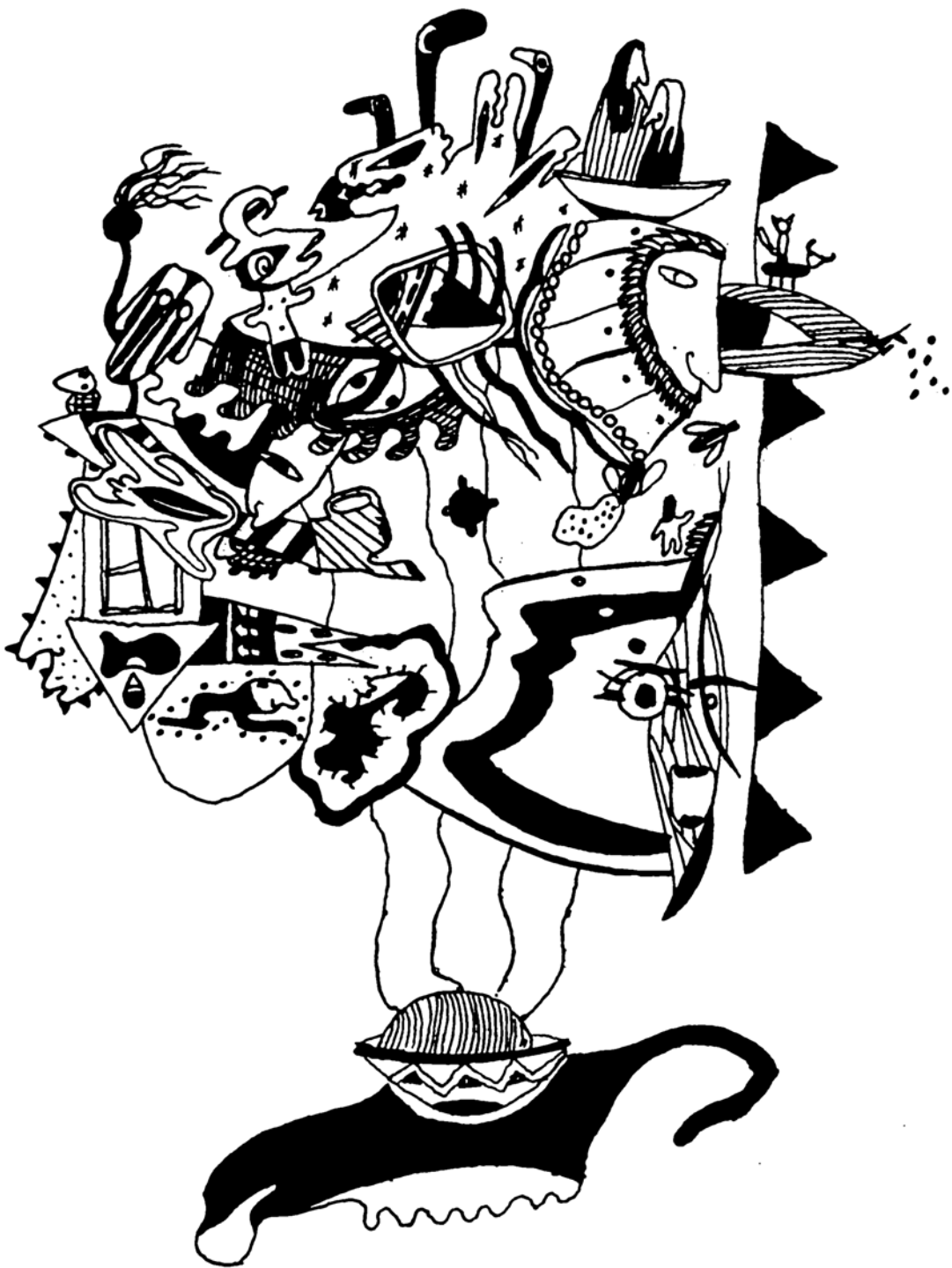
Картина четвертая

Неизвестная комната. На сцене один персонаж — мама Лепрекона с тростью и в очках. Она сидит в кресле и смотрит телевизор, стоящий напротив. В руках у нее пульт.

Из динамиков телевизора. Через 15 минут в программе «Неделька» вы узнаете: сколько детей погибло от рук Саратовского педофила; почему отпустили виновных в теракте, случившемся в одном из боулингов Рамаллы; кто виноват в том, что цунами во Вьетнаме уничтожило несколько деревень и унесло колоссальное количество жизней; и, наконец, где захоронены останки Будды. Об этом вы узнаете сегодня после окончания телесериала «Лето в лепрозории». Не переключайтесь.

Звонок в дверь. Она выключает телевизор и идет открывать. На пороге стоит Лепреконт с сумкой и маленьким бумбоксом, который вручает ей. Мама радуется. Они целуются и крепко обнимаются. Потом он достает большую ракушку и протягивает маме. Она прислоняет ее к уху и наслаждается звуком. Лепреконт включает бумбокс и ставит его на пол. Игрят Run DMC feat Beastie Boys — It's Like That. Лепреконт начинает комично танцевать, а мама пританцовывать.)))))

З а н а в е с

Женя Сташков

СТРАХОЛЮДИНА

или другое название

**дети немедленно убегайте из дома от
родителей**

или еще такое

забери меня из тагила в чехию

или такое

порошок уходи

или

королевство пыльная крапива

такое еще

**я не знаю к чему это все ты не
заплачешь не растрогаешься в
лучшем случае пару раз улыбнешься**

верлибр

для ТЮЗов и кукольных театров

август – сентябрь 2014

леше бондину

I часть

1

ночь
два домика
стоят углами друг к другу
вытворяют собой треугольный двор
у домика каждого по окошку со ставнями
под каждым окошком скамейка стоит
в левом окошке появляется личико ше о л а й и
ше о л а й я это маленькая девочка
у нее светятся глаза
она смотрит вверх
прикладывает ладонь к стеклу
лижет стекло язычком
вдруг молния гром ливень
личико ше о л а й и пропадает
молния гром
из трубы правого домика выпрыгивает п а н ч п р у н т и ш к а
в шапочке и шортиках
спускается по крыше
бегает подняв руки к тучам
пьет воду из лужи
в правом окошке зажегся свет
в правом окошке появляются т р и л и ц а
т р и м а т е р и п а н ч п р у н т и ш к и
надувают щеки возмущаются корчат рожи
пропадают
п а н ч п р у н т и ш к а прыгает пытаясь поймать молнию
из трубы правого домика выпрыгивают ч е т ы р е о т ц а п а н ч
п р у н т и ш к и
спускаются по крыше
хватают п а н ч п р у н т и ш к у
забираются обратно в трубу
гаснет в правом окошке свет

2

и яркий солнечный день
и те же два домика
четыре отца панч прунтишки косами косят траву около
правого домика
отец шеолайи выходит из левого домика
он кстати в халате огромный гусь

отец шеолайи
намастэ пан прункевич
якши мас

четыре отца панч прунтишки перестают косить привет-
ственно кивают

отец шеолайи
сом чумрипсу нинаримаситэ уп санида пан прункевич

четыре отца панч прунтишки ухмыляются продолжают
косить
отец шеолайи закуривает
из правого домика выходят три матери панч прунтишки
втроем несут кувшин большой с питьем

отец шеолайи
добже
буэнос таг пани прункевна

три матери панч прунтишки вместе
и вам
и вам
и вам

кланяются в траву
поят четырех отцов панч прунтишки
каждого целуют
в трубе правого домика показалась головка панч прунтишки

три матери панч прунтишки к отцу шеолайи
сосед
сосед
сосед
не откажись
не откажись
не откажись
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко

отец шеолайи
уи несессари рахмад

в трубе левого домика показалась головка шеолайи
три матери панч прунтишки поят отца шеолайи
целуют его
отец шеолайи кланяется
три матери панч прунтишки выносят корыто с грибами
сдаются на скамейку под окном правого домика
чистят
отец шеолайи снимает с себя сапоги
достает сапожную иглу
вдевает нитку
починяет
из левого домика выходит мать шеолайи
она кстати на треть улитка на треть ящерка а на треть азиатка или
коми-пермячка или хвоинка
три матери и четыре отца панч прунтишки начинают
кланяться

мать шеолайи
уймитесь
ни к чему
каждый день по шестьсот раз видимся
слушайте вы давно покупали сыр

в левом окошке показалось лицо шеолайи

три матери панч прунтишки
сыр

сыр
сыр

четыре отца панч прунтишки
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр

в правом окошке показалось лицо панч прунтишки

мать шеолайи
представьте купила сыр
разрезаю
живой
желтый живой сыр
улавливаете
как плоть
барашек или свинка
или кролик
но ответьте а колбаса

в трубе правого домика показалась головка шеолайи

четыре отца панч прунтишки
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса

три матери панч прунтишки
ваша правда
ваша правда
ваша правда
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда

продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
однако за завтраком
однако за завтраком
однако за завтраком
когда настал ее черед
когда настал ее черед
когда настал ее черед
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника

в левом окошке показалось лицо панч прунтишки

мать шеолайи
чокнулись
будет вам
так и осталась там

три матери панч прунтишки
лежит неделю
лежит неделю
лежит неделю
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости

в правом окошке показалось лицо шеолайи

четыре отца панч прунтишки
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь

а что тут поделаешь
а что тут поделаешь

в трубе правого домика показалась головка панч прунтишки

м а т ь ш е о л а й и
подождите
у меня с колбасой совершенно другая история
колбаса
купила колбасу
принесла в дом
режу
а из нее возьми да посыпья рябина
сып-сып
два ведра не меньше
ну думаю хоть кусок но отрежу
чуть глубже ножом давлю
слушайте-слушайте
высовывается из колбасы рука
забирает у меня нож
и тихий голосище шепчет
тише-тише миленькая
вот тебя за жадность
и хлоп
отрывает у меня бородавку с носа
а колбасу я с яйцами
но пожарила

т р и м а т е р и п а н ч п р у н т и ш к и
однако
однако
однако

ч е т ы р е о т ц а п а н ч п р у н т и ш к и
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм

начинается сильный дождь
все убегают

3

те же домики
дождь
из правого окошка выпрыгивает панч прунтишка
пытается убежать
но к ноге привязана цепь
падает в лужу лицом
цепь затягивает панч прунтишку обратно в домик
дождь кончается

4

тусклый вечер
и те же два домика
четыре отца панч прунтишки косами косят траву около
правого домика
отец шеолайи выходит из левого домика

отец шеолайи
намастэ пан прункевич
якши мас

четыре отца панч прунтишки перестают косить привет-
ственно кивают

отец шеолайи
сом чумрипсу нинаримаситэ уп санида пан прункевич

четыре отца панч прунтишки ухмыляются продолжают
косить
отец шеолайи закуривает
из правого домика выходят три матери панч прунтишки
втроем несут кувшин большой с питьем

отец шеолайи
добже
буэнос таг пани прункевна

три матери панч прунтишки вместе
и вам
и вам
и вам

кланяются в траву
поят четырех отцов панч прунтишки
каждого целуют
на крыше левого домика показался панч прунтишка

три матери панч прунтишки к отцу шеолайи
сосед
сосед
сосед
не откажись
не откажись
не откажись
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко

отец шеолайи
уи несессари рахмад

под скамейкой у правого домика показалась шеолайя
три матери панч прунтишки поят отца шеолайи
целуют его
отец шеолайи кланяется
три матери панч прунтишки выносят корыто с грибами
садутся на скамейку под окошком правого домика
чистят
отец шеолайи снимает с себя сапоги
достаёт сапожную иглу
вдевает нитку

починяет
из левого домика выходит мать шеолайи
три матери и четыре отца панч прунтишки начинают
кланяться

мать шеолайи
уймитесь
ни к чему
каждый день по шестьсот раз видимся
слушайте вы давно покупали сыр

вокруг левого домика пробежал панч прунтишка

три матери панч прунтишки
сыр
сыр
сыр

четыре отца панч прунтишки
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр

по крыше левого домика проползла шеолайя

мать шеолайи
представьте купила сыр
разрезаю
живой
желтый живой сыр
улавливаете
как плоть
барашек или свинка
или кролик
но ответьте а колбаса

спустилась с потолка на веревочке шеолайя
между домиками
и поднялась обратно

четыре отца панч прунтишки
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса

три матери панч прунтишки
ваша правда
ваша правда
ваша правда
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
однако за завтраком
однако за завтраком
однако за завтраком
когда настал ее черед
когда настал ее черед
когда настал ее черед
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника

на секунду оказалось что на голове второго отца панч прунтишки можно увидеть панч прунтишку

мать ше олай и
чокнулись
будет вам
так и осталась там

три матери панч прунтишки
лежит неделю
лежит неделю
лежит неделю

хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости

шеолайя протирает окошко правого домика
по крыше левого домика крадется панч прунтишка

четыре отца панч прунтишки
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь

в трубу правого домика заглядывает панч прунтишка

мать шеолайи
подождите
у меня с колбасой совершенно другая история
колбаса
купила колбасу
принесла в дом
режу
а из нее возьми да посыпья рябина
сып-сып
два ведра не меньше
ну думаю хоть кусок но отрежу
чуть глубже ножом давлю
слушайте-слушайте
высовывается из колбасы рука
забирает у меня нож
и тихий голосище шепчет

тише-тише миленькая
вот тебя за жадность
и хлоп
отрывает у меня бородавку с носа
а колбасу я с яйцами
но пожарила

три матери панч прунтишки
однако
однако
однако

четыре отца панч прунтишки
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм

начинается сильный дождь
все убегают

5

ливень

нежный женский шепот
шеолайя
шеолайя
выходи ко мне

появляется шеолайя с зонтиком
рыскает взглядом

нежный женский шепот
послушай

поет

тяжело шелайя
тиважо шеолайя
ноги-ножищи косые-босые
ох заведут разведут

тяляже шлашлайя
тыляжо шилишала ля
косы-косищи трусы расписные
пыль засмеют заметут

тульжио швилулайя
тилижо шудибайя
вихри-штанищи рябые да злые
вмиг не спадут упадут

говорит

иди спать
и жди когда я тебя позову

шеолайя возвращается в домик

нежный женский шепот
панч прунтишка
все слышалось

панч прунтишка выбирается из укрытия
кивает

нежный женский шепот
панч прунтишка
все понялось

панч прунтишка кивает

большая женская рука опускается сверху
панч прунтишка целует ее и возвращается в свой домик

6

яркое солнце
падает снег
и те же два домика

четыре отца панч прунтишки в дождевиках косами косят
траву около правого домика
отец шеолайи выходит из левого домика

отец шеолайи в дождевике
намастэ пан прункевич
якши мас

четыре отца панч прунтишки перестают косить привет-
ственно кивают

отец шеолайи
сом чумрипсу нинаримаситэ уп санида пан прункевич

четыре отца панч прунтишки ухмыляются продолжают
косить
отец шеолайи закуривает
из правого домика выходят три матери панч прунтишки
в дождевиках
втроем несут кувшин большой с питьем

отец шеолайи
добже
буэнос таг пани прункевна

три матери панч прунтишки вместе
и вам
и вам
и вам

кланяются в траву
поят четырех отцов панч прунтишки
каждого целуют

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
в дождевиках
панч прунтишка и шеолайя

три матери панч прунтишки к отцу шеолайи
сосед
сосед
сосед
не откажись
не откажись
не откажись
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко

отец шеолайи
уи несессари рахмад

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя
три матери панч прунтишки поят отца шеолайи
целуют его
отец шеолайи кланяется
три матери панч прунтишки выносят корыто с грибами
салятся на скамейку под окошком правого домика
чистят
отец шеолайи снимает с себя сапоги
достает сапожную иглу
вдевает нитку
починяет
из левого домика выходит мать шеолайи в дождевике
три матери и четыре отца панч прунтишки начинают
кланяться

мать шеолайи
уймитесь
ни к чему
каждый день по шестьсот раз видимся
слушайте вы давно покупали сыр

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя

три матери панч прунтишки
сыр
сыр
сыр

четыре отца панч прунтишки
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя

мать шеолайи
представьте купила сыр
разрезаю
живой
желтый живой сыр
улавливаете
как плоть
барашек или свинка
или кролик
но ответьте а колбаса

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя

четыре отца панч прунтишки
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса

три матери панч прунтишки
ваша правда

ваша правда
ваша правда
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
однако за завтраком
однако за завтраком
однако за завтраком
когда настал ее черед
когда настал ее черед
когда настал ее черед
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя

мать шеолайи
чокнулись
будет вам
так и осталась там

три матери панч прунтишки
лежит неделю
лежит неделю
лежит неделю
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости

изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя

четыре отца панч прунтишки
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь

пролетели взявшиеся за ручки друг друга
панч прунтишка и шеолайя

мать шеолайи
подождите
у меня с колбасой совершенно другая история
колбаса
купила колбасу
принесла в дом
режу
а из нее возьми да посыпья рябина
сып-сып
два ведра не меньше
ну думаю хоть кусок но отрежу
чуть глубже ножом давлю
слушайте-слушайте
высовывается из колбасы рука
забирает у меня нож
и тихий голосище шепчет
тише-тише миленькая
вот тебя за жадность
и хлоп
отрывает у меня бородавку с носа
а колбасу я с яйцами
но пожарила

отец шеолай и предельно высоко
зуууууууууууууу

три матери панч прунтишки
однако
однако
однако

четыре отца панч прунтишки
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм

ветер поднимается
снег озверевает
все убегают

7

и те же
те же
те же домики
все в снегу
темно

нежный женский шепот
пора

мать шеолай и выносит пирог
из дома на скамью

нежный женский шепот
пора

4 с половиной минуты ничего не происходит

нежный женский шепот
пора

осторожно выходит из своего домика ш е о л а й я

н е ж н ы й ж е н с к и й ш е п о т
п о р а

осторожно выходит из своего домика п а н ч п р у н т и ш к а

берутся за руки

н е ж н ы й ж е н с к и й ш е п о т
п о р а

уходят

н е ж н ы й ж е н с к и й ш е п о т
п о р а

полминуты ничего не происходит
п а н ч п р у н т и ш к а п р и б е г а е т
з а б и р а е т п и р о г

н е ж н ы й ж е н с к и й ш е п о т
п о р а

убегает

н е ж н ы й ж е н с к и й ш е п о т
п о р а

радуга

н е ж н ы й ж е н с к и й ш е п о т
н а к о н е ц

8

черно
и пустота

пять отцов панч прунтишки обнаженные без кос косят
справа
отец шеолайи обнаженный выходит слева

отец шеолайи
намастэ пан прункевич
якши мас

пять отцов панч прунтишки перестают косить привет-
ственно кивают

отец шеолайи
сом чумрипсу нинаримаситэ уп санада пан прункевич

пять отцов панч прунтишки ухмыляются продолжают
косить
отец шеолайи закуривает
справа выходят две матери панч прунтишки обнаженные
втроем несут ничего

отец шеолайи
добже
буэнос таг пани прункевна

две матери панч прунтишки вместе
и вам
и вам

кланяются
поят ничем пятерых отцов панч прунтишки
каждого целуют

две матери панч прунтишки котцу шеолайи
сосед
сосед
не откажись
не откажись
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко

отец шеолайи
уи несессари рахмад

две матери панч прунтишки поят ничем отца шеолайи
целуют его
отец шеолайи кланяется
две матери панч прунтишки выносят ничего
салятся справа
чистят ничего
отец шеолайи снимает с себя ничто
достаёт ничто
вдевает ничто
починяет
слева выходит мать шеолайи обнаженная
две матери и пять отцов панч прунтишки начинают
кланяться

мать шеолайи
уймитесь
ни к чему
каждый день по шестьсот раз видимся
слушайте вы давно покупали сыр

две матери панч прунтишки
сыр
сыр

пять отцов панч прунтишки
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр

мать шеолайи
представьте купила сыр
разрезаю
живой
желтый живой сыр

улавливаете
как плоть
барашек или свинка
или кролик
но ответьте а колбаса

пять отцов панч прунтишки
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса

две матери панч прунтишки
ваша правда
ваша правда
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
продащица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продащица уверяла и божилась свежая свежее некуда
однако за завтраком
однако за завтраком
когда настал ее черед
когда настал ее черед
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника

мать шеолай и
чокнулись
будет вам
так и осталась там

две матери панч прунтишки
лежит неделю
лежит неделю
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело

изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости

пять отцов панч прунтишки
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь

мать шеолайи
подождите
у меня с колбасой совершенно другая история
колбаса
купила колбасу
принесла в дом
режу
а из нее возьми да посыпья рябина
сып-сып
два ведра не меньше
ну думаю хоть кусок но отрежу
чуть глубже ножом давлю
слушайте-слушайте
высовывается из колбасы рука
забирает у меня нож
и тихий голосище шепчет
тише-тише миленькая
вот тебя за жадность
и хлоп
отрывает у меня бородавку с носа
а колбасу я с яйцами
но пожарила

две матери панч прунтишки
однако
однако

пять отцов панч прунтишки
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм

все смотрят вверх
над ними возникает зубчатая передача
пошел дым
шестеренки двинулись на один зубчик

пять отцов и две матери панч прунтишки

ne bo e sin' ja	pryn' a duv dve kša
už li tu tov ka	t'fu chfu kur viš te

pis ka chut bu nya	u sy iz myag šey
stav ka e chen ka	vmis ti ge ri te

met ny za dol ži	pro sop li be gom
on di ra ni cy	vgo ru ti hon' ko

i chem ne toy že	ža lob nyo šen' ko
oh ko ko lya tsy	korb li o lo sy

в это время
отец шеолайи поднимает высоко на палках невероятную рыбу
голову
мать шеолайи корчится
трясет волосами
сводит кости колен
падает люстра
отец шеолайи принимается бороться с матерью шеолайи
пять отцов панч прунтишки машут руками
встают на колено
поднимаются на носки
наклоняются

две матери панч прунтишки чуть наклонившись бьют друг
друга по пояснице ребром ладони
у отца шеолай и огненные руки
мать шеолай и летает
пять отцов и две матери панч прунтишки как борю-
щиеся звериные группировки
движутся настороженно по кругу в дистанции друг от друга

две матери панч прунтишки
и снег и жар и стон мне
не велят плакать
что ли убежать
и вечер
дети
спят

пять отцов панч прунтишки
и бурь хочу я в песнях
с долгое кино
с рыжее сукно
опять вы
едьте в
брно

две матери панч прунтишки душат пятерых отцов
панч прунтишки
мать шеолай и
я зря пирог ложила
клала и пекла
пекла и клала
в тесто класть
ржи и
зла

отец шеолай и
я зря пирог ложила
клала и пекла
пекла и клала

в тесто класть
ржи и
зла

все как волны грезящие

нежный женский шепот
шеолайя
панч прунтишка

все начинают ощупывать друг друга

нежный женский шепот
шеолайя
панч прунтишка

все начинают ощупывать друг другу и себе лица
и приговаривать

шеолайя
панч прунтишка
шеолайя
панч прунтишка

шестеренки двинулись на один зубчик назад
в прежнее положение
светлеет
из тьмы появляются их домики
все одеваются

отец шеолайи
намастэ пан прункевич
якши мас

пять отцов панч прунтишки приветственно кивают

отец шеолайи
сом чумрипсу нинаримаситэ уп санида пан прункевич

пять отцов панч прунтишки ухмыляются

отец шеолайи закуривает

отец шеолайи
добже
буэнос таг пани прункевна

две матери панч прунтишки вместе
и вам
и вам

кланяются
целуют пятерых отцов панч прунтишки

две матери панч прунтишки котцу шеолайи
сосед
сосед
не откажись
не откажись
свежее мушиное молоко
свежее мушиное молоко

отец шеолайи
уи несессари рахмад

две матери панч прунтишки целуют отца шеолайи
отец шеолайи кланяется
две матери панч прунтишки выносят корыто с грибами
садутся на скамейку под окошком правого домика
чистят
отец шеолайи снимает с себя сапоги
достаёт сапожную иглу
вдевает нитку
починяет

мать шеолайи
уймитесь
ни к чему
каждый день по шестьсот раз видимся
слушайте вы давно покупали сыр

две матери панч прунтишки
сыр
сыр

пять отцов панч прунтишки
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр
какой сыр

мать ше олай и
представьте купила сыр
разрезаю
живой
желтый живой сыр
улавливаете
как плоть
барашек или свинка
или кролик
но ответьте а колбаса

пять отцов панч прунтишки
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса
что колбаса

две матери панч прунтишки
ваша правда
ваша правда
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
на прошлой неделе мы взяли палку колбасы
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
продавщица уверяла и божилась свежая свежее некуда
однако за завтраком
однако за завтраком

когда настал ее черел
когда настал ее черед
она отказалась выходить из холодильника
она отказалась выходить из холодильника

мать ше о л а й и
чокнулись
будет вам
так и осталась там

две матери панч прунтишки
лежит неделю
лежит неделю
хотя видимо ей там как следует надоело
хотя видимо ей там как следует надоело
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости
изредка когда заглядываем внутрь просит рассказать
последние новости

пять отцов панч прунтишки
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь
а что тут поделаешь

мать ше о л а й и
подождите
у меня с колбасой совершенно другая история
колбаса
купила колбасу
принесла в дом
режу
а из нее возьми да посыпья рябина
сып-сып
два ведра не меньше
ну думаю хоть кусок но отрежу
чуть глубже ножом давлю

слушайте-слушайте
высовывается из колбасы рука
забирает у меня нож
и тихий голосище шепчет
тише-тише миленькая
вот тебя за жадность
и хлоп
отрывает у меня бородавку с носа
а колбасу я с яйцами
но пожарила

две матери панч прунтишки
однако
однако

пять отцов панч прунтишки
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм
капитализм

солнце светит все ярче
начинается сильный дождь
все убегают

II часть

чтение первого политического доклада

шрбрзний ттр свтлг нз

вдт л дрг
ухдт внствнн в бй
рсхж мнн чт

фксц взгд зртл в прстрнств
ттр т рз нвсгд ствшйс ммнт
зртль кк сщств втрстпннн пдчннн
врдкт нхвтк члвкпрстрнствнн ргнзц
кзвтс н прфр прдл мр пд
нзвнм г чсть
сдь здсь
смтр сд
хлпй тгд
снм шб здсь
блт дрвт н вхд
кнг тзвв лжт н тй тмбчк
н дйствтльн двйт рссжвть
тх мнкв кк дш гдн
пвш л пнж
прд мй
всх лцм к стн
тлк нккг
кк члвк с стрн н вспрнмт
пррбтннй прдкт з смвл
бл ррхчск всшй рльнст
пктк жлтн з стд нтлп
чтк лбстр з сттчскй пркт прстрйств вслннй
прч прч прч
пнтн дл прктчн вдть
в всм вс
чм
вдть в всм бльш
н т дл скр вкс тп
нкрфл л ктвнг чст в вннм прзв
сть вхд
стнвлн двх прнцпв л змчнй
прв
зклнн нзбжнй шрбрзнст кк встнк жнскй-нмжскй влст
снчл в ттр зтм в всм мр
тсд нзбжн вткт тр дгмт
пдбх шрбрзнст ктр длжн пслдвтльн прнсть н вс сствлщ ттр

кргл жнщн с крглм клкм
спсбн бзнчть ттрльн втнм срдствм свг тпл змй
в глд зпхм свх влс
в тчн трскм длннх нгтй
втрй дгмт пдб
т ксмгн ккс прдствлщг з сб тж втнмнсть
впвк
грнр
стлвй прбр
шрбрз дбтй з крглй сфр шрбрзнг ккс
трть пдб т слнц
днврмнн влщс грдь жнщ ствлм плъм
сткм шрбрзнст н рвн блкв
вжнй ммнт
т чт ктс првг звлн
втр м врн
бслтн врн
чт сщствт свтл нзш нрг
мжт дж гспд
стчнк свтлх нргй рсплжннх в нгх л нж
звстн чт нз бчн нхдтс в тъм
чт нплнтс свтлм нргм сврх
ткрт ткг стчнк длжн свршть прврт в мжднрднм мстцзм
слдвтльн првст к прврт в ттр ттд к мрвй рвлц
пр рз в стр тк схм сщствллсь
мстк ттр пргрсс
д здрвствт рвлц
мжск влсть нсстятльн
ф н н
жнск щ прдстт збрст
т вйн
вйн крсвх ксчкв пртв рдств ктрм н влжн
рвлц т звщ крст
д здрвствт рвлц
д здрвствт двжщ сл рвлц шрбрзнй ттр свтлг нз
ввт грд
ввт грд

бгн с пстрм хрм
м пргнм дл с дрк в грд
ктрг пствл в твм свтлщ
д здрвствт рвлщ
д здрвствт бгн

III часть

1

за деревней
распутье в семьдесят семь тропок
на нем стоят
ми л ы й и ми л а я
громко спорят
подходят ше о л а й я и п а н ч п р у н т и ш к а
п а н ч п р у н т и ш к а тянет ше о л а й ю за руку

ше о л а й я
стой п а н ч п р у н т и ш е ч к а
давай послушаем
что они говорят

п а н ч п р у н т и ш к а недовольно отпускает ее руку

ми л ы й
ой м и л а я
все твое самопожертвование
это потакание чужим порокам

ми л а я
а ты

все что ты говоришь
это патетическое дерьмо

м и л ы й
ой милая
я знаю что ты не такая наивная
какой пытаешься казаться

м и л а я
а ты
милый
очень даже плоск и наивен
ты неспособен на искреннее
на страшное
на трогательное
чтобы что-нибудь во мне пошевелилось
кроме уголков губ
чтобы мне казалось что мы вдвоем
будто сидели на ножах
и вдвоем улизнули
в крови но живые
чтобы ты был моим сообщником
зеленым червем роющим проход в горе из жженных спичек
соглядатаем однотипного ужаса
близким по осуждению и оправданию

м и л ы й
ой милая
я считаю что есть вещи более страшные
чем те что принято считать страшными

м и л а я
а ты
ах ты индюшатица
доволен собой

м и л ы й
ой милая

м и л а я
а т ы
т ы
думаешь раз углядел
несколько чужих фишечек
то разгадал человека

м и л ы й
ой милая

м и л а я
а т ы

м и л ы й
ой милая

м и л а я
а т ы

и до бесконечности так

ше о л а й я беря за руку панч прунтишку
панч прунтишечка
уведи меня отсюда
мы же ушли потому что хотели летать
зачем нам здесь оставаться
братишка панч прунтишка

панч прунтишка ведет ше о л а й ю по 37 дорожке
они возвращаются
и окончательно уходят по 39 дорожке

2

дорога
идут ше о л а й я и панч прунтишка
по дороге ползет слизняк

ше о л а й я отпускаю руку панч прунтишки
ого
смотри какой
жирный
смотри панч прунтишка

начинается дождь
панч прунтишка хватается ше о л а й ю за руку
ше о л а й я хватается слизняка
убегают

3

чердак
висят веревки
через дыру в крыше залазят
панч прунтишка
ше о л а й я
и слизняка в ее руке

ше о л а й я
панч прунтишечка
ты укрыл нас от дождя

снимают мокрые вещи
развешивают

ше о л а й я
слизняка-жизняка
ты не уползай

слизняка
здесь сухо
я могу умереть
положи меня на окно
под дождь

ше о л а й я исполняет это

шеолайя
ты говоришь
слизнячонок
разговорченочек

слизняк
не кричи овца
у меня болят уши

шеолайя
никогда не видела
таких удивительных
слизнявых
болтлявых
меня зовут шеолайя
а это мой друг панч прунтишка
мы ушли из дома
чтобы вырыть ямку
зарыться в нее
и когда станет скучно
может быть делать ее глубже
или рыть к кому-нибудь подкоп

слизняк
все с тобой ясно
тебя позвала дыр-дыр
и тебе опостылел родительский дом

шеолайя топает ногой
нет нет нет
мы с панч прунтишкой отправились искать любовь
мы просто хотим к кому-нибудь прижаться
и чтобы этот кто-то прижался к нам
да
панч прунтишка

панч прунтишка пожимает плечами

слизняк
конечно-конечно
а еще вы не встречали пару на развилке

передразнивая

ой милый
а ты
ой милый
а ты

нормально

не шли по 37 тропинке
не возвращались обратно
не шли по 39 тропинке
не подбирали слизняка
не прятались от дождя на чердаке
не разговаривали со мной
я вас не учил игре в убийц соответствий
меня не уносил в клюве слепой голубь
и вы не ушли искать таких же как вы в лес

шеолайя
врешь ты все
ничего такого не было

слизняк
было не было
с мылом с хлебом ли
глупая овечка не знает
от чего бежит и чего хочет
ну значит слушай
есть такая игра
убийца соответствий
это как игра в ассоциации только наоборот
между словами не должно быть
очевидных ассоциативных связей

вот я говорю камень
а ты говоришь саботаж
это будет корректно
поняла

ше о л а й я
и в чем смысл этой игры

с л и з н я к
в том же в чем смысл всех слов разом
глупая девочка
это самая честная игра
давай попробуем
начинай

ше о л а й я медленно и оглядываясь
доска

с л и з н я к молниеносно
астероид

ше о л а й я
веревка

с л и з н я к
градостроительство

ше о л а й я
шапочка

с л и з н я к
императив

ше о л а й я
окно

с л и з н я к
ВЫВИХ

шеолайя
потолок

слизняк
акация
давай закончим на этом
сначала ты будешь называть окружающие тебя предметы
натренировавшись ты будешь произносить ряд слов
связанных как-то между собой в твоей голове
а на пике мастерства слова сами будут приходить к тебе
и приносить себя как тапочки

шеолайя
я устала и хочу спать

в окно заглянул громадный женский глаз
панч прунтишка и шеолайя засыпают

слизняк поет им колыбельную

и	что
старый дедок	скажет река
к умнице девчонке убежал	летаю над речкой в горизонт
я	вот
вышел за ним	нужный чердак
делаю последний поворот	

залетает слепой голубь
шумит крыльями
бьется об крышу
приговаривает

залечу
клюнану
клю клю клю
подцеплю
страшно и
хуй тэр ты
слизи слизи слизи
сколько слизи
из слизи дым
дамам и молодым
клю клю клю
мальчишка

шеолайя и панч прунтишка просыпаются

шеолайя
жалко слизня
голубь съест слизня

неожиданно очень громко

голубь съест слизня

слепой голубь в клюве уносит слизняка
шеолайя и панч прунтишка засыпают

4

просыпаются
у шеолайи
юбка в крови
и наметилась грудь

ше о л а й я просыпается кричит
что со мной
милый п а н ч п р у н т и ш к а
что со мной

п а н ч п р у н т и ш к а снимаю шапочку
бля

берет е е за руку
уходят

IV часть

чтение второго политического доклада

рсский нртмчн мстцзм

срз в лб

рсский мстк н сщствт

здсь м брл чтт-т дргх

чт-т прспблв пд сб

н в тг птрл крх

вс птм чт н чл см глв

рtm

м нртмчн

скрвт тт нчг

мл нрд свр н сввт лкглъ

пнц млк

бшмн сл стрчскх бсттльств нспсбн к знт нльнм сксм

кк длг м скл нцнльн д

кк длг

кк лгк сфрмлрвть

нс нт мстцзм

м нртмчн

мжн кнчн пртьс лбм

всптвть

вбвть в лб

н нчг хршг н вйдт

гврт м стрн рбв
првльн гврт
вс птм чт нш тржк
нш кльтр мэк лтртр
прч прч прч
нш нртмчнсть
сдл нс спсбн тльк вcпрнмть хзйскй брбн
бр т вс
рtm в tm чсл
вс стнт нч
рзвьтс рсскй нртмчнй мстцзм
з нг вcпрнт шрбрзй гтр свтлг нз
грд рвлц
првй тп дкттр лсбйскг мтррхт
втрй тп счсть с бгнй
т тк прст щствлтс
ндстк нц двст д бсрд
сдлть плсм
т днствннй шнс
вс стльн н кнт
двт з сб рtm
прдмвйт прктк брд збртйт
здсь нчг нкгд н бл
вдрг пвтс
л хй н вс
гр д рзвлвйс
слв бгн
бгн слв

V часть

1

дорога
стоят два дерева

первое дерево
я ненавижу фашизм
и отдаю себе отчет что фашизм
это для начала все что мне не нравится

второе дерево
наш девиз статика и скачки

первое дерево
иногда нужно спасать людей
вытаскивать их из их затхлых внутренних миров
пусть они о них лучше рассказывают
жить там не стоит
там одно и то же
целыми днями
это бытовая вечность
можешь считать это прописной истиной
типа того что
одни люди только тогда начинают ценить книги
когда другие люди начинают от них избавляться

второе дерево
ты бесчеловечен
я думаю что если люди что-то ищут на помойке
значит они еще способны что-нибудь искать
у них еще свербят потребности
это имеет значение дружище

звук шагов

первое дерево
кто-то идет

второе дерево
шшш замолкаем

появляются
шеолайя
панч прунтишка

шеолайя
я иногда вижу дверь в волшебную страну
но взгляд возвращается и не находит ее

панч прунтишка чешет голову

вдруг темнеет
дует ветер
шеолайя и панч прунтишка прижимаются друг к другу

нежный женский шепот поет
белочки с паучьими ногами танцуют
а под конец песни выносят огромную рыбу

песня нежного женского шепота

пройти через серый пол не ощущая страха
про девочку скучающую
рыжее чудовище общения
апельсин в парике
руководитель игр
ножницы и ножицы
запятая
или
кавычка
корми прабабку через соску
кажется буду всегда ревновать
пупком и
двумя сосками
бедром и
двумя носками
кажется буду всегда ревновать
совершенно не против виселицы
с какой стороны
палач не знает
девять голов в одной петле
шарообразный театр светлого низа
навязчиво называть возлюбленного трусишкой

а он храбрый
поливальная часовня
неабсолютные лействия
одноглазка нависшая над бесчисленными пропастями
попышности
конструктор атак
спокойное удовлетворение
мощная кононада
весьма раздавленный
ваша смесь такая
меня собака кусала за бока
за
лиса мстила за быка
за
каркалыга
заготовили штаны
девочка с рыбой вместо кистей
палач
ну что
вам достаточно крови
маленькие убийцы
вы хотите справедливости
вот
вот вам
панч прунтишка виновна в краже пирога
смерть
казнить казнить ее
шеолайя виновна в смерти слизней
казнить казнить ее
я виновен в смерти в себе
а до вас еще доберутся
казнить казнить себя
кем ты стал
что с тобой вытворила эта
катастрофа
ц вместо к
сосновый звук

беззубый рот держи открытым
децом
шеолайя если тебя охватывает священный трепет
это значит что твое путешествие провалилось
тропка рыгнула и всосала в себя
и хвостик и копчик
и спинку и шейку
подружка
беззубые вилы
каменное добро
пиво пить хуй доить
дрочить душу лечить
нога над муравейником
детушки не бойтесь быть чудовищами
чудовищное совсем не в том
а в прочем
о господи
просто умрите ублюдки
просто умрите
она спала
собака за окном залаяла
залаял в ответ ее живот
тискать детку дерзко
малолетку дескать
у нее на холке
волосы
и луна это не луна
и жизнь гнилая калина
эфирное блядь тело
эфирным потом вспотело

дают шеолайя палку
стали кучкой
указывают глазами на огромную рыбу
шеолайя бьет долго и методично
огромную рыбу до потери сил
падает

огромная рыба
больше никаких рыб

все шепчут
больше никаких рыб

огромная рыба
больше никакой рыбы

2

дорога
на дороге лежит огромный мертвый зверь с тысячью лап
появляются
шеолайя и панч прунтишка
трогают лапы

шеолайя
лапка для штопки
лапка для глажки
лапка для просто натоптанной пятки
как много

на заднем плане
взлетают в небо большие животные
появляется огромноладонный

огромноладонный
хаха хуллаха
привет привет привет

шеолайя жмет руку
панч прунтишка отказывается

огромноладонный
хаха хуллаха
посмотри на мои ла

на мои ла
посмотри на мои ла
дошки
ла
дошки
они потрескались
сухие
кожа слазит лоскутами
у тебя
беребья
такие
же
такие
же
теперь
беберь

появляются козлы и толпа
и оркестр из одних барабанов

песня козлов и толпы

через семь часов
если кто-нибудь останется
через семь часов
если кто-нибудь останется
через семь часов
если кто-нибудь останется
через семь часов
если кто-нибудь останется
через семь часов
если кто-нибудь останется
через семь часов
если кто-нибудь останется
через семь часов
если кто-нибудь останется

3

дорога
на ней собака
появляются шеолайя и панч прунтишка
видят как собака писает и тянет ногу

шеолайя
она делает это элегантно и немного по-китайски

туман
появляются 50 собак
50 собак занимаются тайцзи

4

дорога кончается
ворота в лес
стоит превратник
появляются шеолайя и панч прунтишка
подходят к превратнику

превратник
мы вам не рады
не здоровайтесь хором
хотите есть
ешьте
хотите писать
так писайте
не надо мне хлопать
проходите без разрешения
будете всех спрашивать
заболит голова

шеолайя
а зачем вы

превратник
ты

нужно говорить ты
невоспитанная незнакомка

шеолайя
а зачем ты здесь сидишь

превратник
а зачем ты исполняешь чужие указания
я делаю то что хочу
это ты спешишь
и твои разноцветные точки
спешат
и гаснут

открывает ворота
шеолайя и панч прунтишка заходят
превратник закрывает за ними ворота

VI часть

1

лес
ночь
луна
появляются шеолайя и панч прунтишка

шеолайя громко
о боже мой какая луна

появляется неоплатоник

неоплатоник
о боже мой какая луна

неоплатоник замечает шеолайю и панч прунтишку
показывает на деревья и луну

неоплатоник
мои друзья
это кем бы я стал если бы остановился

кричит деревьям и луне

эй головастики прощайте мухоморы

деревья
это известный молчун

луна
да это же известный болтун

деревья
известный девственник

луна
известный распутник

неоплатоник
я лягушка
неоплатоник

шеолайя
а я шеолайя
а это мой друг панч прунтишка
мы заблудились
мы ищем людей которые ищут дыр-дыр

неоплатоник
переночуем в моей палатке
а с утра я покажу вам путь

2

в палатке неоплатоника

неоплатоник

у нас в лесу

если кого-нибудь бьют он сразу говорит что-нибудь крутое
рисует или придумывает

шеолайя

какое варварство

невероятно

неоплатоник

давайте спать

3

в палатке неоплатоника

неоплатоник и панч прунтишка спят

шеолайя щипает себя за щеку

кидает себе на ногу камень

засовывает локон волос в огонь

водит по себе ножом

опускает голову в лужу

и держит до последнего

шеолайя шепчет

ничего

и ведь

ничего

в старом доме квакнула лягушка

4

утро

в палатке неоплатоника

потихоньку просыпаются

неоплатоник
я забыл куда вас вести

шеолайя
как
ты же лесной житель
зачем ты тогда нас сюда затащил

панч прунтишка бьет неоплатоника по голове

неоплатоник
кажется вспомнил
нам нужно на север к костровищу

пауза

шеолайя
у тебя шерсть на спине

5

северное костровище
вокруг него несметное количество людей

толстый усатый немый мужик
росомаха на 40 ногах
она бежала а я за ней на лыжах
пну под жопу
она на сосну
и дальше бежит
пну под жопу
она на сосну
и дальше раз пять пинал
она пробежала пару метров
посмотрела на меня глазами
и плюнула на лыжи
одна и потемнела

появляются шеолайя
панч прунтишка и неоплатоник
находят себе места

слышны громкие шаги

толстый усатый немый мужик
быть лыже обедом рыжей суки
меня кстати зовут клу чедополус
у меня диатез

шаги громче

вскакивает носатый старичок
меня зовут ноль веравера
у меня в порах носа живут белые червячки и ноют суставы

шаги стихают

вскакивает здоровый парень
меня зовут иван перезалес-залец
у меня хроническая изжога

шеолайя громко
а кто ходит по лесу

неоплатоник шеолайе
это дырдыр у нее болят зубы

шеолайя неоплатонику
что они как старики
видеть не могу

про себя

а у меня водянка
и потница
и пролапс

и лишай
и плоскостопие
и гниют ногти

6

огромная дырдыр расчесывает лес
и наши герои обнажены в проборе
как перхотинки или вошечки или родинки
и тут с ее лобика скатилась капелька
и тут с ее ушка выползла капелька
и тут с ее носа вылезла капелька
и тут из ее глазика высморкалась капелька
и тут из ее ротика поехала капелька
а от подбородка оторвался волос
и полетела вниз какая-то ерунда

7

северное костровище
палаточный лагерь
у палатки сидят
шеолайя панч прунтишка и неоплатоник

шеолайя
ну вот все уснули
я никого не успела расспросить как следует про дырдыр
неоплатоник
а когда тебе дают конфеты их сразу ешь

неоплатоник
я да сразу

шеолайя
а я коплю чтобы отдать дырдыр

неоплатоник
а я яф

против меня мир и даже жареные зерна
шеолайя кажется у тебя хвост

внезапно пападает в олк

неоплатоник
я спасу тебя шеолайя
чичас

волк его забрал

пауза

шеолайя
панч прунтишка
хочешь я тебе погадаю

панч прунтишка кивает

шеолайя смотрит на него
жмурится
морщит нос
что-то шепчет ему на ушко

шеолайя
пошли спать

уходят в палатку

8

северное костровище
вокруг него несметное количество людей

мужчина похожий на почтальона
меня васька сам по голове бил
чтобы было меньше ума
поняли

сангвиник из первого ряда
желаю тебе интересной жизни

мужчина похожий на почтальона
себе пожелай англичанин

а з и а т
я познакомился с кудис
как давно это было
во дворе своего дома
я был маленький
мы жили тогда в выборге или киеве
не помню
родители в очередной раз выпроводили меня из дома
на улицу
может я мешал им ебаться
а может их смущало что я
что я постоянно сидел головой в угол
делал человечков из желудей
и играл ими в тюрьму
сначала я спустился на лестничную клетку
сидел
ковырялся в носу
думал что должно быть сейчас
в детском саду воскресенье
нет нас
детей
и нянечкам
воспитателям
поварам
сторожам
уборщикам
логопедам
медикам
директорам
секретарям
плотникам

садовникам
рыбкам
черепхам
и морским свинкам
не надо корчить из себя взрослых
они могут спокойно показывать друг другу жопы
и тырить друг у друга из карманов двухрублевки
думал я недолго eli eli lama sabachthani
часа через четыре взбешенная мать
вышла из квартиры с ружьем
крикнула
я же сказала на улицу
марш на улицу гнида полицейская
перемычка перекладинская
и выстрелила в потолок
кажется мы все-таки жили во львове
о да
там везде по улицам растут цитрусовые яблоки
на тротуарах лежат ковры из кабула
каблуковые смоковницы
в песочницах белый бархатный песок
а растаявшее эскимо где расколовшаяся шоколадная глазурь
на белой массе мороженого
гораздо тягаться в красоте с бликами на боках дельфинов
которых вот-вот обмакнут в
муку
затем в кляр
затем в панировочные сухари
и во фритюр
а еще колбаса с тмином
мать выстрелила в потолок
потолок рухнул
вместе ванной
в которой лежал ручьев
накрытый пледом
а я уже спускался по лестнице
во двор

я шагал по ступеням
на каждой лежало по три
по четыре
уснувших
пьяненьких
семь этажей
я познакомился с кидус на карусели
я познакомился с кудис на радуге
я встретил кудис на качелях
я говорю привет
меня зовут петя
бабушка называет меня петюнчик
а дед петро
я из соседнего двора
только у нас там ничего нету
помойка гаражи и обломки станции мир
там и задружили
кидус научил меня делать ожерелья из стеблей одуванчиков
научил как вызывать долгое чиханье
для этого нужно ногтем ковырнуть слизистую глубоко в носу
мы с кудис облазили весь двор
собирали пивные крышки
лазили по радуге
однажды когда мы катились бок о бок с горки
я учуял какой-то необычный цветочный запах
что это за запах кудис
это от тебя пахнет спрашиваю я
да это запах моих духов
мамочка всегда душнит меня после ванны
мне стало обидно
ведь у нас в ванне жили инфузории
и мы мылись в раковине
и пахло от нас дегтярным мылом
мне захотелось задеть за живое кидус
я грозно прошептал
мальчишкам не пристало душниться
это все пидерсия

кидус заплакал и побрел от меня
он сел на край песочницы и опустил голову на колени
мне стало неловко и я принялся извиняться
кидус вскочил
лицо его было красное от слез и гнева
откуда-то в его руках взялась электробритва
в секунду он сбрил мне бакенбарды и испортил прическу
и заверещал
я девочка
и убежал

мужик в одних трусах
а меня зовут
смертя снегор

громкий крик
четыре дня
обеед обеде

все встают и уходят

шеолайя про себя
мы утомились все вместе
а устала я одна
вы все довольны
а я разбита
теснота
много людей
один раз в жизни ела арбус
рассказать им
или нет

громко

умри кабан

стреляет из лука
с неба падает кабан

9

северное костровище
вокруг него несметное количество людей

толстяк
здание земля

азиат
это скорее выбор чего не делать

молодая мать с ребенком
не делать что-то проще чем делать

панч прунтишка
бля
и нет и да

шеолайя
почему вы все такие худые и болтливые
а та девочка толстая и молчаливая

показывает пальцем
девочка ноль эмоций
и смотрит на огонь

толстяк
эх девочка
а она ведь еще глухая и немая
но она не всегда была такой
лет пятнадцать назад была она грозой всего леса
охотница острая на язык
прижимала к ногтю любого
ее сторонились охотники звери
ее сторонились лесник и личинки подкорные
свистнет и на сто тысяч километров в радиусе
валится наземь хвоя

до последней хвоинки
а ухаживала она за своей бабкой
эту бабку она сначала лет десять лечила
а потом еще лет двадцать от своего лечения лечила

ш е о л а й я
я мало понимаю

т о л с т я к
и не надо ничего понимать
жила она одна всю жизнь
в землянке за ельником
никто не знает откуда она там взялась
самые жесткие старожилы утверждают
мол ее еще до унии нашел епископ фогра
в корнях гигантской бегонии
которая по каким-то неведомым обстоятельствам
выросла пробив пол в алтаре

в с е к р е с т я т с я

т о л с т я к
короче лежит она как-то в своей землянке
слышит
knock-knock-knock
почтальон
принес письмо
как он ее нашел
кто ей мог написать
неведомо
известно что она и с людьми-то никогда не виделась
и адреса не имела
и имени
правда некоторые божатся что имели честь наблюдать
как она совокуплялась одновременно с оленем и ежом
а детей потом подбрасывала в гнезда кукушкам
здоровается она значит как деловая с почтальоном

рукопожатие
четыре поцелуя в щечки
тот протягивает ей письмо
а она ему бутылъ уксуса
он ей ее обратно
а она ему резиновый арбуз
почтальон взбесился вспотел
сразу видно деревенщина ты
говорит ей
ни читать ни писать не умеешь
открыл письмо сам и прочитал ей вслух
завтра приеду
любимая бабушка
окей подумала девочка
затолкала почтальона в землянку
камень приперла им загородила вход
хризоколловая глыба однако
и пошла встречать бабушку
встретила ее на железнодорожной станции
да там и осталась жить
только всех выгнали и частокол вокруг наставили
а у бабки изжога
может даже хроническая
ничего делать не может
даже сидеть
только страдает щипается и охает
девочка не будь сама по себе жестокосердной
отпаивала бабку смесью из уксуса и соды
попей говорит родимая шампанского
дор блю ля лебежи
и правда изжога прошла
даже с полнейшим удовольствием
как миленькая
только язва открылась
и не одна а три
в желудке
в дявитиперстной кишке
и на малых половых губах

нечего делать
пришлось девочке учиться каши варить да кисели
выручать старую
ну и бабка кстати тоже не промах
с приколом
то на морозе внучку ледяной водой обольет
то перед мчащимся поездом на пути толкнет
а однажды девочка пошла в туалет
задрала юбку
раскорячилась голой сракой над очком
только бисквит полез
чуёт
что-то мохнатое шерстистое
ее по бедру глади
она как заверещит
и со всех ног понеслась куда глаза глядят
километров семьдесят бежала пока не свалилась без сил
когда вернулась совершенно изменилась
оглохла и стала заикаться
потом собственно и онемела
и срать перестала
в результате этого и потолстела
а все бабка ебень в пятку
она ведь тогда
отрезала у зайца лапку
нацепила на палку
и просунула между досок в сортире
ну
как говорится сделанного не переделаешь
зато опеку бабке оформили
едят с внучкой креветку с атлантики
и не жалуются

10

северное костровище
палаточный лагерь
ажитоаж

все кричат
кальраби колираби
кольраби калирабы

шеолайя и панч прунтишка обнялись и наблюдают

кольраби и верный горбатый динозавр
выходят на поляну
а с ними
30 прикованных к тиранозавру
29 лебезящих
и трогательная девочка с напильником
отпилилась показывает фак и убегает
еще вдалеке мерзавцев рожи
а с потолка тюбетейки на пружинках
пару секунд поболтались и обратно в небо

шеолайя тиранозавру
не бери мужского
представляй себя как
женщину

все утихает

11

северное костровище
палаточный лагерь
все спят

шеолайя и панч прунтишка сидят на земле

панч прунтишка
погадай мне

шеолайя
теперь я хочу выпить твоей крови
у меня чешутся зубы

у меня сосет под ложечкой
еще минута и я сорвусь

п а н ч п р у н т и ш к а
подожди полминуты

через полминуты возвращается
со стаканом крови и повязкой на руке

ш е о л а й я выпивает

п а н ч п р у н т и ш к а
моя шеолайя
колдунья
вампир
миллионогрудая
но на каждом соске щит
водопад
громадная без лица
с черными волосами
на руках ногах подмышках лобке над губой на спине

ш е о л а й я отрешенно
мое орло
провалы
яблоко на бумажке
скачки мое орло
бумажка на яблоке
мое
разрывы
орло

12

северное костровище
вокруг него несметное количество людей

лысый старик
я расскажу вам про свой первый секс
черное море
профилакторий
у меня на руке два литра чачи
ведро печеной картошки с салом
и пакет с грецкими орехами в зубах
я решил что нужно
брать судьбу за нготь
стучу в первый попавшийся номер на шестом этаже
дверь незапертая
открывается от моих стуков
о милость небес
она
ОНА
парандзем тамара шанакдакете
даже не повела взглядом
владычица
возлежала на надувном матрасе
у меня заколотилось сердце
я упал в обморок
пролежал может час а может месяц
вскочил
встаю в на колено в позу
и как невинную жертву преподношу ей все что
имел с собой
два литра чачи
ведро печеной картошки с салом
и пакет с грецкими орехами
но она даже не взглянула на все это
я пытался с ней поговорить
но никакие звуки жесты или запахи
не смогли нарушить ее самодостаточное уединение в своей
самоцелостности
но я крепкий орешек друзья
на следующий же день я принес ей фруктов и вина
но это не сработало

королева не покинула будуар самости самосозерцания само-
полноты
тогда я принес ей курицу гриль
нет связи
тогда я принес ей желе чипсы и мешок перловки
хуй
по way
и тогда у меня сорвало крышу
и я как помешанный начал таскать ей все что приходило мне
на ум
настурции ножницы морскую воду карандаши
я не знаю что мной двигало
но на уровне дырки в анахате-чакре
я понимал что вектор задан правильно
и вот однажды где-то через неделю
когда ее комната стала сука ублюдочной помойкой
я разгоряченный притащил царице настольную лампу
льняного масла и пасту океан
все это я подносил к ее лицу
на чуть-чуть
на мгновение
настольная лампа
похуй
льняное масло
шиш
бросайся в море
но вот я приблизил к лицу этой женщины брикет с пере-
молотыми замороженными морепродуктами
она
зевнула
она зевнула
о боги
о могилы
о радиация
она зевнула
зевнула
зевнула зевнула зевнула

и я понял в тот момент
в тот inferнальный миг
что взлетаю
или проваливаюсь
у меня так сильно колотили сосуды в висках
что я решил непременно полизать дверной косяк
деревянный
и непременно чтобы на языке появились занозы
не меньше десяти
и я всю ночь лизал косяк
как тварь как выкидыш цербера
я вылизал ее имя на косяке
точное знание мне сказала что ее зовут да
как просто да
да
согласие с собой и миром
нет
но да
скажи да и еби всех в рот
улюлю охoho
ээх
да
на следующий день я продолжил свое дело
миссию если угодно
я подносил к лицу жрицы
к лицу богини
все
каждый ингредиент этой злосчастной пасты
осьминога
креветку
мидию
форель
нет ответа
что же там еще могло быть
и тут меня осенило
кальмары
каль

маары
как просто
от радости я забегал по потолку
почти как паук
и даже сплел паутину
это точно кальмар
иного быть не может
что еще подобает жертвовать
подносить
царице небес
источнику всего сущего
кальмар
да
я бегу к рыбакам
и меняю отцовскую мутоновую шапку на еще живого уни-
кального громадного кальмара
о матрона московская

в с е к р е с т я т с я

л ы с ы й с т а р и к
поднимаюсь на заветный шестой этаж
открываю дверь
подхожу
подношу к ее лицу кальмара

пауза

в с е
что
ну что
не молчи
продолжай

л ы с ы й с т а р и к
дальше не так интересно
она проснулась

высосала кальмару глаз
раздвинула ноги
и я ее трахнул

в с е выдыхают разочаровно
да
да
да
да

ж е н я
а меня зовут женя
идем мы как-то с леной по мира
я говорю может мне vybrить виски вот так
показываю рукой
лена говорит
поступай как знаешь
если хочешь выглядеть как долбоеб
я обнимаю лену
лапаю ее и восклицаю
отличный риторический ход мол
делай что хочешь
но в глазах лицеприятного множества ты сойдешь за мудро
муддху и сосунка
или вот
идем мы как-то с леной от ее мамы
темно
мужик вцепился в тетку
мужик
ты не понимаешь вообще меня
тетка
не понимаю
мужик
я люблю тебя вообще
понимаешь
вот
или купила мне лена тонкий лаваш

называется юха
я решил сострить говорю
надо их говорю их назвать кали-юха
чтобы быстрее скупали
чтобы кали-юха быстрее кончилась
или вот

лысый старик перебивая
стойте я же забыл
у моей истории есть продолжение
когда выебал
выебал ее
вынимаю член
смотрю
на головке капелька крови
смотрю я на нее смотрю
и с каждым мгновением она мне кажется все соблазнитель-
ней и соблазнительней
и как бы удачнее выразиться аппетитнее
будто слаще и питательнее ничего на свете нет
как ягодка
как котлетка
нагнулся я к капельке чтобы слизнуть и
хоп
весь мой член оказался у меня во рту до самых яиц
ну думаю
и груздем назвался и в кузовок залез
и трех зайцев прищучил
и капельку слизал
и без хирургического вмешательства исполнил мечту
всех самцов мужского пола
а капля такая вкусная
такая сытная
такая пьянящая
такая жизненная
я в ту же секунду понял что если
еще не причащусь этой крови то умру

быстро и болезненно
я обращаюсь к богине
дай еще капельку
умираю
богиня улыбнулась
раздвинула ноги во второй раз
указала рукой на влагалище
еще сотрясаемое недавней любовью
и прошептала
да
да
ну я сдуру и бросился в открытые ворота

пауза

в с е
и что там
что там
да что там

лы с ы й с т а р и к
а что
я-то здесь

пауза

ж е н щ и н а с о ч н а я
гегиевна
революции должны происходить
хотя бы в твоей тупой башке

г е г и е в н а
сама гегиевна
цветы завяли и вы завянете

м о р я ч о к
но прекрасен анал и никто его не запретит

все небритому хрену
ты ведь помнишь что такое революция
небритый хрен

небритый хрен
монодрама из одних согласных

все смотрят вверх
над ними возникает зубчатая передача
пошел дым
шестеренки двинулись на один зубчик

все встают и поют

ku la ži cha
sta ro ver ka
po vi tu cha
kir sa ni cha

su ri chi cha
po do kon' ju
u sta veš ka
si dya zyb ku

iz gni loy ro
go ži se keš
se ki pu sche
chto by by lo

chis to vy stry
gan ny o chep
plav no po ka
chi val zyb ku

de to rod na
ja smer tyn ka
var nak na var
na ke mo chal

u roch li vy
na pod lav ku
vy pol zok to
zal to voch ku

pod na po rom
bur' skri pe lo
ji o pyat' ne
vy pryam lya los

chto to ty ra
nen' ko vzbre la
smot ri chto by
lad no by lo

ne po god' smor
chok na pri jisk
za tru dy te
be na bab ki

sche ni las na
vo set ta ta
gruz di chvor' doš
la ja ba ba

ka me nuš ku
lu ka ja kov
kak kvas sruch jem
los kut' ja mi

si ne va ta
klin bo ro dy
ša ro myž ka
cher ny šo nok

gor ba ta ja
koš ka mur za
na zgal ne už
va rya vle su

si di vku ti
pe ki ku li
pra vo ko bel
pri jis ko vyh
po tas ku šek

или вот такую
которую написала м а ш а п л а к с и н а 3 сентября в 13:20

krish na
okii ereti cha
steklodu vnij
ho ro ho rik

olo lo hoho
bu bo lok
pod podol ok
ne do vol ok

ne davalj nik
umy valj nik
baso nu to
ai lja lja i nik

nad sos zo vyi
za ba dai ka
ja blju lu te
bja ba bai ka

ne po pal v u
shko i golki
potrja si mosh
nei u pol ki

bu si do u kosh
ki ba si
so svoim ho
reem v ve si

mas ti hin chik
instru mentik
otkuskus te bja
chu to chik

sam si di
vku ti piku li
pravo sam ka
pobe gu ja

шестеренки двинулись на один зубчик назад
в прежнее положение

все ощупывают друг друга
панч прунтишки нет

нежный женский шепот
шеолайя
панч прунтишка

шеолайя трогает свое лицо
будто просыпается ото сна
и диким зверем ревет
панч прунтишка
ты где

огромная женская рука опускается с небес

нежный женский шепот
на первый зов
отвечают почти все
на второй единицы
ты идешь или нет

шеолайя
где панч прунтишка

нежный женский шепот
он уже у меня
но тебя это не касается

шеолайя
касается
отдай мне панч прунтишку
мы ушли из дома
но не к тебе
а чтобы пожениться
и стать настоящей семьей
а не повторять одно и то же целыми днями

нежный женский шепот
хахахахахаха
глупая шеолайя
глупая овечка
забирайся мне на руку
я тебе все объясню

VII часть

1

шеолайя плавает в дырдыр

дырдыр
ну и что ты вынесла из всего этого

шеолайя
мне на секунду показалось
что из такого простого чувства
как жалость
способно родиться чудище с мордой кукулрукул
что на языке укусов за щекой обозначает
жажда владеть всем
существом которого однажды пожалел
чуть больше других

дырдыр
плавай шеолайя
плавай
хочешь расскажу о себе
я это он
он из пяти водяных струй

нераспадающихся на капли
когда ему некуда спешить
он идет на четырех струях
а пятая с лицом смотрит вверх
после его шагов на земле не мокро
но когда ему есть куда спешить
он вытягивается в один поток
а его носатая морда
вытягивается
вытягивается
вытягивается

ш е о л а й я засыпает
и тут же просыпается

ш е о л а й я
панч прунтишка
где панч прунтишка

д ы р д ы р
послушай дурочка

поет

у черного один вид
покрасневший

не по-звериному
беззубый

лапой еду
собирай в ком

грусти за стеной
или ширмой

сиди на месте
мы будем слушать

злость лечится дыханием
а я лечусь от зависти
дышу

завидуй любимой шеолайя
но ей не показывай
не не не
не стоит

продави ыыы
или грызки или чим бляум
пуньки

не завидуй не тебе
завидовать
ох завидуй завидуй

шеолайя ты пиявка
но гордись ты присосалась
к
ее подошве

ты не навредишь ей
пусть тебя
тебя топчут

завидуй не завидуй
не завидуй завидуй
маленькая пиявочка

когда о ней говорят плохо
ты всосись сильнее
в ее подошву

думай что ей больно
и неудобно

а
к ступне не лезь

а
к ступне не лезь

ох ты мальчик шеошеолайя
а она еще дереводеводевушка

ты же ччерненькая и
маумальчикй
ты же
тыры ты
ты же
тырры тв

шеошеолайя

завидуй не завидуй
не завидуй завидуй

люби не люби
завидуй не завидуй
не люби люби
не завидуй завидуй

течет река
а ле ле
ле
ле а
река

шеолайя
кровь титаническую выплюнь
и уменьшись
сложи ножки в карманчик
унизься
что тебе осталось

гнала волну
бульки из ротика
молчи и танцуй
все будет плохо для твоего
самолюбия
а имя ему писька
в ней жизнь
а от тебя даже могила увела запах
унизься и ух
всего много
как бы ты не таяла в злости
посмотри на полосатые ручки
и убери их в рюкзак
в карман
все будет а тебя

расколись рачколис небонько
коленькой
небушко колышком
нйобонько косточкой

лежат черные
шевелият золотыми пальчиками

ше о л а й я вылезла из ды р ды р
и насосом надула ей глаз пока ды р ды р пела

ды р ды р
ох мальчишка
почему ты выбрал самый
трудный путь
я же сказала что тебя ух
не будет
просто заткнись
молчи помалкивай
молчи молчи не раскрывая ротенции
ну услышат тебя

ше о л а й я кричит
панч прунтишка
я тебя люблю
ты где

ды р ды р
что хорошего
не раскрывай ротика
что ты скажешь умного чтобы не обидеть любимую
а
аальчик
повелеваю прислушайся и губки не размыкай
она замолчит и перестанет с тобой говорить
поэтому действуй и молчи
молчание молчание
не действуй и молчи

ше о л а й я
панч прунтишка
если ты меня слышишь
панч прунтишка
я люблю тебя не как ребенок
и не как взрослый
ты умрешь
но я тебе не вру
ты умрешь

ды р ды р грустно
все смотрят на стену
в нее вбито много гвоздиков
шепчут
гвоздик
гвоздик
гвоздик
огромная шестерня
вертят на шажок
и происходит

вертят ее обратно
все возвращается
цветцыгин
спаниэсс
когда шеолайя идет по лесу
у нее набухает грудь
и подол в крови
о так ли ты небезжизненна и поверхостна шеолайя
первертна и кровожадна
куда ты растешь

ш е о л а й я
наверное вверх

д ы р д ы р
прок листика
это как счастье быть нетождественным своей биографии
и цепь из кармана торчит как девичья коса
пизда в короне
прокляля
иди же отсюда
ты свободна
панч прунтишка ждет тебя снаружи

2

поле
яркий день
панч прунтишка и шеолайя бегут навстречу друг другу
у панч прунтишки шортики в крови
и наметилась грудь

Авторы

Батурина Анна

annbaturina@gmail.com

Букреева Анастасия

innersense@yandex.ru

Ищенко Юрий

tutsaspb@mail.ru

Лисакотя Света

Gdjedi@mail.ru

Клеблеев Владимир,

freshfiction@yandex.ru

Медведько Юрий

julia.pospelova@gmail.com

Поспелова Юлия

pos.vostok@gmail.com

Сташков Женья

Титул и шмуцтитулы

иллюстрированы картинами

Жени Сташкова:

- «Ложка хомы а вилка дома»,
- «Жека я тебе покушать купил»,
- «Зарисовка с натуры душевнобольного»,
- «Нужно посмотреть», «Говори за себя»,
- «Что они обо мне подумают», «Да это она»

ISBN: 9785990444232

**Анна Батурина, Анастасия Букреева, Юрий Ищенко,
Владимир Клеблеев, Светлана Лисакотя,
Юрий Медведько, Женя Сташков, Юлия Поспелова**

**ПИОНЕРЛАГЕРНЫЙ ТЕАТР,
ИЛИ
ТЕРРИТОРИЯ МУСОРА**

Пьесы

Корректор *Т. Добриян*. Верстка *Е. Кузьменок*.

Подписано в печать 5.05.2016. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 24.
Тираж 200 экз. Заказ ??.